

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БОГЕМИСТИКА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Сборник научных статей,
посвященный памяти
заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова
Александры Григорьевны Широковой
(1918–2003)

МОСКВА – 2020

УДК 81
ББК 81
О-82

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства Чешской Республики в Москве*

Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

В.В. Красных – доктор филологических наук,
профессор кафедры общей теории словесности филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;

А.В. Литвинов – кандидат педагогических наук,
профессор кафедры зарубежной и русской филологии МГППУ

Отечественная богемистика в новом тысячелетии : Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой / Отв. ред. А.И. Изотов, Н.В. Воробьева. – Москва : МАКС Пресс, 2020. – 152 с.

ISBN 978-5-317-06484-6

<https://doi.org/10.29003/m1490.978-5-317-06484-6>

Сборник содержит статьи, написанные учениками и коллегами ведущего отечественного богемиста минувшего столетия – заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой (1918–2003) и посвящен различным аспектам изучения и преподавания чешского языка во всем многообразии составляющих его идиомов, в том числе в сопоставительном плане.

Сборник предназначен для филологов-богемистов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: А. Г. Широкова, богемистика, чешский язык, литературный язык, койне, сленг, диалект, фразеология.

УДК 81

ББК 81

ISBN 978-5-317-06484-6

© Коллектив авторов, 2020

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2020

Заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова
Александра Григорьевна Широкова
(1918 – 2003)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лилич Г.А.</i> Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет.....	7
<i>Васильева В.Ф.</i> Профессор А.Г. Широкова – ученый и педагог.....	10
<i>Петрухина Е.В.</i> Принцип системности при исследовании словообразования и морфологии славянских языков в новой научной парадигме	13
<i>Мокиенко В.М.</i> «Чешско-русский фразеологический словарь»: жизнь и судьба	29
<i>Савченко А.В.</i> Фразеологические идеологемы как интертекстуальный маркер: стилистико-прагматический аспект и проблема перевода (на материале произведений Вен. Ерофеева и Й. Шкворецкого).....	37
<i>Черчук О.И.</i> О новых заимствованиях в современном чешском языке	49
<i>Хмелевский М.С.</i> Об истории формирования значения интенсификатора у качественных прилагательных и наречий (чешско-польские параллели).....	54
<i>Скорвид С.С.</i> «А теперь есть колонии чехов, между прочим – и на Кавказе».....	62
<i>Индыченко А.А.</i> Формы презентации интердиалектов чешского языка в медиапространстве и научно-популярной литературе	75
<i>Лифанов К.В.</i> Орфографические и фонетические богемизмы в словацких переводах XVII в. Сочинения Я. А. Коменского «Открытые Златые Врата Латинского Языка».....	82
<i>Васильева В.Ф., Воробьева Н.В.</i> К проблеме межъязыковой асимметрии родственных языков (чешский глагол <i>mít</i> и его эквиваленты в русском языке).....	94
<i>Рылов С.А.</i> Синтаксис и преподавание чешского языка как иностранный: сопоставительный подход	101
<i>Осипова О.А.</i> Омонимия универбов (на примере универбов- числительных) и проблемы их преподавания в чешском языке.....	107

<i>Белоусова В.В.</i> Učebnice na věčné časy или Миф об идеальном учебнике	113
<i>Изотов А.И.</i> Еще раз об идеальном и неидеальном учебниках	130
Авторы Сборника / Authors.....	148

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕДУЩЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ БОГЕМИСТЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ¹

Г. А. Лилич

**ABOUT THE LEADING RUSSIAN BOHEMIST OF THE POST-WAR
PERIOD**

G. A. Lilich

ABSTRACT:

The article is devoted to the assessment of the contribution of the Professor A.G. Shirokova (Lomonosov Moscow State University) to the creation and development of the national school of Bohemian studies.

Key words: A.G. Shirokova; Czech studies; Standard Czech; Common Czech; functional stylistics; Czech language teaching.

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена оценке вклада заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой в создание и развитие отечественной школы богемистики.

Ключевые слова: А.Г. Широкова; богемистика; литературный чешский язык; обиходно-разговорный чешский язык; функциональная стилистика; преподавание чешского языка.

Время не силах изгладить из памяти жизнерадостный, одухотворенный облик Александры Григорьевны Широковой... С годами же мы все яснее осознаем значимость ее роли в развитии нашей славистики и, в особенности, богемистики. Высоко оценивалось эта роль и чехословацкой научной общественностью. Так, в 1972 г. П. Адамец и Й. Влчек писали: «Ведущей личностью московской и вообще советской богемистики является профессор А.Г. Широкова, доктор филологических наук. Область ее научных интересов – это прежде всего чешский глагол (глагольный вид, категория многократности действий и др.), а также проблемы функциональных стилей чешского языка (соотношение литера-

¹ Статья Галины Алексеевны Лилич (1926-2012) – многолетней коллеги и друга Александры Григорьевны Широковой – была нами перепечатана из сборника [8].

турной нормы и разговорно-обиходного языка и т.п.). Наряду с теоретическими трудами она создала и целый ряд учебников чешского языка для высшей школы. А.Г. Широкова редактирует чешский язык и чешскую культуру, выступает инициатором плодотворных контактов между «советской и нашей наукой» [1].

Ученые по-разному приходят в науку, и иногда находя «свое место» в ней только после долгих исканий. Научная же судьба А.Г. Широковой была как бы predetermined тем, что в годы аспирантуры (1940–1943) она занималась под руководством выдающегося слависта А.М. Селищева, и ее диссертация «находилась в русле традиций сравнительно-исторического языкознания, которые, не уступая натиску пресловутого «нового учения о языке», отстаивал А.М. Селищев [2].

Вступление А.Г. Широковой в богемистику было ознаменовано выполненным ею переводом первого обобщающего труда по современному чешскому языку – «Грамматика чешского литературного языка» Ф. Травничека [3]. Сделав доступным этот труд широкому кругу лингвистов, А.Г. Широкова несомненно способствовала возрождению в нашей науке активного интереса к общим проблемам славистики. И в дальнейшем А.Г. Широкова много делала для ознакомления наших ученых с достижениями чехословацкого языкознания, с наследием Пражского лингвистического кружка.

Особого рассмотрения заслуживают учебники чешского языка, созданные ею и учениками. На них, по существу, заложили свое языковое образование все богемисты нашей страны.

А.Г. Широкова продолжительное время, хотя и с перерывами, работала в научных центрах Праги, досконально изучила материалы богатейшей картотеки Института чешского языка Чехословацкой АН, которые стали надежной базой, как для ее докторской диссертации, так и для других исследований, неизменно актуальных и встречаемых с большим интересом.

Особенно хочется подчеркнуть то, что в 60-е годы А.Г. Широкова оказалась в «эпицентре» острой дискуссии о проблемах соотношения кодированного чешского литературного языка и исторически сложившегося своеобразного идиома, известного под трудным переводимым названием «obecná čeština». А.Г. Широкова способствовала тому, что обсуждение чешскими учеными этих вопросов было перенесено на страницы журнала «Вопросы языкознания» [4; 7], и это в значительной мере активизировало дискуссию. А.Г. Широкова прозорливо оценила теоретическую значимость чешских языковых процессов. Время подтвердило подходы, развиваемые школой А.Г. Широковой, в особенно-

сти, работами Г.П. Нецименко, в которых подчеркнута, что «чешская языковая ситуация в силу своей специфичности может служить тем контрастным фоном, благодаря которому можно увидеть в новом свете целый ряд важных социалингвистических проблем, в том числе и таких, в отношении которых уже, казалось бы, сложилось однозначное мнение» [5].

Глубокое видение проблем и оригинальность проявляется в каждой работе А.Г. Широковой. Новаторскими можно назвать ее исследования в области глагольного вида (категория многократности чешского глагола), подходы к изучению синсемантических частей речи; изяществом и отточенностью отличается одна из последних ее статей, посвященная происхождению чешских фамилий-прозвищ [6].

И, конечно же, А.Г. Широкова оставила нам в наследство свои интересные идеи в области сопоставительного изучения современных славянских языков. Несомненно, они будут востребованы и учениками ее учеников.

Литература / References

1. *Adamec P., Vlček J.* Několik orientačních údajů o sovětské jazykovědné bohemistice posledních let // Československo-sovětské vztahy. I. – Praha: Universita Karlova, 1972. – S. 161.
2. *Гудков В.П.* Александра Григорьевна Широкова // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. – 1998. № 6. – С. 178.
3. *Травничек Ф.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. 1. Фонетика-словообразование-морфология / Пер. с чешск. и словарь *А.Г. Широковой* / Под ред. *Н.А. Кондрашова*. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. – 467 с.
4. *Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. – С. 11-12.
5. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003. – С. 174.
6. *Широкова А.Г.* Фамилии-прозвища отглагольного происхождения в чешском языке // Славянская филология. Межвуз. Сборник. Вып. VIII. Памяти профессора Ю.С. Маслова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 98-196.
7. *Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф.* К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961, № 1. – С. 44-54.
8. *Лилич Г.А.* Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38 / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина*. М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. С. 7-9.

ПРОФЕССОР А.Г. ШИРОКОВА – УЧЕНый И ПЕДАГОГ

В. Ф. Васильева

PROFESSOR A.G. SHIROKOVA AS A SCHOLAR AND AS A TEACHER

V. F. Vasilyeva

ABSTRACT:

Different aspects of research and organizational activities of the outstanding Soviet and Russian Bohemist and Slavist A.G. Shirokova are considered. For two decades Professor A. G. Shirokova headed the Department of Slavic Philology at the faculty of Philology (Lomonosov Moscow State University).

Key words: scientific heritage; founder of bohemistic school; functional approach; comparative study of Slavic languages

АННОТАЦИЯ:

Автор рассматривает разные аспекты многосторонней деятельности выдающегося советского и российского слависта, богемиста, на протяжении 20 лет возглавлявшей кафедру славянской филологии филологического факультета Московского университета профессора А. Г. Широковой.

Ключевые слова: научная традиция; основатель школы богемистики; функциональный подход; сопоставительные исследования славянских языков

Говорить о научном наследии профессора А.Г. Широковой трудно потому, что ее талант, широта интересов, разносторонность научных направлений, не поддаются однозначному измерению. Давать оценку научной, педагогической и организаторской деятельности профессора А.Г. Широковой чрезвычайно сложно и ответственно.

А.Г. Широкова стала основателем богемистической школы, и не только московской, получившей широкую известность за рубежом, но и региональных богемистических центров. Своим лингвистическим образованием профессору А. Г. Широковой обязаны десятки, если не сотни филологов-славистов не только России, но и бывших республик Советского Союза. Она преподавала все дисциплины лингвистической беге-

мистики: вела практические занятия по чешскому языку, читала теоретические курсы описательной грамматики, истории и диалектологии чешского языка, читала спецкурсы по обиходно-разговорному чешскому языку, по сопоставительному исследованию славянских языков, вела семинары, руководила дипломными работами и диссертационными исследованиями.

Научная деятельность профессора А. Г. Широковой на протяжении почти полувековой работы в Московском университете была чрезвычайно насыщенной, многоаспектной и базировалась на следующих общих проблемах:

- формирование чешского литературного языка;
- соотношение различных форм существования языка чешской нации;
- чешский и славянский глагол;
- сопоставительное изучение грамматического строя чешского и русского языков;
- функциональная грамматика славянских языков.

Одним из центральных аспектов, интересовавших А.Г. Широкову, были проблемы формирования и функционирования литературного чешского языка. На современном этапе лингвистической мысли она развивала идеи Пражской лингвистической школы с опорой на теорию литературных языков, которая, как известно, основывается на функциональной концепции языка с учетом и социальных факторов. Главный упор в ней делается на изучение внутриязыковых системных отношений, понимание и осознание взаимосвязанности и взаимообусловленности языковых явлений.

Функциональный подход определил и направленность собственно грамматических исследований профессора А.Г. Широковой как в монолингвальном, так и в полилингвальном планах.

Большое внимание Александра Григорьевна уделяла вопросам методологии, методам и методикам сопоставительных исследований, строго разграничивая эти понятия. В ее трудах по сопоставительному языкознанию в тесной связи с основополагающими понятиями методологии, научного метода разработаны определения языковой функции, базы сравнения, функционально-семантического эквивалента.

Живой интерес в чешских научных кругах вызывали работы профессора А.Г. Широковой по проблемам обиходно-разговорного чешского языка как второго языкового кода чешской нации.

Ею были созданы программы по всем аспектам лингвистической биемистики, она была автором и соавтором пяти учебников по чешскому языку, как практических, так и теоретических. Еще один аспект научной и педагогической деятельности профессора А.Г. Широковой – это про-

паганда чешского языка, чешской лингвистики и чешской культуры, что было по достоинству оценено в Чехословакии. Она была награждена многими наградами ЧССР, ей было присуждено звание Почетного доктора Карлова университета в Праге.

Литература / References

- Широкова А.Г.* Очерки грамматики чешского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952. – 190 с.
- Широкова А.Г.* Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – 352 с.
- Учебник чешского языка (для I и II курсов). Учебник для вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская.* – М.: Высш.шк., 1973. – 531 с.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская.* – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1988. – 544 с.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. 344 с.
- Изотов А.И.* Вечер памяти А.Г. Широковой // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2009. – №3. – С. 177-179.
- Широкова А.Г., Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И.* Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А.Г. Широковой.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 326 с.
- Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.А. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под ред. *В.Ф. Васильевой и А.Г. Машиковой.* М.: ООО "МАКС Пресс", 2004. 116 с.
- Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38 / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина.* М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. 200 с.

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В НОВОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Е.В. Петрухина

SYSTEM APPROACH IN THE STUDY OF DERIVATION
AND MORPHOLOGY IN THE SLAVIC LANGUAGES AND THE NEW
SCIENTIFIC PARADIGM

Elena V. Petrukhina

ABSTRACT:

The articles referring to the works of A. G. Shirokova considers the actuality of the system and function approaches in modern linguistics, including comparative analysis of Slavic languages. It also discusses possible applications and further development of these approaches with regard to Slavic word formation and the category of aspect. The author shows that it is hardly possible to explain the differences in semantics and use of aspect (as well as other grammar forms) between Russian and Czech without the system approach.

Key words: Slavic languages; system-functional method; word formation; category of aspect

АННОТАЦИЯ:

В статье с опорой на труды А.Г. Широковой обосновывается актуальность принципов системности и функционализма в современной лингвистике, в том числе при сопоставлении славянских языков. Анализируются возможности применения и развития данных принципов при изучении славянского словообразования и категории вида. Показано, что без системного подхода невозможно объяснить различия между русским и чешским языками в семантике и употреблении видов и других грамматических форм.

Ключевые слова: славянские языки; системно-функциональный метод; словообразование; категория вида.

1. Вступление. В основе данной статьи лежат тезисы, сформулированные Александрой Григорьевной Широковой и не утратившие своей актуальности в настоящее время. «Важнейшим научным методом изучения языков вообще, близкородственных в частности, является общенаучный системно-структурный метод, или подход, требующий от исследователей учета всеобщей связи явлений в языке, а следовательно, закономерных связей между частями отдельно взятого лингвистического объекта». «Система — это внутренне организованная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структура — строение этой системы, ее внутренняя организация» [Широкова 1998: 13, 15]. При сопоставлении близкородственных славянских языков исследование системных свойств и особенностей структурной организации лингвистических объектов сопровождается определением «функциональной значимости тех или иных языковых единиц», то есть выявлением той роли, «которую они играют в высказывании, тех задач, которые они выполняют, той цели, которой они достигают» [Широкова 1998: 20].

Известно, что системность и функционализм являются фундаментальными принципами структурной лингвистики, изложенными в Тезисах Пражского лингвистического кружка, в работах Р. Якобсона и многих других лингвистов XX века, в том числе и в трудах А.Г. Широковой. По нашему мнению, эти принципы не потеряли своей значимости и в XXI веке. Далее мы рассмотрим некоторые идеи и результаты изучения словообразования и морфологии славянских языков в современной когнитивно-коммуникативной, антропоцентрической и объяснительной научной парадигме [Кубрякова 1994, Кибрик 1995] в соотношении с функционально-системным методом структурной лингвистики.

Понимание языка как «функциональной и целенаправленной системы средств выражения», как «системы систем» [Тезисы ПЛК 1967] отражает онтологические свойства естественных языков, реализующих устойчивые и системообразующие связи языковых единиц, а также более частные «закономерные связи между частями отдельно взятого явления» [Широкова 1998: 14]. При этом с учетом научной парадигмы может меняться ракурс исследования и степень актуальности изучения системно-структурных свойств языка. Когда научные интересы концентрируются на когнитивных аспектах производных слов и грамматических форм в связи с исследованиями общих когнитивных языковых процессов, осуществляемых в коммуникации, видоизменяется и сама интерпретация системного устройства языковых категорий.

2. Развитие принципа системности в славянском словообразовании

2.1. Структурные единицы словообразовательных систем славянских языков. В славистике 20-го века были изучены основные структурные словообразовательные единицы, такие как «способ словообразования, словообразовательный класс и словообразовательный образец..., ономаσιологическая категория, словообразовательная категория и словообразовательный тип» [Dokulil 1963: 93]. Русское словообразование наиболее полно исследовано как система способов словообразования, словообразовательных типов и словообразовательных гнезд [Русская грамматика 1980, Улуханов 1996, Тихонов 1985, Ширшов 2004], а чешское словообразование – как система ономаσιологических и словообразовательных категорий и словообразовательных типов [Dokulil 1962, Akademická gramatika 2013: 96–196]. Развитие под влиянием работ М. Докулила ономаσιологического направления в русистике потребовало введения в деривационные исследования понятия словообразовательной категории (СК) [Земская 1992: 25–27; Коряковцева 1999, Кубрякова 2006а], а также изучения иерархического устройства системы СК. Соответственно было разработано понятие семантико-словообразовательной категории (в дальнейшем ССК) [Кадькалова 1994; Коряковцева 1998], которая формируется группой СК на основе семантической общности и входит в соответствующую ономаσιологическую категорию.

2.2. Опыт применения понятия ССК в сопоставительных исследованиях. Проведенное нами сопоставительное исследование выражения словообразовательными средствами несоответствия объектов и признаков представлениям о действительности и норме в русском и чешском языках с использованием понятия ССК [Петрухина, Поляков 2019а] показало эффективность данного понятия. ССК предстает как иерархическая структура, объединяющее несколько СК, выражающих: 1) фальсификацию, подмену или качественное несоответствие эталону, имитацию (*псевдо-, лже-, квази-, вместо-, недо-, фальши-*; *pseudo-, kvazi-, lži-, rádobu-, také-/taky-*); 2) похожесть с качественными отличиями (*квази-, псевдо-, -оид, эрзац-, -видн(ый), -подобн(ый), -образн(ый); kvazi-, pseudo-, -oid, pa-*); 3) более низкое или смежное положение в иерархии (*суб-, под-, пара-, недо-, полу-, около-*; *sub-, pod-, para-, skoro-, téměř-, polo-*); 4) отрицание тождества и противоположность (*не-, анти-, контр-, противо-* и др.; *ne-, bez-, anti-, proti-, kontra-, vzdoro-, truc-*); 5) качественно иную последующую фазу существования (*мета-, пост-, после-; post-, po-*); 6) выход за онтологические рамки стандарта (*гипер-, транс-, сверх-; hyper-, nad-, trans*).

Данные СК в определенных условиях коммуникации, типах дискурса и в зависимости от семантики производящей основы сближаются и пересекаются, формируя особую когнитивную структуру, упорядочивающую наши знания о типах несоответствия действительности и о фальсификации. Так, в обоих языках многочисленны случаи синонимичного употребления лексем с префиксами и префиксоидами из разных СК, например: *псевдонаука, квазинаука, лженаука, ненаука, антинаука*, в чешском языке соответственно *pseudověda, kvazivěda, pavěda, nevěda, antivěda*.

Изучение словообразования на семантической основе с применением структурного понятия ССК позволяет выявить функционально-стилистические различия между сходными русскими и чешскими аффиксами: например, невозможность образования терминов с *lži-* в чешском языке – в то время как в русском это один из распространенных терминомаркеров (*лжеакция, лжелиственница*), а также маргинальный характер *na-* (*нагруздь*) в русском при более широком функционировании аналогичного форманта в чешском, включая возможность образования неологизмов (*paargument, paslovo*). Специфической структурной чертой чешского языка является наличие ряда незаимствованных префиксоидов, конвертированных из других частей речи и не участвующих в образовании терминов. Наиболее частотными среди них являются *rádoby-* и *skoro-*: *rádobyherec* ‘псевдоактер’, *skoromanžel* ‘почти муж’, затем следуют *také-/taky-*, *téměř-*, *jako-/jakoby-*, различающиеся степенью экспрессивности. Данная ССК имеет полевою структуру, ядро которой в обоих языках составляют производные слова с греко-латинскими аффиксами *псевдо-*, *квази-*, *pseudo-*, *kvazi-/quasi-*, в русском языке к ядру можно отнести также префиксоид *лже-*. Словообразовательный инвентарь ближней и дальней периферии данной ССК проявляется в русском и чешском языках черты как сходства, так и различия формантов по происхождению, по семантике, по функциональной и стилистической нагрузке [Петрухина, Поляков 2019б].

Таким образом, в новой лингвистической парадигме актуальна задача изучения системы и динамической иерархии СК в рамках ССК, а также словообразовательного поля, которое также выступает связующим звеном между системным и когнитивно-дискурсивным направлениями в словообразовании. Оно было введено в русистику О.Г. Ревзиной [Ревзина 1969], но до начала XXI в. практически не использовалось. Е.В. Клобуков показал нереализованный потенциал этого понятия для исследования и описания русского и славянского словообразования [Клобуков 2016]. Словообразовательное поле – это комплексная единица (с выделением центра и периферии), интегрирующая «все словообразовательные категории, деривационное значение которых опирается на одно и то же общее понятие, на общий концепт» [Клобуков 2016: 36]. Полевою структуру имеют не только лексические, словообразовательные,

функционально-семантические, лексико-грамматические, но и морфологические категории [Адмони 1988], в частности категория глагольного вида [Бондарко 1984, Петрухина 2006] (о виде речь пойдет в разделе 3).

2.3. Когнитивно-дискурсивное направление в славянском словообразовании. Понимание языка как функциональной системы средств выражения, имеющей целевую направленность, определило в русистике и славистике XX века сочетание системно-структурного подхода с функциональным и изучение роли словообразования в коммуникации [Земская 1992, Ohnheiser 2003], в актах порождения и понимания речи [Милославский 1980, 2003]. Все это подготовило почву для развития в XXI веке когнитивно-дискурсивного направления в славянском словообразовании [Кубрякова 1998, 2004, 2006б, Waszakowa 2015, 2017].

Е.С. Кубрякова сформулировала задачи когнитивного подхода к изучению словообразования в славянских языках, поставив вопрос о синхронной реконструкции словообразовательного акта как перехода от знака-сообщения к знаку-номинации. Производное слово при этом рассматривается не как сочетание семантических признаков, а как «взаимодействие фреймов», и не только как компрессия поверхностной структуры словосочетания, предложения или описательной номинации, т.е. мотивирующего суждения, но и полного знания об обозначаемом фрагменте действительности [Кубрякова 1998, 1999, 2004]. Например, аффикс *-изациј-* в производном слове *балканизация* вводит новое производное в разряд отсубстантивных имен действия типа *долларизация*, *паспортизация*. Чтобы понять, какой общий процесс ассоциируется с географическим названием Балканы (в высказываниях типа *Нельзя допустить балканизацию государства. Речь шла о несостоявшемся проекте балканизации России*), надо знать об актуальных политических процессах в названном регионе, а именно о распаде в 90-е годы на несколько мелких государств находившейся на Балканах Югославии, сопровождавшемся обострением отношений между новыми государствами (вплоть до гражданской войны) и о дальнейшем их дроблении [Нехамкин 2013, Петрухина 2018]. В когнитивных исследованиях говорящий предстает как концептуализатор, создающий в своей речевой деятельности образ действительности, в котором большую роль играют производные слова как опорные единицы в сети семантических и концептуально-культурных взаимосвязей [Waszakowa 2012, 2017].

В славистике важным направлением изучения системной организации языка является развитие одного из тезисов Пражского лингвистического кружка о динамичности языковой системы, т.е. «признание того, что языковая система это не закрытый конструктор, а открытая, динамичная, изменяющаяся и развивающаяся система, подверженная влиянию факторов общественных и социальных» [Широкова 1998: 13]. Активно

изучаются конкуренция, вариативность, семантическая и стилистическая дифференциация сосуществующих словообразовательных единиц, одни из которых активизируются, другие уступают; тенденции развития словообразовательных категорий, моделей, формантов и системы в целом [Земская 1992, Martincová 1995, Buzássyová 2000, 2003]. Во многих современных работах описывается, как словообразовательные системы славянских языков реагируют на социально-экономические, политические и культурные изменения в обществе, создавая новые производные слова, включенные в словообразовательные типы, категории и гнезда для удовлетворения возникающих номинативных и коммуникативных потребностей социума [Martincová a kol. 1998, 2004; Земская 1996; Нешиченко 2003; Dynamika 2003; Neologizmy 2005; Niševa 2014].

Исследуются также механизмы ситуативного и контекстного словообразования, так как в современных славянских языках наблюдается активизация продуктивных словообразовательных типов и моделей, по которым слова не воспроизводятся, а образуются в речи. Производные слова при этом выполняют дискурсивные функции, направленные «на порождение связного текста (или дискурса on-line)», т.е. «порождением новых единиц номинации при отсутствии “готового” средства передачи необходимой информации» [Кубрякова 2006б: 143]. Дискурсивное и ситуативное образование слов является конституирующим свойством славянского словообразования [Петрухина 2010, 2012, Waszakowa 2017: 112–162], способствующее заполнению лакун в словообразовательной системе и обеспечивающее ее динамизм. При этом создаются и «одноязычные» слова, окказионализмы, созданные для конкретного контекста, часто как индивидуально-авторские новообразования с нарушением словообразовательных закономерностей. Тем самым повышается степень «неструктурированности» словообразования. О подобных свойствах языковой системы писала А.Г. Широкова: «языковая система, хотя и является хорошо организованной совокупностью языковых элементов, совокупностью частных, локальных систем, характеризуется также (в разной степени) неструктурированностью, несистемностью, асимметрией и наличием лакун» [Широкова 1998: 14].

В следующем разделе мы рассмотрим ряд важных положений системно-структурного и функционального методов при изучении в славянских языках морфологии – на примере категории вида.

3. Категория глагольного вида в славянских языках: системная общность, структурные и функциональные различия

3.1. Системная общность. Как известно, в славянских языках наблюдаются системная общность категории вида – это позволяет говорить о виде как о славянской категории (при этом учитываются все славянские языки, кроме микроязыков). Славянский вид – это морфоло-

гическая номинативная категория деривационного типа, отражающая характер протекания действия во времени и восприятие его протекания говорящим [Петрухина 2014]. Ее структура определяется бинарной оппозицией глаголов СВ и НСВ, большая часть которых находится в деривационных отношениях: от простых глаголов НСВ образуются приставочные глаголы СВ (*писать – подписать, приписать, написать*), от них в свою очередь возможно образование вторичных имперфективов (*подписывать, приписывать*). Префиксации и суффиксации глаголов в славянских языках имеет грамматические последствия – перфективацию и имперфективацию глаголов, т.е. изменение вида и как следствие изменение формообразования и сочетаемости. Важно, что независимо от типа деривации в славянских языках при префиксации и суффиксации грамматические свойства производного глагола кардинально меняются, что является типологической особенностью славянской внутриглагольной деривации.

Словообразовательные механизмы префиксации и суффиксации, реализуемые внутри именных частей речи, такого систематического влияния на грамматические свойства имен не оказывают. Так, префиксация имен не ведет к изменению их грамматических свойств (ср.: *город – пригород, культура – псевдокультура, станция – подстанция, кризисный – антикризисный*). Суффиксация имен существительных может изменить их род и соответственно сочетаемость с прилагательными, а также парадигму падежных окончаний (например: *школа – школьник, программа – программист, окно – подоконник, стол – столешница*), но эти изменения не носят обязательного и системного характера. Можно привести целый ряд типов отыменного суффиксального (а также префиксально-суффиксального) словообразования, когда род мотивирующего и мотивированного совпадают, например при образовании деминутивов: *дом – домик, кресло – креслице, хлеб – хлебец, дорога – дорожка*; личных имен существительных от предметных существительных мужского рода: *автомат – автоматчик, буфет – буфетчик, атом – атомщик, сад – садовник*; предметных имен: *творог – творожник, чай – чайник, рукав – рукавник, море – приморье, зеркало – зазеркалье*. Изменение рода в приведенных и подобных им примерах не может быть интерпретировано с семантической точки зрения, так как в деривации участвуют неодушевленные существительные либо в качестве производящих (при образовании личных имен), либо (при деривации в классе предметных имен) и как производящие, и как производные. Внутриглагольная деривация, причем как суффиксация, так и префиксация, имеет совершенно другой характер, свидетельствующий о грамматической значимости словообразовательных процессов в сфере глагола, что и

позволяет определить вид как грамматическую деривационную категорию.

Грамматические последствия префиксации и суффиксации глаголов, а также сочетаемость, формообразование и функции глаголов СВ и НСВ имеют системное сходство во всех славянских языках и рассматриваются в славянской аспектологии во взаимосвязи.

Глаголы СВ в славянских языках исключают представление о незавершенном, длящемся процессе. Поэтому они не могут быть употреблены при обозначении актуального длящегося процесса (в частности совпадающего с моментом речи). В ответ на вопрос «Что ты сейчас делаешь?» – «Пишу письмо» / чешск. «*Co ted' deláš?*» – «*Pišu dopis*» / словен. «*Kaj pravkar delaš?*» – «*Pišem pismo*») не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ. Во всех славянских языках глаголы СВ не сочетаются с показателями фазовости: нельзя сказать *начал построить.

В определенных контекстуальных условиях во всех славянских языках возможно и синонимическое употребление глаголов СВ и НСВ, т.е. нейтрализация видового противопоставления, например при обозначении единичного результитивного действия в прошлом, глаголы НСВ при этом имеют общефактическое значение (ОФ): *Я защитил / защитил диссертацию по физической химии – Obhajoval / obhájil jsem disertační práci v oboru fyzikální chemie.* Такие и другие подобные контексты позволили сделать вывод, прозвучавший во многих славистических работах (Р. Якобсона, А.В. Бондарко, А. Исаченко, Ю.С. Маслова, А.Г. Широковой и др.) о немаркированном характере НСВ, а видовую оппозицию определить как привативную – с маркированным СВ и немаркированным НСВ. «СВ, будучи “сильным” членом оппозиции (семантически маркированным и интенсивным, а тем самым и менее многозначным) изображает действие в его неделимой целостности, а НСВ как “слабый” (немаркированный и экстенсивный) член оппозиции оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным» [Маслов 2004: 35].

3.2. Функциональные и структурные различия. А.Г. Широкова подчеркивала, что системно-структурный метод при сопоставительном изучении славянских языков связан с функциональным методом описания языковых явлений: «при функциональном подходе центр сопоставления переносится на конфронтацию функциональную, позволяющую установить правила функционирования категорий или микросистем сопоставляемых языков в определенных условиях контекста и речевой ситуации» [Широкова 1998: 35; 1978].

Изучению и описанию существенных расхождений между славянскими языками в функционировании видов посвящена большая специальная литература. Расхождения затрагивают все типы употребления

видов, кроме употребления НСВ в конкретно-процессном значении и СВ в конкретно-фактическом значении. Соответственно в славянских языках не совпадает функциональная область употребления видов при обозначении повторяющихся действий, в настоящем историческом, в отрицательных конструкциях и др. В русском языке (а также в болгарском) наблюдается «экспансия» НСВ, что соответствует его немаркированному характеру. А в чешском (а также, например, в словацком и словенском), по сравнению с русским языком, в названных типах контекста более активен СВ [Широкова 1971, Петрухина 2000, Dicky 2000]. Проиллюстрируем данный тезис на примере функциональной области ОФ глаголов НСВ.

В славянских языках при ОФ значении обозначаемая ситуация концептуализируется как потенциально повторяемая [Мелиг 2013: 28]. Если речь идет об уникальном событии в прошлом, то во всех славянских языках (славянская универсалия) НСВ невозможен, например в таких вопросах *Когда родился Эйнштейн? *Кто писал роман «Война и мир»? Расхождения между славянскими языками связаны с выделением двух разновидностей ОФ значения. В первом случае глагол НСВ отсылает к типовой нереперентной ситуации, например: *Ты когда-нибудь поднимался на эту гору?* Во втором речь идет о конкретной референтной ситуации, которая может повторяться (см. пример о защите диссертации, приведенный выше). Распределение видов в соответствующих двух разновидностях контекстов в славянских языках не совпадает.

ОФ типовое характерно в большей степени для русского языка, а для чешского вообще невозможно. Это соответствует более сильной позиции неограниченно-кратного значения НСВ в русском языке, чем в чешском. Так, ОФ типовое в русском языке могут выражать и глаголы НСВ, обозначающие непредвиденные действия (входящие в класс achievements, по З. Вендлеру [Vendler 1967]): *Тебя когда-нибудь кусала собака? Ты когда-нибудь терял паспорт?* В чешском языке такие предложения с НСВ невозможны, только с СВ: **Už tě někdy kousal (НСВ) pes? Ztrátil (СВ) jsi někdy pas? (*ztrácel – невозможно).* Эта закономерность также связана с тем, что подобные глаголы НСВ в чешском языке не употребляются в неограниченно-кратном значении. Второй тип ОФ известен обоим языкам, в соответствующих русских предложениях предпочтительны глаголы НСВ, а в чешских эквивалентных переводах возможны оба вида. Ср.: *Извините, сколько стоят билеты на самолет до Калининграда? – Не знаю, это муж покупал* (глагол СВ купил возможен, но маловероятен). *Prosím vás, kolik stojí letenky do Kaliningradu? – Nevím, manžel to koupil / kupoval* [Петрухина 2015а].

Широкая сфера употребления глаголов СВ и сужение области употребления НСВ в чешском языке, согласно законам естественной морфологии [Dressler 2003], свидетельствует об ослаблении маркированно-

сти СВ и возрастании маркированности НСВ по признаку процессуальности [Петрухина 2013]. Эту закономерность доказывает целый ряд фактов, в частности и то, что в чешском языке нет непроцессуальных имперфективов типа русских *съесть, сгинать, вылечить, придти*, – либо они вообще не образуются, либо свободно могут иметь конкретно-процессное значение, например *přicházet*. С. Иванчев подобные непроцессуальные вторичные имперфективы назвал «семантическими перфективами» [Иванчев 1971: 48]. Особенно много таких глаголов в болгарском языке, для которого характерна регулярность вторичной имперфективации независимо от значения приставки, ср. *направлям, написвам, заплаквам* (вторичные имперфективы от глаголов СВ, эквивалентных русским *сделать, написать, заплакать*). Широкое распространение «семантических перфективов» НСВ в болгарском языке – это своего рода «плата» за высокую степень грамматикализации категории вида и регулярности видообразования, когда вторичный глагол НСВ образуется независимо от лексического и словообразовательного значения исходного глагола СВ.

В чешском языке вторичные имперфективы с чисто результативными приставками, не имеющими конкретных пространственных или других обстоятельственных значений либо вообще не образуются (чеш. *jíst / sníst / Ø*; чеш. *lěčit / vylěčit / Ø*), либо в случае образования свободно развивают конкретно-процессное значение: чеш. *Vlak právě přijížděl do stanice*; *Поезд как раз подъезжал к станции* (букв.: **приезжал на станцию*). Русский язык в этой области занимает промежуточное положение между болгарским и чешским языками: имперфективация не столь регулярна, как в болгарском, но возможна и при исключительно результативном значении приставки, при этом в ряде случаев образуются «семантические перфективы» НСВ, типа *съедал, вылечивал*. Для таких глаголов характерно отсутствие процессного значения и употребление лишь в неограниченно-кратном значении и в настоящем историческом.

Зафиксированы и другие структурные различия в устройстве категории вида между отдельными славянскими языками – в закономерностях проявления видовой парности и численности одновидовых и двухвидовых глаголов, образовании способов глагольного действия, во взаимодействии вида с другими грамматическими категориями, в частности времени и залога и др. [Петрухина 2015б]. А.Г. Широкова пришла к выводу, который подтверждают и наши исследования, что структурные и функциональные различия между славянскими языками в организации видовых систем и употреблении видов не противоречат их системной соотносительности [Широкова 1998: 16].

3.3. Славянский вид в типологических исследованиях. Системную общность категории вида в славянских языках подтверждают данные

типологии – сопоставление славянского вида с аспектуальными системами языков мира [Аркадьев 2015, Татевосов 2019].

Исследования П. Аркадьева показали, что аспектуальные категории деривационного типа, подобные славянской, можно обнаружить в целом ряде языков Европы: в балтийских языках (литовском и латышском), в венгерском, а также в некоторых языках Кавказа, например в осетинском и грузинском. Так, во всех этих языках глаголы-перфективы, по значению и функциям сходные со славянскими глаголами СВ, образуются при помощи приставок (превербов). Но при этом между славянской и неславянской разновидностями аспектуальных систем с префиксальными перфективами наблюдаются существенные системные различия. Было доказано, что, несмотря на формальные и функциональные сходства префиксальных глаголов, «в балтийских языках, в венгерском и в идише нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые позволили бы чётко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы» [Аркадьев 2015: 174]. Системным такое противопоставление оказывается в грузинском языке, где «в имперфективных контекстах (настоящее время в актуально-длительном значении и прошедшее несовершенное) глагол без преверба оказывается коррелятом всех своих превербных производных, выражающих подчас весьма разные лексические значения» [Аркадьев 2015: 115].

Учитываются также морфосинтаксические ограничения на сочетаемость глаголов с превербами, в частности запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях. Для всех названных неславянских языков, кроме осетинского, характерны сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами, дуративное употребление превербных глаголов (в частности глаголов перемещения), отсутствие вторичной имперфективации [Аркадьев 2015: 173], тогда как аспектуальная система осетинского языка очень похожа на русскую систему [Татевосов 2019]. Так, в осетинском языке результативные приставочные глаголы не сочетаются с фазовыми предикатами, «префиксальный глагол совершенного вида может с помощью особого показателя образовывать формы, похожие на имперфективные» [Татевосов 2019: 48]. Но степень грамматикализации категории аспекта в славянских языках все же значительно выше, чем в осетинском, в котором простые глаголы относятся, как правило, к несовершенному виду, а совершенный вид возникает в результате префиксации. В славянских языках в «орбиту» категории перфективности вовлекаются глаголы СВ и без префиксов (типа *бросить*, *дать*), эффектом перфективации может обладать и суффикс (-ну-).

С.Г. Татовосов подробно сопоставляет в русском и осетинском языках префиксацию предельных глаголов, способных выражать результативное значение, типа *улететь*, *написать*. Сопоставительное исследование выявило семантические различия в механизме префиксации между русским и осетинским языками. В русском языке в семантике префиксального глагола фиксируется результирующее состояние, возникающее «как денотат грамматического элемента, получающего фонологическую реализацию с помощью префикса» (*написал письмо=письмо написано*). В осетинском языке этот механизм иной – неграмматического характера [Татовосов 2019: 47].

Как представляется, усиление семантико-грамматического и системного компонента в аспектологических исследованиях как в славистике, так и в типологии позволит четче определить сущность и специфику славянского вида.

4. Заключение

Таким образом, сформулированные в рамках структуралистского направления в лингвистике принципы системно-функционального изучения и сопоставления славянских языков не противоречат новой когнитивно-коммуникативной научной парадигме, более того, в рамках последней они могут получить дальнейшее развитие, некоторые направления которого были отмечены в данной статье. В заключении мы хотели бы обратить особое внимание на роль системности в сопоставительных исследованиях славянских языков.

Сопоставление словообразовательных производных, моделей и типов в рамках семантико-словообразовательной категории (а также словообразовательного поля) способствует детальному выявлению сходств и различий в их структуре, мотивирующей базе, семантике, функциональной и стилистической нагрузке. Это позволяет ставить вопрос о содержательных сходствах и расхождениях между языками при выражении определенного категориального смысла, о различиях в интерпретации фактов действительности, выраженной в языке.

Интерпретационный компонент языковой единицы может полностью зависеть от соответствующей языковой подсистемы и ее структурных особенностей. В последнем разделе статьи было показано, что группа непроцессуальных вторичных имперфективов («семантических перфективов» НСВ) не является славянской универсалией: в частности она есть в русском и болгарском языках и отсутствует в чешском. Глаголы НСВ типа *съесть*, *прочитывать*, *вырастать*, как и моментальные глаголы типа *находить* [Апресян 1995: 219–237], не могут выражать процессуальное действие, при этом сам характер обозначаемых действий в реальности не создает предпосылок для языковых проявле-

ний непроецессуальности. Особенности семантики таких глаголов определяются общими закономерностями употребления видов, степенью регулярности образования вторичных имперфективов и особенностями видовой оппозиции. Иными словами, специфическая интерпретация обозначаемого действия, отраженная в семантике рассматриваемых дериватов, задается аспектуальной системой в целом. Поэтому при анализе отдельных различий в семантике и употреблении глаголов СВ и НСВ между славянскими языками необходимо рассматривать их с учетом системной организации категории вида в каждом языке. Аналогично без системного подхода невозможно объяснить особенности асимметричной видовой организации страдательного залога (пассива) в русском языке и симметричной в чешском [Петрухина 2015б], специфику употребления презентных форм СВ и другие различия в употреблении видо-временных в русском и чешском языках [Петрухина 2015а].

А.Г. Широкова неоднократно отмечала, что «при сопоставительном изучении родственных языков необходимо отличать языковые факты как явления системы от сферы их функционирования» [Широкова 1998: 16], а функциональный метод, обязательный при сопоставлении славянских языков, «не снимает необходимости их анализа на уровне системы» [Широкова 1998: 35]. Принцип системности приобретает особую значимость в новой лингвистической парадигме, в которой формируется общая концепция объяснительного описания языка, когда «КАК-лингвистика» заменяется объяснительной «ПОЧЕМУ-лингвистикой» [Кибрик 1995: 219].

Литература / References

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М., 1988. 238 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 769 с.
3. Аркадьев П.М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с.
4. Бондарко А.В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре / Ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1984. С. 29–38.
5. Иванчев Св. Проблемы на аспектуалността в славянските езици. София, 1971. 262 с.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 222 с.
7. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: Языки русской культуры, 1996. С.90–141.
8. Кадькалова Э.П. Развитие отношений между словообразовательными моделями одной словообразовательной категории: принципы и перспективы изучения // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 62–78.
9. Кибрик А.Е. Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. М., 1995.
10. Клобуков Е.В. Словообразовательное поле в системе единиц языка // Рациональное и эмоциональное в языке 2016. Материалы международной научной конференции. М.: Изд-во МГОУ, 2016. С. 29–39.

11. *Коряковцева Е.И.* Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. М.: Инст. русского языка им. В.В. Виноградова, 1998. 218 с.
12. *Коряковцева Е.И.* Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория // Ренате Беленчиков (Изд.) Новые пути изучения словообразования славянских языков. Vergleichende Studien von den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. Frankfurt am Mein, 1999.
13. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15.
14. *Кубрякова Е.С.* Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. К XII Международному съезду славистов в Кракове. Выпуск 3. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. С.53–71.
15. *Кубрякова Е.С.* О ключевых проблемах теории словообразования // Проблеми теорії і історії славянського словаутварення. Доклади Шостай Міжнародної конференції Камісії па славянському словаутваренню пры Міжнародным камітэце славістаў. Рэд. А. А. Лукашанец, З. А. Харьтончык. Мінск: ВТАА «Права і эканоміка». 2004. С. 22–32.
16. *Кубрякова Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006а. Т. 65, № 2. С. 3–13.
17. *Кубрякова Е.С.* О новых задачах в изучении функций словообразования // Функцыянальныя аспекты словаўтарэння. Доклады Міжнароднай IX навуковай конференцыі Камісіі па славянскому словаўтарэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Рэд. А. А. Лукашанец, З. А. Харьтончык. Мінск: ВТАА «Права і эканоміка». 2006б. С. 141–148.
18. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
19. *Мелиг Х.Р.* О разграничении «процессного» и «общефактического» значения несовершенного вида в русском языке 2013. № 4 С. 20–45
20. *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 296 с.
21. *Милославский И.Г.* Активная речевая деятельность – дырчатость языка – языковая картина мира // Материалы X Конгресса МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре». Пленарные заседания. СПб: Изд-во СПб-го гос. ун-та, том 1. 2003. С. 275–284.
22. *Нехамкин В.А.* Балканизация как социальный процесс: прошлое и будущее // Социум и власть № 1 (39) 2013. С. 40–44.
23. *Нещименко Г.П.* Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков) // Słowotwórstwo. Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich, Opole. 2003. С. 283–306.
24. *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 255.
25. *Петрухина Е.В.* Сближение и пересечение классов глаголов совершенного и несовершенного видов в славянских языках // Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. Munchen: Verlag Otto Sagner, 2006. С. 301-317
26. *Петрухина Е.В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке. // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. М.: МГУ, 2010. С. 424–442.
27. *Петрухина Е.В.* Контекстная деривация в соотношении со словообразовательной системой (на материале русского языка). Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst.

- Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów; seria 13/ Red. J. Sierociuk. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2012. С. 287–297.
28. *Петрухина Е.В.* Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica, 2014. С. 253–274.
 29. *Петрухина Е.В.* Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сб. статей V Международной конференции Комиссии аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Издательство Киотского университета. 2015а. С. 185–194.
 30. *Петрухина Е.В.* Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III / Ред. Р. Бенакьо. München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner. 2015б. С. 404–420.
 31. *Петрухина Е.В.* Ключевые вопросы современного славянского словообразования (в свете трудов Е.С. Кубряковой) // Когнитивные исследования языка. В поисках смыслов языка. Сб. науч. тр. памяти Е. С. Кубряковой. М.-Тамбов: ИЯ РАН, Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. С. 80–89.
 32. *Петрухина Е.В., Поляков Д.К.* Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках. [Globalization and Slavic word formation: XVI International Congress of Slavists \(Serbia, Beograd, 19-27. 08. 2018\): Thematic session.](#) / Лукашанец А.А. (ред.), Аризановская Л., Боздехова И., Драгичевич, Р., Пастух М., Петрухина Е.В., Поляков Д.К., Страмлич-Брезник И. 2019а. Национальная академия наук Беларуси. Институт мовознаўства імя Якуба Коласа. Беларускі камітэт славістаў. Права і эканоміка Мінск. С. 98–121.
 33. *Петрухина Е.В., Поляков Д.К.* Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках. Тезисы доклада на тематическом блоке «Глобализация и славянское словообразование» на XVI Международном съезде славистов (Сербия, Белград, 19-27. 08. 2018). 2019б. <https://sites.google.com/site/abstraktytemblokaksimks/home/petruhina-e-v?pli=1>. Дата обращения 03.09.2020].
 34. *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 154 с.
 35. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 789.
 36. *Татевосов С. Г.* Аспекты славянского стиля. Вопросы языкознания, 2019, № 2. С. 47–81.
 37. Тезисы ПЛК – Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17–42.
 38. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. I-II. М.: Русский язык, 1985.
 39. *Улханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996. С. 221.
 40. *Улханов И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 314 с.
 41. *Широкова А.Г.* Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. М.: Наука, 1971. С.292–298.
 42. *Широкова А.Г.* Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // Вестник Московского университета. 1978. Серия 10. Филология. № 6.
 43. *Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Широкова А.Г., Ананьева

- H.E., Васильева В.Ф., Изотов А.И.* Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А.Г. Широковой*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 10–100.
44. *Шурилов И.А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2004.
 45. *Akademická gramatika spisovné češtiny* / Red. Štícha F. Praha: Academia, 2013. 974 s.
 46. *Buzássyová K.*: Z vývinových tendenci a zmien súčasnej slovenčiny. In: *Studia Academica Slovaca. Separát*. Red. J. Mlacek. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského 2000, s. 300 – 309.
 47. *Buzássyová K.* Tendencia k nacionalizácii v českom a slovenskom tvorení slov. In: *Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. 1. Red. naukowy I. Ohnheiser. Universität Innsbruck – Institut für Slawistik, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej 2003, s. 152–159.
 48. *Dickey S.M.* Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. CSLI publications, Stanford, California. 2000.
 49. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha. 1962. 263 s.
 50. *Dokulil M.* Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti „tvoření slov“. *Slovo a slovesnost*, 1963. R. XXIV, č. 2. S. 85–105.
 51. *Dynamika a inovace v češtině a bulharštině (90. léta 20. století)*. Praha: ÚJČ AV ČR, 2003.
 52. *Martincová O.* K popisu dynamiky slovtvorného systému. In: *Rozumět jazyku*. Sborník PFUK. Praha: PFUK. 1995. S. 38–42.
 53. *Martincová O. a kol.*: Nová slova v češtině 1. *Slovník neologizmů*. Academia, Praha 1998.
 54. *Martincová O. a kol.*: Nová slova v češtině 2. *Slovník neologizmů*. Academia, Praha 2004.
 55. *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: Ústav pro jazyk český. AV ČR, 2005.
 56. *Niševa B.* Inovační procesy c české a bulharské jazykové situaci (na materiálu jazyka médií). *Studia philologica Pragensia*. Praha: Karolinum, 2014.
 57. *Ohnheiser I.* / Red. *Słowotwórstwo. Nominacja. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*, Opole, Universität Innsbruck, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. 2003. S. 541.
 58. *Vendler Z.* Verbs and times // *Linguistics in philosophy*, Ithaca. N-Y, 1967. S. 143–160.
 59. *Waszakowa K.* Kognitywno-komunikatywna funkcja motywacji słowotwórczej. *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима* / Red. Рајна Драгићевић. Belgrad: Uniwersytet w Belgradzie, 2012. S. 53–64.
 60. *Waszakowa K.* Kognitywistyczne ujęcia derywatów słowotwórczych a koncepcja Miłoša Dokulila. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. 2015 LXXI. S. 111–126.
 61. *Waszakowa K.* Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa. *Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim*. Warszawa: Nakład Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2017. 230 s.

«ЧЕШСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА*

В.М. Мокиенко

"CZECH-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARY":
LIFE AND DESTINY

Valery M. Mokienko

ABSTRACT:

The article describes the history of the creation of the "Czech-Russian phraseological dictionary", initiated by A. Wurm and brought to completion by V.M. Mokienko. A.G. Shirokova was a permanent consultant to the compilers of the dictionary, which gave it a special theoretical status. The reporter will tell about the collaboration of the compilers with the Jubilant,

Key words: A.G. Shirokova; Bohemistics; bilingual phraseology; Czech-Russian phraseological dictionary

АННОТАЦИЯ:

В докладе описывается история создания «Чешско–русского фразеологического словаря», инициированного А. Вурмом и доведённого до завершения В. М. Мокиенко. А. Г. Широкова была постоянным консультантом составителей словаря, что придало ему особый теоретический статус. Докладчик расскажет о сотрудничестве составителей с профессором А.Г. Широковой

Ключевые слова: А.Г. Широкова; богемистика; двуязычная фразеография; Чешско-русский фразеологический словарь.

Александра Григорьевна Широкова – одна из основательниц советской богемистики, инициатор многих славистических проектов, органи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-512-00005 «Воздействие языкового наследия Библии на фразеологические подсистемы русского и белорусского языков (историко-этимологический, структурный, функциональный, сопоставительный аспекты)».

чески сочетавших глубокою теорию с потребностями практического обучения чешскому языку в отечественных вузах. Её исследования категории многократности чешского глагола до сих пор не теряют своей теоретической дальнобойности в славистике, как и подходы к изучению синсемантических частей речи. До сих пор злободневны и актуальны принципы анализа взаимоотношения стандартного чешского литературного языка и чешского просторечия – так называемой «obespě češtinu», которые помогают и сейчас решить многие социолингвистические проблемы, вызывающие дискуссии. Эта теоретическая линия успешно проецируется в современную лингвистику Г. П. Нешименко и другими учениками А.Г. Широковой.

Переводы А. Г. Широковой на русский язык таких классиков чешской лингвистики, как Фр. Травничек, О. Гуйер, Б. Гарванек, В. Скаличка, В. Барнет и др. не только ознакомили советских филологов с достижениями пражской лингвистики, но и стимулировали мощное развитие функционального подхода к языку в нашей стране. Достаточно вспомнить о том, что один из признанных авторитетов в исследовании видовременных отношений русского глагола А. В. Бондарко был выпускником чешского отделения Ленинградского университета и обучался богемистике у Г.А. Лилич, близко сотрудничавшей с А.Г. Широковой.

Высокая теория у А.Г. Широковой постоянно поверялась практикой обучения студентов-богемистов. Её учебники (часть из которых написана в соавторстве с чешскими лингвистами) выходили из печати с завидной периодичностью и каждый раз отражали современное состояние богемистической дидактики: «Очерки грамматики чешского языка» (М., 1952), «Чешский язык» (М., 1961), «Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов» (в соавторстве с П. Адамецем, Й. Влчком, Е. Р. Роговской – 2-е изд. испр. и доп. – М., 1988), «Чешский язык» (в соавторстве с В. Ф. Васильевой, А. Едличкой (М., 1990). По этим учебникам учились практически все советские богемисты послевоенных выпусков. Сопоставительная же чешско-русская грамматика для студентов русского отделения государственных университетов СССР, изданная в 1990 по инициативе А.Г. Широковой и при её активном участии, стимулировала интерес к чешскому языку у будущих преподавателей русского языка.

Это взаимодействие теории с практикой нашло отражение в первом послевоенном «Чешско-русском словаре» с внушительным словником в 52 тысячи вокабул, составленном А.И. Павловичем под редакцией П. Поглея и М. Венцовской, где А.Г. Широкова была автором краткого очерка чешской грамматики. Как и её «Очерки грамматики чешского языка» (М., 1952), учебник «Чешский язык» (М., 1961), сопоставитель-

ные исследования и учебные пособия, этот очерк стал «вратами учености» для многих советских богемистов. Но именно «инкрустация» её грамматики в словарь, изданный в 25 тысячах экземпляров, придала ему особый теоретический вес. Интерес к двуязычной лексикографии у московского слависта был постоянен и мы, петербургские богемисты, воспитанные в словарной традиции Б.А. Ларина, постоянно консультировались с А.Г. Широковой при составлении специальных словарей.

Один из них – «Чешско-русский фразеологический словарь», за работой над которым деятельно следила Александра Григорьевна. Идея его принадлежала профессору А.Ф. Вурму, который начал её практическое осуществление в конце 50-х годов. «Чешско-русский фразеологический словарь» был задуман им как часть большой лексикографической трилогии, включавшей ещё два фразеологических словаря: русско-чешский и чешско-немецкий. Каждый из словарей должен был содержать примерно 12 тысяч переводимых фразеологизмов. Во всех этих словарях предполагались не только эквиваленты на втором языке, но и соответствия ещё на двух. Так, в первичных материалах «Чешско-русского фразеологического словаря» отдельные фразеологизмы сопровождались немецкими и словацкими параллелями. Упор в этой фразеологической трилогии делался на современное языковое употребление. Хотя в картотеке А.Ф. Вурма имелось немало эксцерпций из чешской классики, большая часть фразеологизмов была зафиксирована им именно в живой речи.

План, однако, не был осуществлен. В 1972 году Государственное педагогическое издательство в Праге получило от автора материалы для «Чешско-русского фразеологического словаря» в виде 6 тысяч карточек с фразеологизмами. Примеры на русский язык не переводились; немецкие и словацкие параллели приводились несистематично, лишь спорадически, и поэтому впоследствии от них пришлось отказаться.

По предложению А.Ф. Вурма в 1976 году в работу над словарем включился автор этих строк, который в тот же период самостоятельно собирал картотеку чешских фразеологизмов по художественной и публицистической литературе, а также в разговорной речи, готовя «Чешско-русский фразеологический словарь» примерно такого же типа для русских студентов-богемистов и чешских студентов-русистов. С авторами были заключены договоры о том, что мною материалы А.Ф. Вурма будут дополнены, эквиваленты расширены, стилистические пометы детализированы, а иллюстрации переведены на русский язык. В 1980 г. А.Ф. Вурм скончался, и работа была продолжена мною и редакторами Государственного педагогического издательства (Státní pedagogické nakladatelství, Прага) и издательства «Русский язык» (Москва) М. Венцовской, Д.А. Длуги и Н.Ф. Афониним. Ведущий редактор

Пражского педагогического издательства д-р М. Венцовска выверила картотеку А.Ф. Вурма по четырехтомному Толковому словарю чешского языка (Slovník spisovného jazyka českého. Díl 1-4. Praha: Academia, 1960-1971) и дополнила её отсутствующими фразеологизмами. Она упорядочила отбор всего фразеологического материала по его частотности и употребительности в современном чешском языке. Над этой рукописью в течении нескольких лет велась напряженная редакторская работа в обоих издательствах. В неё включились и рецензенты: проф. В. Барнет, а после его кончины д-р В. Барнетова, которая с исключительной тщательностью довела её до конца. Благодаря замечаниям рецензентов автор внёс коррективы не только в разработку словарных статей, но и в свои теоретические воззрения на филологию.

Полностью завершённая и отредактированная, готовая к публикации рукопись «Чешско-русского фразеологического словаря», однако, так и не увидела свет, ибо в начале «лихих 90-х» славянская редакция издательства «Русский язык» была упразднена и договоры со «Statním pedagogickým nakladatelstvem» были расторгнуты. Лишь благодаря московским редакторам, оперативно известившим меня об этой славистической трагедии, мне удалось в последний момент в двух рюкзаках перевезти отредактированную версию Словаря домой и сохранить результат этой почти полувековой работы нашей богемистической команды.

Тем более, что было что сохранять. Во многом наш Словарь, конечно, опирается на сложившуюся лексикографическую традицию двуязычной фразеологии: стержневой принцип расположения материала, систему последовательных компонентных отсылок, градацию эквивалентов и аналогов. Некоторые отличия в приемах обработки чешского материала обусловлены определенной структурно-семантической спецификой чешского языка по сравнению с другими языками или связаны с несколько иными теоретическими установками авторов. Но эти различия не имеют принципиального значения и представляют собой лишь небольшие модификации упомянутых принципов. Тем более, что в то же время в Словарь было внедрено важное (особенно для переводчиков), как кажется, лексикографическое новшество – попытка «идеографизации» описания с помощью отсылок на синонимы-аналоги. Тем самым этот словарь во многом отличается от как от вышедших в Чехословакии фразеологических словарей как учебного (Martínková M. Rusko-český slovník frazeologický. Praha, SPN, 1953; Smiešková E. Malý frazeologický slovník. 2. vyd. Bratislava, 1977), так и академического (Fr. Čermák... SČF 2009 1-4: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Díl 1-4. Fr. Čermák a kolektiv. – Praha: LEDA, 2009.) типа. Характерно в этом отношении, что лишь два года назад наши чешские коллеги под руководством Фр. Чермака издали заключительный, четвертый том своего

фундаментального фразеологического словаря чешской фразеологии и идиоматики в виде ономаσιологического компендиума. Разумеется, при этом мы с А.Ф. Вурмом учитывали как принципы отбора словника, так и лексикографический опыт своих чехословацких коллег.

Продемонстрирую указанные выше параметры нашего словаря на примерах фразеологии библейского происхождения. При всей их структурно-семантической универсальности в двух славянских языках мы пытались и характеризовать определённые различия при подборе русских эквивалентов к чешским библеизмам.

GOLGOTA

23. křížová cesta na Golgotu *bibl.*

- тернистый путь; путь на Голгофу; крестный путь

Srv. golgotská cesta

GOLGOTSKÝ

24. golgotská cesta *bibl.*

- тернистый путь; путь на Голгофу; крестный путь

Srv. křížová cesta na Golgotu

Teď už má klid a pokoj. I tu poslední golgotskou cestu má za sebou. Теперь он уже успокоился. Позади уже и тот его последний путь на Голгофу.

GOLIÁŠ

zápas Davida s Goliášem *v. D=54*

GOMORA

Sodoma a Gomora *v. S=300*

KŘÍŽ

672. má s kým, čím [pravý] kříž

- [сущее] горе ему с кем, чем

Bože můj, to má stará Blažková kříž se svými dětmi! *E. F. Burian, Osm odtamtud a další řady.* Боже мой, дети старой Блажковой – это ее крест.

Mluvili jsme všelicos, řekla jsem taky, jaký to máme s tím Taliánem kříž. *B. Němcová, Babička.* Мы говорили о всякой всячине, я сказала и о том, какое у нас сущее мученье с этим итальяшкой.

673. nést [trpělivě] svůj kříž

- [терпеливо] нести свой крест

Potom se snažila zapomenout. Sklonila hlavu, nereptala na svůj osud a trpělivě nesla svůj kříž. *Z. Jirotko, Saturnin.* Потом она пыталась забыть. Она склонила голову, не роптала на свою судьбу и терпеливо несла свой крест.

NEBE

84. (žít, mít se) jako v nebi

- жить (чувствовать себя) как в раю

Srv. je kde jako v ráji; mít nebe na zemi

Ted' jsem v Parkhotelu na terase, leží se mi tu jako v nebi, a za chvílku půjdu na večeri s fešáckým studentem. *N. Fryd, Kat nepočká.*
Теперь я в «Паркотеле» на террасе, лежу себе тут как в раю, и через несколько минут пойду ужинать с симпатичным студентом.

ZEMĚ, ZEM

země oplývající mlékem a strdím v. M=187

161. země, též zem zaslíbená

- земля обетованная; обетованная земля; обетованный край

Koncem minulého století se zdálo, že prudce rostoucí potřeba kaučuku učiní z Amazonie zemi zaslíbenou. *Co vás zajímá.* В конце прошлого века казалось, что быстро растущий спрос на каучук сделает Амазонию землей обетованной.

Наш многолетний труд, запечатлевший чешскую фразеологию в ее контекстных иллюстрациях из классики и современной литературы и разговорной речи, так не был опубликован, несмотря на многочисленные попытки предложить его рукопись русским и чешским издателям. И лишь пожертвовав контекстными иллюстрациями, нам удалось издать его «дайджестный» вариант в Оломоуцком университете благодаря неограниченной поддержке проф. Л. И. Степановой и главного редактора университетского издательства пани доктора Ганы Дзиковой: Mokienko Valerij M., Wurm Alfréd. *Česko-ruský frazeologický slovník*. 1. vydání. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. – 659 s. Памятуя, что Надежда умирает последней, автор этих строк продолжает пополнять словарь Словаря, консультируется с чешскими коллегами (особенно с проф. Фр. Чемаком) и ждёт издательской охазии. Ждёт ещё и потому, что работа над этим Словарём у автора этих строк была постоянно связана с дружеским и пиететным общением с Александрой Григорьевной Широковой.

В каком-то смысле «судьбоносным» событием для воспоминаний о наших встречах для меня оказалась только что прошедшая фразеологическая конференция в Карловом университете, на которой я был неделю тому назад. Я в Праге специально прошёл по улице Длоуге в Старом месте и заглянул в старинную гостиницу Карлова университета, где мне посчастливилось в 70-е и 80-е годы несколько раз по 2-3 недели жить в одном гостиничном коридоре с Александрой Григорьевной. Величественная архитектура гостиницы несколько противоречила тому скромному денежному вспомоществованию нашего министерства, которое нам выделялось на командировочные расходы. А поменять на кроны,

как помнит моё поколение, разрешалось в то время всего лишь 30 советских рублей. Из вынужденной экономии мы с А.Г. Широковой каждое утро завтракали в одном из наших номеров поочерёдно и варили чешские «шпекачки» нашими советскими нагревателями, заедая их аппетитными свежими чешскими рогликами. Разговоры за такими длительными завтраками в просторных номерах с высокими барочными потолками университетского отеля мне помнятся до сих пор. А советы Александры Григорьевны и сейчас помогают мне в словарной работе и в преподавании.

Особенно же помнятся её суждения о современной ей славистике и богемистике, воспоминания о её учителях – А. М. Селищеве, Р.И. Аванесове и С.Я.Бернштейне, и, конечно, – о наших живых ещё в её время классиках пражской лингвистики – Фр. Травничке, Б. Гавранеке, А.Едличке... Помню, как она живо и с юмором, только ей свойственным, рассказывала о своей недавней тогда встрече с щеголеватым и галантным А. В. Исаченко, только что вернувшимся из Калифорнии и поразившим её женское воображение ослепительно белым костюмом и шикарным (как мне кажется, тоже ослепительно белым) дорогим автомобилем... Но еще более была она восхищена его лингвистической логикой...

Кстати, и моя Наставница в богемистике, незабываемая Галина Алексеевна Лилич, дружившая с Александрой Григорьевной Широковой, тоже неоднократно с восхищением говорила об идеях А. В. Исаченко, на лекции которого она, будучи аспиранткой в Праге, ездила каждую неделю в Оломоуц. До сих пор мне помнится её лекция о теории семантической универбизации, прочитанной нам на 2-м курсе...

О нашей Г. А. Лилич я вспомнил сейчас не случайно. Ведь именно ей, как мне кажется, принадлежит одна из лапидарных, но исключительно точных и душевных характеристик А.Г. Широковой и её научного наследия. В статье «Вспоминая А.Г. Широкову. Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет», открывающей сборник, посвященный Александре Григорьевне, изданный в 2009 году, наша Галина Алексеевна Лилич пишет: «Время не силах изгладить из памяти жизнерадостный, одухотворенный облик Александры Григорьевны Широковой... С годами же мы всё яснее осознаем значимость её роли в развитии нашей славистики и, в особенности, богемистики...» (Лилич 2009, 7). И действительно, – «жизнерадостный, одухотворенный облик Александры Григорьевны» продолжает одушевлять и вдохновлять нас в исследовательских разысканиях. А главное – укреплять в нас любовь к чешскому языку и богемистике, которой она посвятила всю свою жизнь.

Литература / References

- Лилич Г.А.* Несколько слов о ведущем отечественном богемисте послевоенных лет // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38 / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина*. М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. С. 7-9.
- Павлович А.И.* Чешско-русский словарь: 52 000 слов / Сост. *А.И. Павлович*; под ред. *П. Погледя и М. Венцовской*; с прил. краткого очерка грамматики чеш. яз., сост. *А.Г. Широковой*. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 845 с.
- Учебник чешского языка (для I и II курсов). Учебник для вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская*. – М.: Высш.шк., 1973. – 531 с.
- Широкова А.Г.* Очерки грамматики чешского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1952. – 190 с.
- Широкова А.Г.* Чешский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – 352 с.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская*. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1988. – 544 с.
- Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. 344 с.
- Martínková M.* Rusko-český slovník frazeologický. – Praha: SPN, 1953. – 492 s.
- Mokienko Valerij M., Wurm Alfréd.* Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. – 659 s.
- Slovník spisovného jazyka českého. Díl 1-4. Praha: Academia, 1960-1971.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 1: Přirovnání / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. – Praha: LEDA, 2009. – 508 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 2: Výrazy neslovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. – Praha: LEDA, 2009. – 548 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 3: Výrazy slovesné / Eds. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. – Praha: LEDA, 2009. – 1248 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 4: Výrazy větné / Ed. Fr. Čermák. – Praha: LEDA, 2009. – 1268 s.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník / Ed. Fr. Čermák. – Praha: LEDA, 2016. – 528 s.
- Smiešková E.* Malý frazeologický slovník. 2. vyd. – Bratislava: SPN, 1977. – 196 s.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ МАРКЕР: СТИЛИСТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЕН. ЕРОФЕЕВА И Й. ШКВОРЕЦКОГО)

A.V. Savchenko

PHRASEOLOGICAL IDEOLOGEMES AS AN INTERTEXTUAL MARKER:
STYLISTIC, PRAGMATIC ASPECT AND THE PROBLEM OF
TRANSLATION (BASED ON THE WORKS OF VEN. EROFEEV AND
J. ŠKVORECKÝ)

A.V. Savchenko

ABSTRACT:

The article examines stable lexical units that can be considered as phraseological by their nature; such units contain in their semantics certain notional and stylistic features that reflect the socio-political realities of the time. These units can be attributed to phraseological ideologemes, the stylistic and pragmatic function of which is analyzed by the example of their use in a literary text.

Key words: Russian language; Czech language; phraseological ideologue; cliché; stylistic and pragmatic aspect

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются устойчивые лексические единицы, имеющие фразеологический характер и заключающие в своей семантике определенные смысловые черты и стилистические особенности, отражающие социально-политические реалии времени. Данные единицы можно отнести к фразеологическим идеологемам, стилистико-прагматическая функция которых анализируется на примере их употребления в художественном тексте.

Ключевые слова: русский язык; чешский язык; фразеологическая идеологема; клише; стилистико-прагматический аспект

...и не то что слова эти не имеют ни цвета, ни вкуса, ни запаха, а сами эти обороты холостые, как у нового агрегата Саяно-Шушенской ГЭС

(Вен. Ерофеев. Из записных книжек)

Одним из свойств языка художественного произведения является его способность впитывать, сохранять и доносить до потомков различные характерные черты и особенности языка определенной исторической эпохи. Под этим в первую очередь подразумевается особенности стилистики, которые, в частности, обусловлены спецификой лексического состава языка: его характером, нормами словоупотребления, стилистико-прагматическими установками и т.п.

Предлагаемая статья посвящена некоторым особенностям функционирования отдельных лексических единиц, свойственных конкретному историческому периоду развития общества, в структуре художественного произведения. Предлагаемый анализ основывается на примерах из произведений русского писателя Вен. Ерофеева («Записки психопата») и чешского – Й. Шкворецкого («Tankový prarog»), а также поэмы Ерофеева «Москва – Петушки» и его перевода на чешский язык. Выбор данных текстов в качестве анализируемых обусловлен несколькими причинами. Во-первых, оба автора одними из первых стали употреблять элементы «официального языка» в качестве особого стилистического приема, во-вторых, анализируемые произведения были созданы в одну историческую эпоху и приблизительно в одно время (середина 50-х – нач. 70-х гг. XX века).

Таким образом, цель статьи может быть определена как анализ использования авторами в художественных текстах т.н. фразеологических идеологем в качестве одного из экспрессивно-выразительных средств, способствующих созданию игры стилей (и смыслов) и способных придать произведению как известный «колорит времени», так и вызывать эффект стилистических контрастов, игры «высокого» и «низкого».

Под «фразеологическими идеологемами» в данной работе мы понимаем устойчивые сочетания, речевые клише и штампы, вошедшие в употребление и ставшие широкоупотребительными в период «строительства развитого социализма» в СССР и ряде стран т.н. соцлагеря (некогда причислявшихся к странам Восточной Европы). Такие фразеологические идеологемы (далее – ФИ) наиболее широко использовались в языке средств массовой информации: телевидения, радио и особенно на страницах газет; различными ФИ изобиловали речи партийных руководителей различного уровня. Вследствие этого, подоб-

ные лексические единицы проникали и в разговорную речь, где нередко становились основой каламбуров, языковой игры, шуток, анекдотов и т.п. Под клише или речевым штампом, в свою очередь, понимаются «стилистически окрашенные средства речи, отложившиеся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый <...> знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» [ЛЭС 1990: 588]. Состав клише очень неоднороден, границы его размыты, особенно трудно отграничивать клише от фразеологизмов и крылатых выражений. Условно клише можно разделить на две группы: 1. Своеобразные бытовые стереотипы, привычная «форма отражения тематико-ситуативной специфики деловой и разговорной речи» [там же: 589]. Распространяясь в основном в газетной публицистике, эти клише могут стать приметой времени. 2. Во вторую группу можно отнести такие клише, в которых эта привязанность к конкретной общественно-политической обстановке выходит на первый план; эти клише мы принято относить к идеологемам. Они несут на себе отпечаток существовавшего политического строя, господствовавшей идеологии, общественного сознания. Их источником были средства массовой информации, цитаты из выступлений политических руководителей, лозунги и призывы, внедрившиеся в массовое сознание людей.

Обратимся непосредственно к произведениям указанных авторов. «Записки психопата» – первое, по словам самого В. Ерофеева, заслуживающее внимания произведение, которое он начал писать еще в ранней юности (по его собственным словам – в семнадцатилетнем летнем возрасте). Впервые они вышли лишь в начале 2000-х гг. [Ерофеев 2000]. Уже в самом названии заключен элемент интертекстуальности: очевидно прослеживается отсылка к таким произведениям русской литературы, как «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского. «Записки...» Ерофеева представляют собой подобие дневника (самого автора), в котором отражены личные впечатления и чувства героя на фоне существующей политической и идеологической системы. По сути, незримое присутствие этой системы как раз и проявляется в произведении на языковом уровне в форме целых выражений-идеологем, их отдельных частей и «лексических осколков». Такие клишированные выражения-штампы, встречающиеся в тексте, имеют сходную природу: все они исходили от т.н. идеологического аппарата, функционировали в широкой сфере агитпропа. Некоторые из таких оборотов были свойственны и устной речи. Они использовались на собраниях партий-

ных активов, начальства различного уровня, на собраниях трудовых производственных коллективов и т.п. и быстро становились расхожими речевыми штампами, находившими отражение и в художественных текстах. Пример из «Записок...»: *С первых чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное «намечание перспектив», – и он предпочел приступить к действию. В середине марта Ерофеев тихо запл. В середине марта не менее тихо закурил.* В данном примере Ерофеев не просто использует разговорное клише-идеологему, но употребляет ее в виде цитаты, «закавычив» оборот. Другой пример: *Вы не думайте, что я получил какое-то указание свыше – специально вас перевоспитывать.* В этом случае встречается выражение *получить указание свыше* в сочетании с маркированным глаголом *перевоспитывать*, семантика которого также тесно связана с идеологическим и пропагандистским дискурсами. Вот еще один случай употребления популярного идеологического штампа: *Очень возможно также, что страх этот породил в посольском мозгу «далеко идущие выводы».* Как и в первом примере, выражение приведено в цитатной, «закавыченной» форме.

Использование кавычек для выделения устойчивых оборотов идеологического характера наряду с их свободным, «незакавыченным» введением в текст можно считать одним из приемов усиления стилистического контраста, прямой интертекстуальной отсылкой. В следующем небольшом фрагменте встречаются два частотных штампа, один из которых также дан в кавычках: *Пролетариат негодует. Как будто кто-то виноват, что они голодны и «выражают мнения».* Этот пример открывает другой тип идеологем, более свойственных официальному языку газетных сообщений и прочих письменных документов. У Ерофеева они часто оказываются в заведомо нелепом, комичном, абсурдном контексте: *Она же, в свою очередь, поразила меня изумительной способностью к бесконечному округлению даже при ежедневном воздействии алкоголя и испытыванию давления со стороны комсомольских тел* (ср. исход.: *испытывать давление со стороны кого-л., чего-л.*); *Но всё дело в том, что я не терплю категоричности, тем более если эта категоричность подмывает репутацию партийного вождя, а следовательно, и международный авторитет моей нации...; – У нас слишком мало разговаривают с такими, как ты, которые нам мешают! – Мешают? Чему мешают, товарищ начальник? – Чему?! Достижению нашей общей цели, Ерофеев, если вам это не известно!*

Некоторые фразеологизированные клише-идеологемы использовались в качестве обозначения существовавших не только общественно-политических, но и социальных реалий эпохи. В первых двух примерах встречаются штампы из области печати: *Я воспроизвожу мысленно фотографию последнего номера «Московской правды»... обмороженные и тем не менее улыбающиеся физиономии... Проклинаю мороз и разубеждаюсь в правдивости социалистической прессы; Операция продолжалась два дня, в продолжение которых все центральные газеты буквально были испещрены мудрой сентенцией «Курица не птица, баба не человек». Как и в некоторых ранее рассмотренных примерах, Ерофеев обыгрывает узнаваемые штампы: – Вы комсомолец, Ерофеев? <...> Авангард молодежи? – Видите ли, я давно поступил в комсомол и... немного запечатовал, как там написано в уставе – авангард или арьергард... В примере: *Одни пытались перепилить ножом каменную шею Венеры Милосской, другие выкрикивали антисанитарные лозунги* – автор прибегает к трансформации устойчивого сочетания за счет смешения двух разных штампов, достигая тем самым еще большего комического эффекта (ср. исход.: *антисоветские лозунги и антисанитарные условия*).*

В тексте можно встретить и другие фразы-клише идеологического характера: *Знаете, что я вам скажу, – вы никогда не собьете с правильного пути нашу молодежь – и, пожалуйста, бросьте эту вашу... пропаганду...; Поймите ту простую истину, что вы стараетесь переделать на свой лад людей, которые прошли суровую жизненную школу и которые <...> смеются и над вами, и над той чепухой, которую вы проповедуете...*

Ярчайшим проявлением фразеологических идеологем были бесчисленные и самые разнообразные лозунги, призывы, воззвания и т.п. Приведем лишь несколько примеров из В. Ерофеева: *Да здравствует великий наш народ – строитель коммунистического общества! И нашего великого завоевания от всех капиталистических попыток...* Следующий призыв, имеющий патетический характер, обыгрывается Ерофеевым стилистически – наряду с призывом-патетизмом используется народно-разговорный речевой штамп и библеизм: *«Почтим, – говорю, – мою память вставанием...» А сам плачу; стою, руки опустив, и плачу...; «На кого же я меня покинул», – говорю; а потом поправляю себя с улыбкой: «Не меня, а себя... покинул». И так хорошо улыбаюсь, слезы по лицу размаиваю... и шепчу, уже просветленный... «Царствие мне небесное!...»*

Подобные клишированные выражения идеологического характера существовали не только в русском языке. Такие лексические единицы активно «импортировали» языки стран, входивших в единый социалистический лагерь. Общая идеология способствовала порождению и распространению сходных по характеру ФИ и в этих языках. Главную роль в здесь, безусловно, играл русский «язык агитпропа», что можно проследить на ряде примеров из романа чешского писателя Й. Шкворецкого «Танковый батальон» [Škvorecký 1990].

Действие романа происходит в 50-е гг. XX в. в одной из частей Чехословацкой Народной армии, где помимо непосредственно военной, активно велась морально-политическая, идеологическая подготовка военнослужащих. Язык агитпропа Чехословакии калькировал расхожие обороты советского идеологического аппарата. Ограничимся лишь несколькими примерами: *Kárejte soudruhy za používání sprostých slov, ukazujte jim, že to jsou přežitky minulosti* <...>. В данном случае калькируется выражение *пережитки прошлого*, весьма распространенное в СССР первые годы Советской власти. Во втором примере мы встречаем два устойчивых сочетания – исторические термины, известные нам из статей В.И. Ленина: *gospodstvuující klass* и *pracovní klass*, также ставшие ФИ: “*A jak říkáme že tam byla vládnoucí třída*” “*Kapitalisti.*” <...> “*Dnes říkáme, <...> že důstojníci jsou synové dělnické třídy.*” Еще пример: *Vyslechli však ještě řadu temných hrozeb, v nichž se pracující lid jevil jako podivně podezřívá, krvelačná a vše drtící bestie, bděle sledující zejména armádu, kde se to hemží zradci dělnické třídy.* Чешское сочетание *pracující lid* – калька советизма *трудящиеся*, а экспрессивно-оценочное выражение *zradci dělnické třídy* (‘предатели рабочего класса’) – очевидно позаимствовано из языка советской прессы той эпохи. Противоположное значению *господствующий класс* имеет устойчивое сочетание *классовый враг*, широко использовавшееся в советских средствах массовой информации по отношению к любым противникам социалистического строя. Оборот был калькирован и чешским языком: *A útvar ptáků na nebi se rozhodl, bez rozkazu sešikoval, a v pravidelné formaci zamířil na jih, do pohostinnějších zemí, ovládaných dosud třídním nepřitelem.* Страны, которыми «еще владеет классовый враг» (цитируем фрагмент из последнего примера), принадлежали к т.н. *лагерю империализма*. Это еще одна «эпохальная» калька-фразеологическая идеологема, которую также можно встретить в чешских текстах. Пример из романа Шкворецкого: *Tak, soudruzi! Tábor imperialismu se hrouť. <...> Rozpory, které narůstají uvnitř tábora imperialismu, ničí tábor imperialismu!*

К числу идеологических выражений-калек мы можем отнести еще одну ФИ – *геройская (героическая) смерть*. Этот оборот был популярен в советской публицистике и пропаганде. В тексте романа Й. Шкворецкого данная калька является дополнительным средством создания иронии: всеми ненавидимый офицер нелепо погибает (в мирное время), провалившись в канализацию: *Ale Malinkatý d'ábel nepočkal na hrdinnou smrt*.

Как и у Ерофеева, в тексте Шкворецкого встречаются многочисленные лозунги и воззвания с характерными (и узнаваемыми по синтаксическим моделям и экспрессивно-стилистическим средствам) лексическими элементами. Вот лишь один такой пример: *Krvavými písmeny tam stalo: Kupředu za vysokou ideovost! Kupředu za vlast! Zpátky ni krok za socialismus!* (рус.: *Вперед за высокий идеологический уровень! Вперед за Родину! Ни шагу назад за социализм!*)

Последний приводимый нами пример, наглядно иллюстрирующий функционирование ФИ в художественном тексте, представляет интерес с точки зрения его происхождения. В некоторых случаях идеологемами становились не просто публицистические шаблоны, а растиражированные и ставшие избитыми цитаты или фрагменты цитат из высказываний видных общественно-политических деятелей (например, писателей, политиков и т.д.). В романе Й. Шкворецкого встречаем такой фрагмент: *Major <...> pak to vyřešil tím, že vždycky, kdykoliv se chtěl v řeči dotknout přítomného inženýra lidských duší, maličko se odmlčel <...>*. В этом отрывке мы видим сочетание-фрагмент прецедентного высказывания *inženýr lidských duší* ('инженер человеческих душ'), ставшее речевым клише идеологического характера. В действительности, это перифраза, которой И. В. Сталин назвал советских писателей 26 октября 1932 г. на встрече с писателями у М. Горького [БМШ 2008: 453]; в некоторых источниках авторство приписывается писателю Ю. Олеше [Серов 2005: 268].

Еще одно известное произведение Венедикта Ерофеева – поэма «Москва – Петушки», написанная в конце 60-х годов XX века, является одним из самых значительных и сложных с точки зрения восприятия произведений русской литературы второй половины XX века. Написанная в короткий срок, с 19 января по 6 марта 1970 г., почти семнадцать лет переходившая из рук в руки в рукописи, после опубликования поэма вызвала неоднозначную реакцию читателей, многочисленные споры и дискуссии. Она получила широкий резонанс не только у нас в стране, но также была отмечена и зарубежной критикой, в том числе чешской. «Москва – Петушки» – это текст-миф,

текст-загадка, до конца разрешить которую, вероятно, не удастся никому. У поэмы ровно столько смыслов, сколько читателей, и это в большой степени благодаря многогранности и лексико-стилистическому разнообразию языка Ерофеева, который напоминает мозаику, где общая картина складывается из множества отдельных элементов. Чешский литературовед М. Заградка отмечает, что «Ерофеев уже сегодня является признанным классиком русской литературы, и его главное произведение, переведенное на многие языки, – «Москва – Петушки» – оценивается как «протекст русского постмодернизма», как «мост между духовным просветительством русской классики и необузданной постмодернистской игрой» [Zahrádka 1995: 38]. Такая высокая оценка может быть подтверждена или опровергнута, вероятно, позже, в будущем, когда будет ясно, выдержало ли это произведение проверку временем, но, безусловно, это значительное литературное явление, что подтверждается фактом перевода поэмы более чем на двадцать мировых языков.

Существует несколько переводов поэмы на чешский язык. В качестве объекта исследования выбран, на наш взгляд, наиболее удачный, сделанный известным чешским переводчиком русской литературы Миланом Дворжаком [Dvořák 1990; 2012].

Читатель поэмы, чья жизнь пришла на описываемую эпоху, без труда увидит в тексте клише-идеологемы, которыми буквально изобилует поэма. Задача переводчика заключается в подборе наиболее точных соответствий, в сохранении смысла, стиля и особенностей языка ерофеевских персонажей. Сложность заключается не столько в переводе конкретных слов, оборотов, сколько в передаче контрастного сочетания «высокого» и «низкого»: штампа с его характерной возвышенностью (а подчас патетизмом) и общим сниженным контекстным фоном.

Следует отметить, что так как в Чехословакии в тот исторический период времени насаждалась подобная же идеология, с близкими по формами и духу лозунгами, то и в чешском языке многие клише советской печати калькировались, – следовательно, задача переводчика до некоторой степени упрощалась. Читатели-чехи старшего поколения, вероятно, смогут увидеть в переводном тексте элементы штампов той поры, почувствуют этот «заклишированный» язык.

Категория идеологем, то есть выражений, являющихся носителями каких-то типичных признаков определенного общественного строя, неоднородна. Границы между клише-идеологемей и обычными клише под пером автора могут размываться. Яркий пример этому – выражение *предметы первой необходимости*, обыгрываемое В. Ерофеевым в

тексте [Ерофеев 1990]: «Я не ворую у незнакомых людей предметы первой необходимости. Я пришел со своей – вот ...» и он поставил <...> бутылку столичной. Данный устойчивый (фразеологизированный) оборот – штамп из деловой, экономической области. В чешском языке ему соответствует аналогичное по значению и стилистической окраске выражение *věci nejnnutnější každodenní potřeby*, которое мы обнаруживаем в переводе: „*Nekradu neznámým lidem věci nejnnutnější každodenní potřeby. Já jsem si dones vlastní, tady...*“ *A postavil <...> flašku stoličný.* В контексте поэмы это выражение приобретает характер идеологемы: оно употреблено по отношению к спиртным напиткам (прежде всего, к водке). В этом заложается намек на распространенность алкоголизма в России и проблемы, связанные с продажей спиртного.

Иногда в небольшом отрывке встречается сразу несколько клише или фразеологизированных оборотов: *Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли <...>: «Оставьте ваши занятия. Остановитесь вместе со мной и почтitem минутой молчания то, что невыразимо».* Из фрагментов трех клише, которые содержатся в отрывке, два относятся к торжественному языку некрологов, патетическому стилю (*родные и близкие, почтitem минутой молчания*); третье – *люди доброй воли* – в советский период было клише из газетной публицистики, отражающее борьбу за мир. Этот библеизм, восходящий к латинскому переводу Нового завета, вошел в русский язык после публикации воззвания, принятого в 1950 году в Стокгольме на сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. В нем были слова: «Мы призываем всех людей доброй воли, всего мира подписать это воззвание» [БМШ 2008: 258; БМС 2005: 408]. В чешском переводе также легко выделяются аналогичные устойчивые выражения из некрологов и языка газет: <...> *obracím se na všechny příbuzné a přátelé, na všechny lidi dobré vůle* <...>: „*Zanechte všeho, zastavte se společně se mnou a počtiteme minutou ticha, co nelze povědět!*“

Во многих случаях Ерофеев обыгрывает идеологемы, используя их для создания новых штампов с обновленным смысловым значением и контекстуально-прагматической установкой; при переводе таких фрагментов Л. Дворжак старается максимально донести до читателя эту ерофеевскую «игру» с клише-идеологемами. Чешский читатель, на наш взгляд, сможет узнать в тексте такие фразы и уловить тот новый смысл, который заложен в них автором: *Мое завтра светло. Да. Наше завтра светлее, чем наше сегодня. – Můj zítřek je světlý. Jo. Náš zítřek je světlejší než náš včerejšek a náš dnešek; O, svoboda u rovnostvo! O, bratrstvo u*

иждивенчество! – O, svoboda a rovnosti! O, bratrství a příživnictví! В данных примерах мы встречаем фрагменты лозунгов и призывов, которые, своеобразно трансформируясь в сознании героя, служат для выражения эмоций и мыслей, отличных от тех чувств и стремлений, которые должны были вызываться этими лозунгами в действительности. Это несоответствие подчеркивается заведомо сниженным контекстом эпизода, и переводчику как раз и удается показать разницу между мечтой и реальностью, это «несочетаемое сочетание» патетического и (траги)комического.

В качестве идеологем у Ерофеева могут выступать и отдельные слова – «осколки» клишированных выражений. Переводчик находит соответствия, точно подходящие по смыслу и стилю: *Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! – всеобщее малодушие. – Žádní nadšenci, žádné hrdinské skutky, žádná posedlost! – všeobecná malomylnost.* Можно отметить, что расхожее в газетно-публицистическом стиле слово *подвиг* имеет точное функциональное соответствие в чешском языке – фразему *hrdinský skutek*. Это выражение также стало частотным клише в чешской социалистической печати.

Интересен прием так называемой «депатетизации патетизма» (термин В.М. Мокиенко), т.е. разрушение подобного рода «слов-фантомов» языковыми средствами, «выворачивание» идеологемы наизнанку [Мокиенко 2003]: *Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу.* Данный штамп имеет литературное происхождение: он взят из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». Перевод сохраняет это «расклишированное», депатетизированное клише: *Klidně bych žil na zemi celou věčnost, kdyby mi napřed někdo ukázal kout, kde není vždycky místo na hrdinský skutek.*

Таким образом, различные по своей природе и характеру ФИ: клише, клише-идеологемы (а также отдельные слова-советизмы) являются яркой стилистической особенностью речи героев в текстах Ерофеева и Шкворецкого, выполняют важную художественно-стилистическую функцию. С одной стороны, они придают этим текстам то, что по образному выражению В.Г. Костомарова можно назвать «языковым вкусом эпохи». Однако если у В. Ерофеева ФИ, будучи интертекстуальным маркером, в основном используются как средство создания иронии, комизма и абсурдности ситуации путем их контекстуального обыгрывания, депатетизации, то Й. Шкворецкий использует их еще и как неотъемлемые знаки описываемой им эпохи, без которых просто невозможно представить себе реалии того времени.

В речи отдельных персонажей употребление подобных лексических единиц свидетельствуют о бедности их словарного запаса (для выражения собственных мыслей используются готовые шаблоны). В сочетании с другими текстообразующими элементами (цитатами и квазичтатами, библеизмами, субстандартной лексикой) они являются основой игры «высокого» и «низкого». Во многих случаях такие языковые единицы «депатетизируются», т.е., теряя изначально заложенную в них патетику, пафос, становятся основой языковых каламбуров, несут на себе отпечаток иронии, доходящей до сарказма. Перевод многих подобных выражений не вызвал существенных трудностей, чему во многом способствовало сходство существовавших политических систем в Чехословакии и СССР с их общими атрибутами. Мастерство переводчика проявилось в том, что он не только сумел подобрать нужные соответствия, но и в ряде случаев тонко и точно использовал приемы функционального и описательного перевода, что в тексте делает такие единицы легко узнаваемым и доступными для понимания. При этом, Л. Дворжак соблюдает основные принципы и критерии эквивалентности, заключающиеся в стилистической адекватности сопоставляемых единиц, учете контекста с типовым значением, его общей коммуникативной направленности, характере коммуникативного акта [Широкова 1998: 57].

Сегодня, встречаясь читателю в тексте, подобного рода элементы вызывают в сознании невольные ассоциации с прошлым, заставляют обращаться в памяти к прошлой культурно-исторической ситуации, помогая одновременно переосмыслению одних и актуализации других ФИ в современных условиях. В заключение можно сделать вывод о том, что ФИ представляют собой один из типов интертекстуальных единиц, способствующих не только экстралингвистическому расширению смысловых границ текста, но и являющихся ярким экспрессивно-выразительным средством, при помощи которого авторы дают возможность нам, читателям, «смеясь расстаться со своим прошлым».

Литература / References

1. *БМШ 2008: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. – Т. I. А–М. – 658 с.
2. *БМС 2005: Бирих А.К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.
3. *Ерофеев В.* Записки психопата. М.: Вагриус, 2000 г.
4. *Ерофеев В.В.* Москва – Петушки. Поэма. – М.: Изд-во СП «Интербук», 1990.

5. *Лилич Г.А.* Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX). Санкт-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг, 2016. 201 с.
6. *ЛЭС 1990:* Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. *Мокиенко В.М.* Депатетизация патетизмов в современном тексте // *Современные языковые процессы: Межвуз. сб. / Отв. редакторы П.А. Дмитриев, Г.А. Лилич, Д.М. Поценья.* – СПб., 2003. С. 55–69.
8. *Серов В.В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.
9. *Широкова А.Г., Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И.* Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А.Г. Широковой.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 326 с.
10. *Jerofejev V.* Moskva – Petušky. Překlad: Milan Dvořák // *Sovětská literatura.* Čč. 9, 10. 1990.
11. *Jerofejev V.* Moskva – Petušky. Poema. Přeložil Milan Dvořák. Praha: Argo, 2012.
12. *Škvorecký J.* Tankový prapor, Praha: Galaxie, 1990.
13. *Zahrádka M.* Ruský literární proces konce 80. a začátku 90. let. Olomouc, 1995.

О НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Черчук

NEW BORROWINGS IN MODERN CZECH

O.I. Cherchuk

ABSTRACT:

The paper deals with the adaptation of some newest borrowings in present day Czech. The electronic archive Neomat and the Czech National Corpus is used.

Key words: Czech language; borrowings; neologisms; corpus analysis; adaptation

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу адаптации некоторых современных заимствований в чешском языке. Исследование новых слов проводится с помощью чешской базы данных Neomat и Чешского национального корпуса.

Ключевые слова: чешский язык; заимствование; неологизм; корпусный анализ; адаптация

Ještě jsem nebyl „in“, a už jsem retro

(Из песни чешского исполнителя Xindl X «V blbým věku»)

Глобальная тенденция интернационализации, затронув многие современные языки, не обошла стороной и славянские. Объем заимствованных слов из разных языков всё больше расширяется. Непроходящая, обладающая «лавинообразным характером» мода на заимствованные элементы и лексемы в начале 2010-х годов только усилилась, вызвав широкий лингвистический интерес, см. [Лешкова 2009].

Несомненно, задача языка-рецептора – приспособить новые слова, превратить чужое в своё. Вопрос об адаптации заимствований в чешском языке нередко затрагивается лингвистами разных стран, см. [Dickins 2011], [Svobodová 2007], [Mgavincová 2005], [Хорольцева 2014]. При этом он до сих пор не теряет актуальности, так как с каждым днём появляется новый материал для исследований.

Процесс заимствования в чешском языке (чаще всего из английского) в данный момент можно охарактеризовать мощнейшим и беспреце-

дентным. Печатные словари не всегда успевают зафиксировать небывалое количество новой лексики. Однако появилась возможность немедленного анализа заимствованных слов благодаря «корпусной революции» [Изотов 2013] – развитию электронных корпусов и крупных баз данных. Кроме того, многочисленные контексты употребления заданной в корпусе лексемы помогают определить, какие неологизмы функционируют и сейчас, а какие уже успели потерять свою популярность.

Несомненным помощником каждого лингвиста, занимающегося процессами заимствования, являются две части словаря неологизмов *Nová slova v češtině* под руководством О. Мартинцовой, см. [Martincová 1998], [Martincová 2004]. Несмотря на то, что словари составлены по лексическому материалу конца 90-х – начала 2000-х годов, термины и понятия, вошедшие в его состав, до сих пор актуальны и способны функционировать в XXI столетии. Тем не менее примеры, которые будут разобраны в данной статье, были эксцерпированы из состава Чешского национального корпуса SYN общим объемом 4,5 млрд слов и из состава базы данных Neomat, версия 3.0, объём которой на сегодняшний день (февраль 2018 года) составляет 325 206 токенов.

Рассмотрим, как ведут себя некоторые современные заимствования из сферы интернет-коммуникаций, и проанализируем особенности их адаптации в чешском языке. В данной статье мы не ставим задачу проанализировать процесс заимствования со всех ракурсов, но стремимся при помощи отдельных примеров наметить пути дальнейшего исследования.

Слово *selfie* (автопортретная фотография) – стало словом 2013 года¹, с открытием опередив многие другие заимствования: как утверждают редакторы Оксфордского словаря, его появление в текстах за 2013 год выросло на 17000 процентов по сравнению с предыдущим годом. Данная лексема является аналитизмом – лексемой, грамматическое выражение которой выражается с помощью вспомогательных слов и средствами контекста, см. [Ярцева 1990]. Следует отметить, что для чешского языка такие лексемы являются скорее исключением, чем нормой. Адаптацию заимствованных языковых единиц в чешском языке можно назвать стремительной – он обладает высокой степенью деривационной стандартизации, которая почти всегда позволяет слову «прижиться» в языке, см. [Васильева 2014].

Слово *selfie*, являясь аналитизмом, может быть в предложении как существительным, так прилагательным:

¹ Слово года. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2013>

- *Прилагательное: Andrej Babiš obohatil internetové servery selfie fotografií... [Neomat: Týden, 2014]*
Андрей Бабиш обогатил интернет-серверы селфи-фотографией.
- *Существительное: Dnešní moderní selfie se tak zrodil v roce 2010. [Neomat: Respekt 2013]*
Современное селфи появилось в 2010 году.

Высочайшая степень деривационной стандартизации проявляется в неологизмах, произошедших от слова *selfie*, которое послужило основой для словообразовательных цепочек. Приводим неполный список, эксцерпированный из базы данных Neomat: *selfičkář, selfičkárka, selfičkaření, selfičko, selfičkovat, selfičkovat se, selfičkový, selfiemaniak, selfiephone, selfiepošuk, selfina, selfinka, selfinkovat, selfista, selfit se, selfitida* и др.

Следует отметить, что графический облик слова *selfie* (*selfie/selfi*) до сих пор колеблется: возможно, это связано с недавним появлением и широким повсеместным употреблением слова, из-за чего графический облик еще не успел стабилизироваться. Но можно заметить, что форма *selfie* употребляется в составе сложных слов, а форма *selfi* в однокоренных.

Не стабилизировалась графическая форма образованного от заимствования *google* (название поисковой системы) глагола *googlovat*. В контекстах базы данных Neomat и корпуса SYN встречаются формы *googlovat/googlit, gůglovat/gůglit, gůglovat/gůglit*. Чешские правила определяют написание значка *ů* в словах иностранного происхождения с долгим звуком [y], но расхождения в правописании наблюдаются во всех дериватах заимствования: *gůgl, gůgl, gůglení, gůglit, gůglit, gůglovat, gůglovat*. Еще больше словообразований находим с исконным английским корнем *google*:

- существительные: *googlačka, googleauto, googler* (с неизменным чередованием *ř/ř* в именительном падеже множественного числа: *googleři*), *googležurnalistika, googlista* (*ista* – еще один чешский формант для образования существительного мужского рода), *googlování*;
- глаголы: *googlit, googleplusovat, googlovat*, возвратная форма с компонентом *se*: *googlovat se*;
- прилагательные: *googlovaný, googlovský*.

На всех языковых уровнях приспособилось к чешскому языку и заимствованное слово *lajk* (от англ. *like*) – выражение одобрения пользователем к какой-либо записи в социальной сети. Разнообразные дерива-

ты (*lajčik, lajčiček, lajkanec, lajker, lajkerka, lajknout, lajknutí, lajknutý, lajkolog, lajkovací, lajkování, lajkovat/olajkovat*) еще раз подтверждают словообразовательную активность чешского языка. В процессе адаптации участвуют как исконные чешские форманты, так и заимствованные. Например, формант *er* (*lajker*) характерен для английского языка, но в следующем же примере (*lajkerka*) этот формант находится рядом с исконным суффиксом образования пары женского рода *k*. Почти во всех остальных примерах для словообразования используются чешские форманты: суффиксы *nou, ik, ek*; префикс *o* и др.

Следует отметить обилие деминутивов в словообразовательных цепочках, что является характерным для чешского языка: (*friendiček, lajčiček* и др.).

Займствование слов представляет собой не только формальную адаптацию, но и образование лексем средствами родного языка согласно иноязычной модели, то есть образование калек (чеш. *kalkování*), мотивированных с точки зрения языка-реципиента единиц, в которых влияние иностранного языка является косвенным. Таким образом образовался неологизм *osrdíčkovat/osrdit*. От перевода английского слова *like* получилась следующая цепочка появления новой лексемы: *like – lajk – lajkovat – osrdíčkovat*. С помощью простого запроса этих лексических единиц в корпусе SYN и базе данных Neomat мы определили, что калька *osrdíčkovat/osrdit* встречается гораздо реже, чем адаптация заимствованного слова.

- *Průzkumy <...> ukazují, že lidé v průběhu času lajkují čím dál víc. [Neomat: Reflex, 2012]*
- *Исследования показывают, что люди с течением времени всё чаще ставят лайки.*

Популярным стал и образованный на основе заимствования антоним к слову *lajkovat: hejtovat* – ненавидеть, не переносить, проявлять негативное отношение к чему-либо (от англ. *hate* – ‘ненависть’, *to hate* – ‘ненавидеть’). Деривационные преобразования заимствования лексемы *hejt* традиционны: существительные *hejt, hejter* или *hejtr* (с традиционным чередованием в образовании именительного падежа множественного числа *r/ř: hejtři*), *hejtování*, прилагательное *hejtovací*, глагол *hejtovat*.

Несомненно, большинство неологизмов, представленных в данной статье, появились из-за необходимости обозначить новые предметы и реалии. В связи с этим новые слова часто являются стилистически маркированными. Однако следует отметить, что новая лексика появляется в текстах разных функциональных стилей.

Время покажет, как поведут себя неологизмы цифровой эры, смогут ли они удержаться в потоке ежедневных лингвистических изменений, а

главное – получают ли они почетное место в словаре литературного языка.

В объёме небольшой статьи сложно проследить все особенности адаптации и функционирования заимствованных слов. Однако разобранные примеры с уверенностью подтверждают высокую степень деривационной стандартизации чешского языка, сохранение внутриязыковой системы. В дальнейших исследованиях мы ставим задачу сопоставительного исследования новой лексики чешского языка на фоне русского языка, который тоже характеризуется активными словообразовательными процессами.

Литература / References

1. *Белоусова В.В.* Bobík, manažer, džipař...или Co je nového? (заметки на полях чешского словаря неологизмов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16 / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов.* – М.: ООО "МАКС Пресс", 2001. – С. 32-36.
2. *Васильева В.Ф.* Чешский язык. – М.: Дикси Пресс, 2014. – С. 156.
3. *Изотов А.И.* Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013. No 4-1. – С. 68-71.
4. *Лешикова О.О.* «Свой среди чужих»: к вопросу об адаптации заимствований (на материале современного польского языка) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. / Отв. ред. *В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кутьпина.* – М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. – С. 135-145.
5. *Хорольцева В.С.* Англицизмы в русском и чешском языках: сферы проникновения и способы адаптации // Вестник (АГУ). Выпуск 2 (140). — 2014. — С. 107-112.
6. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 31.
7. *Dickins, T.* Attitudes to Lexical Borrowing in the Czech Republic. – Nakladatelství Bor, 2011.
8. *Martincová O.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů / Kolektiv autorů pod vedením *O. Martincové.* – Praha: Academie, 1998.
9. *Martincová O.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2 / Kolektiv autorů pod vedením *Olgy Martincové.* – Praha: Academie, 2004.
10. *Mravinacová, J.* Přejímání cizích lexémů. Neologismy v dnešní češtině / kolektiv autorů pod vedením *Olgy Martincové.* — Praha, Akademie věd České republiky, 2005. — 187-211 s.
11. *Svobodová, D.* Internacionalizace současné české slovní zásoby. Ostrava: PdF OU, 2007, 142 s.

ОБ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРА У КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ (ЧЕШСКО-ПОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

М.С. Хмелевский

ON THE HISTORY OF FORMATION OF INTENSIFICATION VALUE
IN QUALITATIVE ADJECTIVES AND ADVERBS (CZECH-POLISH
PARALLELS)

M.S. Khmelevskiy

ABSTRACT:

This paper proposes lexical and etymological analysis of some models of formation and development such meaning as intensification in the semantic structure of qualitative adverbs from the comparative aspect between Czech and Polish languages.

Key words: qualitative adverbs; adverbs-intensifiers; experssion; lexicology; etymology; Czech language; Polish language

АННОТАЦИЯ:

В настоящей статье представлен лексический и этимологический анализ модели формирования и развития значения интенсификации в семантической структуре количественных наречий, образованных от качественных прилагательных в чешском и польском языках.

Ключевые слова: количественные наречия; наречия-интенсификаторы; лексикология; этимология; чешский язык; польский язык

Во всех славянских языках в качестве языковой универсалии выделяется разряд наречий степени признака и меры (наречия-интенсификаторы), представляющих собой синонимический ряд, ядром которого в русском языке выступает лексема *очень*, *весьма*, укр. *дуже*, блр. *вельмі*, польск. *bardzo*, чеш. *velmi*, *velice*, мос. словацк. *veľmi*, в.-луж. *derje*, срб./хрв. *veoma*, *vrlo*, *jako*, словенск. *zelo*. Всего в количественном отношении нам удалось выявить приблизительно по 70-90

различных по частотным, стилистическим и валентным характеристикам единиц для каждого из славянских языков [Хмелевский 2018: 208]. Что касается русского языка, то здесь для иллюстрации следует привести замечание на эту тему лингвиста В.В. Колесова: «Окрашенные эмоцией слова всегда мимолетны, так, еще в 17 веке сказали бы просто: *очень рад*, затем возникло выражение *сильно рад*, наконец, появились уже знакомые нам *ужасно рад* или *страшно рад* [Колесов 1998: 136].

Подобный сдвиг значения в сторону интенсификатора как языковую универсалию мы можем наблюдать во всех славянских языках: чеш. *strašně se mi líbí; jsem strašně rád; jsem strašně vděčná*, словацк.: *ste strašne zlatý; strašne sme sa tešili na výlet*, польск. *pani Wiesia straszno lubi jeździć po świecie; strasznie go kocham; strasznie smieszna twarz*, срб. *strašno mi se sviđa; strašno volim naše filmove; strašno dobrodušan čovek*, хорв. *strašno lijep; strašno pametan; strašno je smešno bilo*, словенск. *to je strašno lep jezik; strašno je priden; strašno rad dela na vrtu* и т.п. [Хмелевский 2003: 38].

В настоящей статье данную лексико-грамматическую группу слов рассмотрим на материале чешского и польского языков, как, например, в таких словосочетаниях, как чешск. *velmi důležitý, strašně se těšit, moc dobrý, velice krásný, úžasně zajímavý, hrozně poctivý*, польск. *bardzo ciekawy, strasznie miły, ogromnie lubić, okropnie dużo, niezwykle szczęśliwy*¹ и т.п. [Широкова 1998: 211].

В большинстве своем эти наречия-интенсификаторы восходят к качественным прилагательным, которые в результате определенных метафорических трансформаций внутри своей семантической структуры развили лексическое значение, послужившее толчком для формирования интенсификатора у производных адвербиальных словоформ. Так, образованные от качественных имен прилагательных, имеющих, наряду с основным, вторичное значение признака в высокой степени его проявления, мотивированные наречия преимущественно развивают значение интенсификатора уже как основное вследствие перехода от изменяемой к неизменяемой части речи [Строева 1958: 141]. Конечной фазой семантических преобразований внутри качественного наречия может стать полное затемнение и вытеснение исконного качественного значения семой показателя степени действия или меры проявления признака, сравним: чешск.: *strašně křičet – strašně hezký, děsně řvát – děsně krásně oči, šíleně se chovat, šíleně bojovat – šíleně velký, šíleně se zajímat* (о

¹ Здесь и далее примеры приводятся из словарей чешского и польского языков – см. Раздел «Литература».

hudbu); польск. *serdce mocnie bije – mocnie drogi, straszno wyglądac – strasznie duzo, strasznie kochać* и т.п.

Данную группу наречий-интенсификаторов следует отличать от групп количественных и качественных наречий с иными семантическими характеристиками. Основной функцией интенсификатора является выражение усиления степени действия, признака, а также признака признака, т.е. другого наречия (напр. чешск. *strašně rychle*, польск. *strasznie miło*), равно как и категории состояния, соответственно, они являются показателями измерений по имплицитной шкале. Что касается количественных наречий, то они квантифицируют лишь частоту (а не степень) проявления признака, его многократность и длительность, а также указывают на большое неопределенное количество, а качественные наречия дают качественную характеристику признаку или действию.

Рассматривая данный разряд слов внутри лексико-семантической категории количественности, следует отметить, что наречие выступает одним из самых распространенных средств передачи интенсификации в языке [Сергеева 1968: 4]. В свете отнесенности наречий-интенсификаторов к категории экспрессивности и оценки чешский лингвист В. Матезиус отмечал, что характерной чертой слов данной группы является непрерывная тенденция к стиранию и постепенной утрате первичной эмоциональной окраски, которая относится к разряду нестабильных в любом языке, постоянно меняющихся характеристик значения. По этой же причине язык постоянно нуждается в новых способах и формах выражения интенсификации, непрерывно появляются новые лексемы, для которых эмоциональная окраска еще «свежа» [Хмелевский 2018: 213]. Процесс расширения разряда слов-интенсификаторов в языке постоянен, причем развитие их значений протекает по определенным лексико-семантическим моделям, во многом параллельным для близких и неблизких языков моделям [Сергеева 1966: 79].

Одним из самых древних наречий-интенсификаторов в славянских языках является ряд слов, образованных от общеславянского качественного прилагательного с корнем **vel-*: чешск. *velmi, velice*, польск. книжное *wielce* (ср. др.русск. и укр. *вельми*, серб. и хорв. *veoma*). Исконная форма мотивирующего качественного прилагательного **veljъ* в значении ‘большой’ была известна еще древнечешскому языку в форме *velí*. Словарь Й. Юнгмана фиксирует употребление однокоренного наречия в значении интенсификатора, утраченное в современном языке: *Ten imieše dceř jdinu sobie i všiem milu wele* [Jungmann 1835-1839]. В современном

польском языке, в отличие от чешского, широко используется однокоренное наречие *wiele*, однако в качестве показателя большого неопределенного количества (русск. *много*, чешск. *mnoho, hodně*): *wiele ludzi, wiele kłopotów, wiele lat*.

Продуктивным словообразовательным формантом для наречия, мотивированного праславянским корнем **velbъ* в большинстве славянских языков стала форма двойственного числа творительного падежа: чешск. *velmi* (ср. др.русск. *большми* в рамках той же модели сдвига значения ‘большой’ – ‘очень’). В данном слове изначально была заложена семантическая потенция интенсифицировать действие или признак. Данное наречие является самым распространенным и стилистически не окрашенным интенсификатором в современном чешском языке, составляющим ядро синонимического ряда слов-интенсификаторов. Древнечешскому языку также было известно употребление однокоренного наречия в том же значении показателя высокой степени и меры: *velím: Zavidiechu bohatstvo jej velím* [Jungmann 1835-1839]. В древнепольском языке (14-15 вв.) также встречаем наречие *wielmi* в значении, аналогичном современному чешскому, однако в 16 веке оно было полностью вытеснено наречием в том же значении – *bardzo* [Brückner 1957].

В современных славянских языках мы находим и другие наречные образования с праславянским корнем **vel-*, мотивированные вторичной, более продуктивной словоформой с суффиксом *-ik-*, а именно чешское *velký, veliký* и польское *wielki* в значении ‘большой, великий’. Таким образом, в чешском языке встречается и производное наречие *velice*, образованное по характерному для чешского словообразования типу с соответствующим чередованием *k/c* и выступающее в функции стилистически не окрашенного, широко распространенного интенсификатора: *velice se těším, velice dobrý, velice zajímavý, velice mnoho*. С другой стороны, в древнепольском языке, еще в первом переводе Псалтыри, встречается аналогичная форма наречия *wielce* в функции интенсификатора [Brückner 1957]. В современном польском языке эту лексику можно встретить только в официально-деловом польском языке и высоком стиле в качестве языкового штампа в качестве показателя высокой меры и степени: *wielce przyczynić się, wielce szanowny doktorze* – часто в клишированной конструкции обращения. В чешском также фиксируется употребление формы наречия *velce* в том же значении, но уже архаичном для современного языка: *velce květovaný ubrus* [Jungmann 1835-1839].

Параллельным путем проходило становление и формирование значение интенсификаторы у чешского и польского наречия с корнем *mos-*

в значении ‘сила’. При этом различия выявляются только на уровне стилистики, а именно в чешском языке данное наречие относится к высокому стилю: *To mně mocně inspiruje* – ‘это меня сильно вдохновляет’. Тогда как для польского языка подобные употребления стилистически не маркированы и довольно часто встречаются в современной разговорной речи: *mocnie pozytywne wrażenia* – ‘очень, сильно положительные впечатления’, *mocnie wierzyć* – ‘очень, сильно верить’, *mocnie kochać* – ‘очень, сильно любить’, *jestem mocnie zdziwiony* – ‘я очень, сильно удивлен’ и т.п. Вместе с тем, необходимо отметить, что в чешском языке в качестве интенсификатора действия или степени довольно широко используется адвербиализированное существительное *moc* – ‘сила, сильно’: *to mě moc mrzí* – ‘это меня очень, сильно раздражает’, а также с абсолютно стертым исконным значением: *byl bych moc rád* – ‘я был бы очень рад’, *znám ho moc dobře* – ‘я знаю его очень хорошо’, *moc slabý* – ‘очень слабый’ (букв. ‘сильно слабый’) и т.п. Тогда как в польском языке лексема как наречие *moc* употребляется только в значении показателя неопределенного количества – ‘много, масса, куча’ и характеризуется отнесенностью к разговорному пласту языка, напр., *na weselu było moc ludzi* – ‘на свадьбе было много людей’.

Сходно также развитие рассматриваемого значения у наречий с общеславянским корнем *sil-*, напр., чешск. *silně se bát* – ‘очень, сильно бояться’, *silně vážný* – букв. ‘сильно серьезный’, *silně si přát* – букв. ‘сильно желать’, польск. *silnie chcieć* – букв. ‘сильно хотеть’, *silnie się cieszyć* – букв. ‘сильно ждать, хотеть (чего-л.)’. Подобный перенос значения сопровождается и поддерживается наличием в языке сочетаний, где одно коректное существительное приобретает значение количественного наречия и выступает в качестве показателя большого неопределенного количества. В чешском разговорном языке мы встречаем такие употребления, как *sila lidí*, *sila peněz* – ‘много людей’, ‘много денег’. Однако в польском языке лишь в древней литературе возможно обнаружить аналогичные сочетания в данном значении, которые сегодня относятся к разряду устаревших: *sila złego dwu na jednego* [Brückner 1957].

По аналогичному пути развития проходило становление значения интенсификатора у чешского и польского наречий с корнем *strach-*, ср.: чешск. *strašně hodný* – ‘страшно добрый’, *strašně zvědavý* – ‘страшно любопытный’, польск. *strasznie dużo* – ‘страшно много’, *strasznie głodny* – ‘страшно голодный’ и т.п. В работах чешских исследователей нередко встречаются рассуждения об уже признанном факте, что в разговорном языке вполне нормально услышать такие (несовместимые) сочетания,

как *strašně krásný* – ‘страшно красивый’, *hrozně dobrý* – ‘ужасно хороший’ [Кузнецова 2009: 72]. Причем подобные употребления являются универсальными для всех славянских языков (ср. русск. *страшно любить, страшно интересоваться*, словацк. *strašne pekná, strašne múdry fešák*, сербск. *страшно лена жена, страшно добар човек*, словенск. *strašno rad dela na vrtu* – ‘очень любить работать в саду’ и др. [Хмелевский 2003: 75].

В рамках рассматриваемого вопроса становления значения интенсификаторов любопытно проанализировать развитие семантической структуры чешского наречия *úžasně*. В польском языке мы не обнаруживаем аналогов, кроме этимологически однокоренного глагола *žachnąć się* – ‘возмутиться, ужаснуться’. Этимологически чешское прилагательное *úžasný* также бесспорно связывается с общеславянским значением ‘жуткий, вызывающий чувство ужаса, страха’ [Zubátý 1945: 219]. В древнечешском языке оно еще выступало в своем исконном значении, однако впоследствии было полностью вытеснено переносным – ‘вызывающий большое удивление, изумление, поразительный, потрясающий’, вследствие чего прилагательное приобрело положительную коннотацию. Семантические процессы затронули все чешские лексемы с корнем *úžas*. В современном чешском языке мотивирующее существительное теперь имеет одно единственное значение, антонимичное русскому и другим славянским языкам, что превратило его в межславянский омоним – ‘удивление, изумление, восхищение’: *s úžasem poslouchat Mozarta* – ‘с восхищением слушать Моцарта’. Соответствующее значение мы находим и у современного однокоренного прилагательного: *úžasný film, úžasný oběd, úžasný člověk, úžasný den* и т.п. в значении ‘отличный, прекрасный, замечательный’, равно как и у мотивированного наречия: *úžasně hrát na klavír, úžasně zpívat, úžasně vypadat* и т.п. – т.е. ‘чудесно, восхитительно’ (ср. антонимичные аналогичные употребления русск. *ужасно играть на пианино, ужасно петь, ужасно выглядеть*, сербск. *užasno igrati na klavir, užasno pevati, užasno izgledati*). На этом развитие семантики чешского наречия не останавливается, и оно по общеславянской модели ‘удивительно’ – ‘очень’ развивается в своей семантической структуре значение интенсификатора и выступает в значении синонимичном стилистически нейтральным показателям меры и степени *velmi, velice* уже с полностью стертым в определенных контекстуальных употреблениях: *úžasně velký, úžasně dobrý, já jsem úžasně rád* и т.п. исключительно в значении ‘очень’. Таким образом, развитию семы интенсификатора у данного чешского наречия способствовали две модели ее формирования: ‘страшно, ужасно’ – ‘удивительно, поразительно’ – ‘очень’.

Становление значения усиления признака обусловлено также и семантическим сдвигом у самого мотивирующего прилагательного, которое наряду с обозначением качества (*úžasný den* – ‘прекрасный день’) развило экспрессивно-эмоциональную сему выражения неопределенного количества проявления в сочетании с определяемыми существительными с абстрактным значением: *úžasná radost, úžasně bohatství, úžasná rychlost* – ‘большая, огромная радость, богатство, скорость’. Данный пример показывает, что мотивирующей семой для формирования значения интенсификатора может служить не один, а совокупность нескольких семантических признаков, исконно заложенных (живых или утраченных) в семантической структуре наречия и потенциально способных к подобным семантическим трансформациям по общеязыковым моделям.

Здесь же следует рассмотреть и лексико-семантическую модель формирования разряда наречий-интенсификаторов на базе качественно-значения производящих прилагательных ‘скорый, быстрый, стремительный’, по которой в польском языке возник современный стилистически нейтральный показатель степени, меры и действия *bardzo*. Это наречие способно выступать как в качестве показателя неопределенного количества, как в значении ‘много’ (*on bardzo myśli, bardzo pije*), так и в значении наиболее частотного в польском языке интенсификатора ‘очень’ (*bardzo dobry, bardzo lubić, bardzo daleko, dziękuję bardzo* и т.п.). Исконно это наречие возводится к качественному прилагательному со значением ‘быстрый, скорый, резкий’ (ср. русск. *борзые собаки*, сербск. *brzi voz* – ‘скорый поезд’, *brzi hod* – ‘быстрая походка’). Для современного носителя польского языка мотивировка интенсификатора *bardzo* полностью утрачена, о чем свидетельствуют такие вполне естественные для современного языка сочетания, как *bardzo powolnie* – ‘очень медленно’ (букв.: ‘быстро медленно’).

Сравним с чешским наречием *prudce*, мотивированном качественным прилагательным *prudký* в значении ‘очень быстрый, резкий, скорый’: *prudký běh, prudká jízda* и т.п. В качестве переносного значения развивается сема ‘сильный, мощный как у прилагательного (*prudký vítr*), так и у мотивированного наречия (*prudce chodit po městě*), однако в определенных контекстах оно вытесняет исконное: *prudce se pohádat* (букв. ‘быстро’) в значении ‘очень, сильно посориться’, *prudce se lek-nout* – ‘очень, сильно испугаться’, *Černohorci jsou i na nejbližší bratry prudce řevniví* – ‘черногорцы и к самым близким братьям очень (букв. ‘резко, быстро’) ревностно относятся’.

Явление перехода качественных наречий в разряд количественных и наречий-интенсификаторов, т.е. показателей степени качества или действия с утратой исконного лексического значения – это живой языковой процесс как а чешском, польском, так и в других славянских языках, который отмечается в разговорной речи и жаргоне, поскольку стирание выражения экспрессии требует новых форм и средств ее выражения.

Литература / References

1. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. Санкт-Петербург, 1998.
2. Кузнецова И.В. Персонажи мифологии в устойчивых сравнениях славян. *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. D. 78. № 1-2. Praha, 2009. S. 69-88.
3. Лилич Г.А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX). Санкт-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг, 2016. 201 с.
4. Мурьянов М.Ф. Сила – понятие и слово. Этимология 1980. Москва, 1982. С. 49-58.
5. Сергеева Е.Н. Абсолютная степень интенсивности качества и ее выражение в английском языке. Проблемы лингвистического анализа. Москва, 1966. С. 69-83.
6. Строева Т.В. О причинах изменения значения слов. Вестник ЛГУ. Вып. 2. №40. Ленинград, 1958. С. 139-150.
7. Хмелевский М.С. Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 209 с.
8. Хмелевский М.С. От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках). Сибирский филологический журнал. №1. Новосибирск 2018. С. 208-219.
9. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957. Jungmann J. Slovník česko-německý. D. I-V. Praha, 1835-1839.
10. Широкова А.Г., Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. Москва, 1998. 326 с.
11. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
12. Mathesius V. Zesílení a zdůraznění jako jevy jazykové. Vilém Mathesius. Čeština a obecný jazykopyt. Praha, 1947.
13. Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960-1971.
14. Wielki słownik języka polskiego. Warszawa. 2018.
15. Zubatý J. Studie a články. Sv. I. Praha, 1945.

«А ТЕПЕРЬ ЕСТЬ КОЛОНИИ ЧЕХОВ, МЕЖДУ ПРОЧИМ – И НА КАВКАЗЕ»

C. C. Skorvid

“AND NOW THERE ARE CZECH SETTLEMENTS, I.A. IN THE CAUCASUS”

S. S. Skorvid

ABSTRACT:

The purpose of this article is to introduce Czech immigrants' dialects still spoken in several villages in Krasnodar Krai, Adygea and Omsk Oblast of Russia. These dialects appeared as a result of different waves of Czech rural migration in the latter half of the 19th and at the start of the 20th century respectively. The author analyzes the main features of the named varieties, focusing on those that indicate the dialects' origin, on the one hand, and those that have been affected by their long-term contact with the dominant Russian language, on the other.

Key words: Czech communities in Russia, rural migration, Southwestern and Northeastern Czech dialectal zones, Czech Dialects of the Northern Caucasus and Western Siberia, Russification.

АННОТАЦИЯ:

В статье описываются чешские переселенческие говоры, сохраняющиеся в нескольких населенных пунктах на территории Краснодарского края, Республики Адыгея и Омской области Российской Федерации. Эти идиомы сформировались в результате различных волн переселения чешских крестьян соответственно во второй половине XIX и в начале XX в. Автор характеризует, с одной стороны, основные черты этих говоров, указывающие на их генезис, а с другой – явления, развившиеся в них вследствие длительного контакта с доминирующим русским языком их окружения.

Ключевые слова: чешская диаспора в России; переселение крестьян; юго-западная и северо-восточная подгруппы чешских диалектов; чешские говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири; русификация.

В 2009 г. автор этих строк опубликовал сообщение о начале диалектологического исследования давних чешских поселений, возникавших во второй половине XIX в. на Черноморском побережье Северного Кав-

каза, идею которого высказывала за 30 лет до того А. Г. Широкова¹. В 1980-е гг. кто-то из стажеров, повышавших квалификацию на кафедре славянской филологии МГУ, устно подтвердил проживание потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе, уточнив и место: «под Майкопом». И хотя столица Республики Адыгея – или в то время Адыгейской автономной области – город Майкоп находится не на побережье Черного моря, а в континентальной части северокавказского региона, в глазах автора, тогда молодого слависта, сведения о чехах «где-то там» не потеряли от этого экзотического очарования. Тот факт, что, согласно большой статье о населении Российской империи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890–1907), «теперь есть колонии чехов, между прочим – и на Кавказе»², в советской, а также в чешской богемистике XX в. оставался малоизвестным. Больше данных имелось о чешских колониях на украинской Волыни, в том числе и у диалектологов – благодаря пионерским исследованиям З. И. Мячиной конца 60-х – начала 70-х гг.³

К осуществлению же мечты А. Г. Широковой описать чешские говоры также и в северокавказском регионе оказалось возможным приступить (по «экстралингвистическим причинам», как она любила повторять) только в следующем столетии. В мае 2009 г. была совершена первая разведывательная поездка в некогда чисто чешское село Кирилловка под Новороссийском, которое тогда отмечало 140-летие своего основания. Последующие диалектологические экспедиции, которые проводились в окрестностях Новороссийска, Анапы, а позже и других городов вдоль Черноморского побережья Северного Кавказа силами сотрудников и иногда студентов кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ⁴, позволили постепенно выявить все чешские диалектные «островки», сохранившиеся здесь с 1860-х гг., или следы ныне исчезнувших анклавов в виде надписей на надгробных памятниках на

¹ СКОРВИД С. С., ТРЕТЬЯКОВА И. В. «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 40–54.

² БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. (ред.) Энциклопедический словарь. Т. XXVIIа. СПб., 1899. С. 143.

³ МЯЧИНА З. И. Очерк языка чешского говора села Малая Зубовщина на Украине. Автореферат... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН БССР. Минск, 1974. Диссертации предшествовал ряд статей этой исследовательницы, посвященных описанию фонетических, морфологических и лексических особенностей зафиксированного ею чешского говора села Малая Зубовщина Коростенского района Житомирской области Украины с образцами записанных текстов. Один из них был включен в сборник *LAMPRECHT A. (red.) České nářeční texty. Praha: SPN, 1976. S. 407–408.*

⁴ В 2013 и 2016 гг. в этих полевых исследованиях приняли участие также магистранты философского факультета Карлова университета в Праге Б. Гакинова и философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце Р. Андрейс.

старых чешских кладбищах. Удалось зафиксировать речь практически всех живых на момент записи носителей местных чешских говоров (всего около 50 человек, преимущественно старшего поколения, часть из которых за прошедшие десять лет покинула этот мир) и достаточно подробно описать соответствующие говоры. Результаты уже начальных этапов исследования отразил ряд публикаций, авторы которых считают для себя честью, что они были отмечены в «Новом энциклопедическом словаре чешского языка»⁵.

После первого же соприкосновения с чешской речью жителей сел Кирилловка под Новороссийском, Варваровка под Анапой и Тешебс близ Геленджика (в последнем в 2015 г. был записан уже лишь идиолект единственной носительницы местного говора 1926 г. р.) не вызывало сомнений, что во всех этих населенных пунктах представлены идиомы южночешского или юго-западночешского происхождения. «Общечешские» диалектные черты в их фонетике, такие как дифтонгизация $y > ej$, изменение $\acute{e} > \acute{i}$, утрата конечного **l** после согласных или протетический **v-** (*tejden, žádněj, dobří mlíko, řek, votkud'*, но также *otkud'*, как это наблюдается в Южной Чехии⁶), не требуют специального комментария. В качестве противопоставленных (различительных) южночешских или юго-западночешских признаков заслуживают внимания следующие:

- 1) сохранение \acute{i} или сокращенного \acute{i} после свистящих (*cířit, cíška* 'наволочка'⁷),
- 2) краткий **e** в инфинитивах *nest, donest, zalezť, přivest* и *zaveť* 'завести', *kvject* 'цвести',
- 3) спорадическая долгота **-i** в окончании им. (а также вин.) а. мн. ч. одушевленных существительных мужского рода (*klučí, medveděť*),
- 4) твердый согласный в префиксе неопределенных местоимений и наречий (*nehdo, neco, nehďá* – чеш. лит. někdy 'когда-то', *nák* – чеш. лит. nějak 'как-то'),
- 5) шипящий согласный в формах повелительного наклонения глаголов с корнем на свистящий (*poprošte, votpušte* – чеш. лит. odpustěte 'простите') и во всех формах модального глагола со значением долженствования: *muším, mušela* и т. д.,

⁵ BALHAR J., KLOFEROVÁ S., ŠÍPKOVÁ M. Enkláva českého jazyka // Petr Karlík, Marek Neku-la, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: <https://www.czechency.org/slovník/ENKLÁVA%20ČESKÉHO%20JAZYKA> (дата обращения: 23. 1. 2020).

⁶ Ср. BALHAR J. (red.). Český jazykový atlas 5. Praha: ACADEMIA, 2005. С. 370 и карта 258a.

⁷ Переводы и литературные чешские соответствия отдельных лексем, форм и фраз в статье даются лишь в неочевидных случаях.

б) диссимиляция в группах зубных согласных типа *hdij se vrátil* – чеш. лит. *když se vrátil* ‘когда он вернулся’, *von se sám pojtrhnul* ~ чеш. лит. *podtrhnul*, здесь калька рус. *подорвался / подорвал себя* (гранатой) с опорой на чешский глагол *trhnout* в качестве соответствия рус. *рвануть*.

Наиболее примечательными, однако, представляются такие южночешские или юго-западночешские морфологические особенности, как застывшие формы притяжательных прилагательных на **-ovo/-ino**⁸, например: *taťinkovo bratr* и *taťinkovo sestra*; *mámňe se d'edouškovu Kateřina říkalo* ‘маме дедушкиной Катерина имя было’; *taťinkovo mamka, mamkino mamka* (во втором случае с устранением чередования *k/lč* по русскому образцу) и даже *moje teta ... tátovo mojeho sestra* ‘сестра моего отца’, и типично южночешские коллективно-притяжательные формы на **-ú/-u**, обозначающие семью и принадлежность к семье: *Vena Luzumu chod'il k tej Faňe Němcu*; *vona bila Jeřápku*; *Bjeti Chalupú babička*; *i Kupšú bili vislaní* (‘семья Кубеш тоже была сослана’). В единичном случае в записях встретилась и «более западная» форма на **-ojc**: *já sem Dušanškojc* ‘я Душанек (= из семьи Душанеков’).

Характерны здесь также такие южночешские или юго-западночешские лексемы или образования *d'edoušek* ‘дедушка’, *húde* ‘девочка, девушка’, *vjetle* ‘ветка’, *škaredě* ‘плохо’, *drobet* ‘немного’, германизмы *loch* ‘подвал’, *bajzik* ‘собака’⁹ из нем. *beißen* ‘кусать’ и др.

На первом этапе исследования тем самым казалось, что генезис северокавказских чешских говоров можно уже с достаточной однозначностью определить как южно- или юго-западночешский. Это согласовывалось с утверждением этнографа К. Хотека, который после посещения чешских поселений под Новороссийском констатировал, что их жители «сплошь южночешских корней, из-под Будейовиц и Писека»¹⁰. В семейных преданиях, пересказываемых нынешними потомками этой группы переселенцев, действительно часто упоминаются окрестности г. Ческе-Будейовице, но не Писек. Спустя четыре года после Хотека его локализацию исходных районов переселения расширил Я. Ауэрган, который, присовокупив еще окрестности южночешского города Табор, распространил ее далее в направлении северо-востока Чехии: «многие были из округи городов Хрудим, Високе-Мито, Часлав, Градец-Кралове

⁸ Cp. BĚLIČ J. *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, 1972. S. 172–173.

⁹ Cp. JANEČKOVÁ, M. *Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // Sborník katedry českého jazyka jihočeského regionu IV*. České Budějovice, 1995. S. 21 (*bajzek*) и BALHAR J. (red.) *Český jazykový atlas 3*. Praha: ACADEMIA, 1999. S. 479, карта 217 (*pajsek*).

¹⁰ CHOTEK K. *Čechové na Kavkaze // Národopisný věstník československý V*, 1910. S. 202.

и других»¹¹. Возможно, здесь он имел в виду жителей удаленных от Новороссийска чешских селений на Северном Кавказе, в которых он сам – как до него и Хотек – не побывал.

Не только под Новороссийском посетил чешских земляков еще в тот период, когда их миграция в эти края лишь начиналось, Э. Валечка, автор книги «Черноморский округ Кавказа» (1871), которую Ауэрган упоминает среди своих источников. Как ни странно, о происхождении чехов в окрестностях Новороссийска Валечка ничего не сообщает, зато он подробно перечисляет места, откуда были родом колонисты, поселившиеся на берегу реки Джубги («это чехи из Воднян, Баворова, Нетлиц и Либейиц»¹², т. е. из окрестностей городов Страконице, Прахатице и – действительно – Табор) и далее «по всей долине реки Пшенахо <...> на четырех участках, протянувшихся верст на семь. <...> Здешние чехи родом из окрестностей городов Глинско, Поличка, Потштейн, Вамберг и Жамберк. В то время их было всего 14 семей»¹³. Речь идет о Георгиевских хуторах (Валечка переводит вторую часть этого названия словом *částku* ‘участки’), которые со временем объединились в село, с 1902 г. переименованное в Анастасиевку. Под этим названием его включил в свой подробный перечень чешских поселений на Северном Кавказе Ауэрган. Кроме того, как он пишет, «в округе туапсинском есть села Текос, Тешебс <...> и наконец, недалеко от Майкопа чешская деревня, название которой мне неизвестно. <...> Немало чешских дворов, по сведениям, находится близ станиц Мингрельской и Крымской»¹⁴. В некоторых из этих селений до сих пор в той или иной степени сохранился чешский элемент, и они также были охвачены исследованием. Произошло это, однако, не сразу, так как после детального изучения двух самых показательных чешских анклавов под Новороссийском и Анапой новых открытий на Северном Кавказе уже не предвиделось. За ними участники проекта по описанию чешских говоров в России отправились в Сибирь.

О том, что в Омской области на западе Сибири свыше ста лет тому назад возникло сохраняющееся и поныне чешское сообщество, тоже было известно заранее. Его начало коротко описал в 1925 г. чешский этнограф С. Клима: «Близ города Омска выходцы из Чехограда в Крыму

¹¹ AUERHAN J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha: Nakl. Dr. Ant. Hajn, 1920. S. 54. В сборник включены статьи автора 1912–1914 гг.

¹² VALEČKA E. Černomořský okruh Kavkazu. Ze zvláštní cesty tam konané. Praha: Nákladem kněhkupectví Mikuláše a Knapa, 1871. S. 40. В XX в. эта чешская колония, которая во время посещения ее Валечкой насчитывала 12 семей, исчезла.

¹³ Ibid., s. 36.

¹⁴ AUERHAN 1920, s. 52–53.

основали селение Новоград (100 чехов)»¹⁵. Речь шла, следовательно, о вторичной миграции, которая была связана с аграрными реформами, проводившимися правительством П. А. Столыпина (1862–1911). Впрочем, Чехоград, известный с 1869 г., находился не в Крыму: и он возник как «дочерняя колония» крымских чехов, однако в континентальном Мелитопольском уезде Таврической губернии (в настоящее время это село Новгородковка Запорожской обл. Украины). Тем не менее Крым и даже Бессарабия, где в 1884 г. переселенцы из Чехограда вместе с частью волыньских чехов основали еще одну «дочернюю колонию» Новоград (с 1912 г. Голубое, ныне Хулубоя в Кагульском районе Молдовы), также упоминаются в семейных преданиях старожилов теперешних трех уже лишь отчасти чешских деревень в Омской области: Новоградки, Воскресенки и Репинки. Доцент ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, специалист по русским говорам Западной Сибири М. А. Харламова называет эти деревни «малой Чехией в Среднем Прииртышье»¹⁶.

Записанные в 2012–2013 гг. беседы с примерно двадцатью говорящими по-чешски представителями этого довольно многочисленного сообщества (по переписи населения 2010 г. – 86 человек, декларирующих чешскую национальность) подтвердили ожидаемый северовосточночешский генезис их говора, продолжающего чехоградский. Известно, что большая волна чешской колонизации, которая охватила всю Украину, начавшись на Волыни и распространяясь далее в направлении на юг и юго-восток, двигалась из Северо-Восточной Чехии. Соответственно от юго-западночешских по происхождению говоров в окрестностях Анапы, Новороссийска и Геленджика западносибирский диом отличается следующими фонетическими чертами:

1) **ej** из **í** после свистящих согласных (*cejcha, blíska lesejka, na vozejč-kách*);

2) долгий **í** в инфинитивах типа *vodníst* и «гипернормальная долгота» в корне некоторых существительных, таких как *kúsa, zejma* – чеш. лит. *kosa* ‘коса’ (орудие косьбы), *zima* ‘зима’;

3) сокращение гласных **í, ú** во флексиях и суффиксах, а иногда и в основе слова в случаях типа *pjet klucu* – чеш. лит. *klukú* ‘пятеро парней’, *hodně lidu* – чеш. лит. *lidí* ‘много людей’, *padesát sídmím roku* – чеш. лит. *v padesátém sedmém roce* ‘в 57 году’, *tatínek, kmotříček, s košíčkem, mlíko* – чеш. лит. *mléko*, общечеш. *mlíko* ‘молоко’, *jíst* – чеш. лит. *jíst* ‘есть’ (принимать пищу);

4) непоследовательная реализация **v** в виде неслогового **ц** в конце и в начале слога или губно-губного **w** в интервокальной позиции, например:

¹⁵ KLÍMA S. Čechové a Slováci za hranicemi. Praha: Nakladatelství J. Otto, 1925. S. 142.

¹⁶ ХАРЛАМОВА М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2014. С. 52–65.

dřív – чеш. лит. dřív ‘раньше’, *první* – чеш. лит. první ‘первый’; *mladí děučátka, děčata* – чеш. лит. mladá děvčátka, děvčata ‘молодые девочки, девушки’; *von* и *von* – чеш. лит. on ‘он’; *bez uocasa* – чеш. лит. bez ocasu ‘без хвоста’; *jak vistřelej, tak to uejskali* – чеш. лит. jak vystřelí, tak výskali ‘как выстрелят, так визжали’; *s unukama mluví* – чеш. лит. s vnuky mluví ‘с внуками говорит’ и т. п.

Явления 3) и 4) присутствуют, хотя и в меньшей мере, также в говорах под Анапой и Новороссийском. В чешском говоре Сибири, однако, можно чаще наблюдать «побочные эффекты» последнего из них: утрату предлога **v** или его мену на **h** в случаях типа *zejmňe, h noci* – чеш. лит. v zimě ‘зимой’, v noci ‘ночью’ и изменение некогда мягкого **v** в **j** в словах *pojdat, vobuj* – чеш. лит. povídat ‘рассказывать’, obuv ‘обувь’¹⁷.

С развитием **v** связаны и такие яркие морфологические признаки западносибирского чешского говора, как типично северо-восточночешская флексия **-oj** в дат. и местн. п. ед. ч. одушевленных существительных мужского рода¹⁸ (*mladímu klukoj* ‘молодому парню’; *dědečkoj říkali Antoš* ‘дедушке имя было Антош’; *jednomu Ukrajincoj* ‘одному украинцу’; *k tátoj* ‘к папе’; *po taťinkoj bila Janderova* ‘по папе была Яндерова’) и окончание **-ú/-u** в формах им. п. ед. ч. мужского рода притяжательных прилагательных, образуемых от мужских имен. Эти формы выступают и в качестве неофициальных деревенских фамилий мужчин: *Lojza Šiller ... Širelú přijížděl popravovat zahrádku máminou* ‘Лойза Шиллер... Ширелу приезжал привести в порядок мамин огород’ (официальная фамилия Шиллер получает гипокористический деревенский облик с дистантной метатезой плавных); *děd bil Vondrú* ‘дед был Вондра’; *starej Přibilu tadi co žil* ‘старый Пришибил, что тут жил’ (официальная фамилия членов этой семьи в российских документах – Прибыль). Однако в остальном притяжательные прилагательные в данном говоре, в соответствии с состоянием в северо-восточных чешских диалектах, склоняются, при этом сохраняя в части падежей краткие именные формы, как в литературном чешском языке, ср. *Vinca Švihlú i Joza Švihlú, to sou rodní bratři* ‘Винца и Йоза Швигель (букв. Швиелу) – они родные братья’ при *Jozi Švihlova i Vincí Švihlova táta* ‘Йозы и Винцы Швигеля (букв. Швиелова) папа’; *vot vi ste bili u Franti Širelova?* ‘вот вы

¹⁷ Ср. BĚLIČ 1972, s. 50; JANČÁKOVÁ J., JANČÁK P. *Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny*. Praha: Karolinum, 2004. S. 50, 87. В северокавказские чешские говоры окрестностей Новороссийска и Анапы такое произношение **v** могло проникнуть вторично из «балачки», смешанного украинско-русского идиома давних переселенцев на Кубань и прилегающую полосу черноморского побережья из соседних областей царской России, который формировался начиная с 60-х гг. XIX в.

¹⁸ Ср. BALHAR J. (red.). *Český jazykový atlas 4*. Praha: ACADEMIA, 2002. S. 106–108 и карты 53–55.

были у Франты Шиллера (букв. *Шупелова*) – но и *vot Tondu bi vzat ešče Bartošoviho* ‘вот взять бы еще Тонду Бартоша (букв. *Бартошового*)’. Женские соответствия таких деревенских фамилий оканчиваются на -**ová** (или с сокращением -**ova**), а для обозначения семьи употребляются формы на -**ovi**, опять-таки как в литературном языке, ср. *babička bila paňi Vondrová* ‘бабушка была пани Вондрова’; *naše taťinki bili dva bratra Vondrovi* ‘наши отцы были два брата Вондра (букв. *Вондровы*)’; *bili i Trpkošovi i Kadrmasovi, i ešče jakisi familii druhi bili* ‘были и Трпкошovy, и Кадрмасовы, и еще какие-то другие фамилии (семьи)’.

Показательны для этого говора также типично северо-восточнoчешские лексемы или образования: *kvítka* ‘цветы’, *kačena* ‘утка’, *ťopan* ‘индюк’, *cukrdlata* ‘сладости’, *šeredňe* ‘плохо’, *tuze* ‘очень’, *zd’el’áv/at* ‘снять’, ‘снимать’, германизмы *handřička* ‘тряпка’, *pisovat* ‘чистить’ и *šmrkustovat* – глагол, образованный от существительного *šmerkust* из нем. *Schmeckostern* ‘пасхальный обычай хлестания прутиком’.

Во время записи образцов западносибирского чешского говора выяснилось, что в семье одного из носителей, ныне уже покойного Александра Кад(е)рмаса, знали о родне не только на Украине, что естественно, но и на Кавказе. Информант рассказывал, что в молодости он даже был в гостях у тетушки в Краснодарском крае, но где именно – не вспомнил. После очередных экспедиций на Северный Кавказ, предпринятых в последние годы, вероятно, можно было бы точнее локализовать это место.

В 2015 г. путь из Новороссийска через села Текос и Тешебс близ Геленджика привел в Анастасиевку в горах за Туапсе. В первом из названных поселений, первоначально смешанном чешско-польском, возникшем в 1869 г., которое в 30-е гг. XX в. стало жертвой сталинских репрессий, в наши дни только одна 90-летняя полька смогла произнести всего две фразы без каких-либо диалектных черт по-польски и по-чешски. По-русски же она сообщила, что первые семь польских и семь чешских семей переехали в это село из станицы Крымской, упоминаемой Я. Ауэрганом (она существовала с 1862 г.; в настоящее время это город Крымск). В отличие от исчезнувшего текосского чешского идиома, тешебский говор, или, точнее, идиолект уже лишь единственной носительницы, также 90-летней, буквально в последний момент удалось определить как южночешский. В нем, кроме признаков, общих с говорами окрестностей Новороссийска и Анапы, таких как краткий **e** в инфинитиве *lest* ‘лезть’, твердый согласный в префиксе неопределенного местоимения *neco* ‘что-то’ или формы на -**ú/-u** типа *Štenglú/Štenglu*, *Pánkú/Pánku*, используемые для обозначения семьи и принадлежности к семье, был отмечен и ряд специфических особенностей: например, «из-

быточная йотация» перед свистящим и зубным согласным во фразе *vona mušela nas učit i vosp'itavaji* ‘она должна была нас учить и воспитывать’ и часто повторяющееся слово *nejčkin* ‘сейчас, теперь’¹⁹ (в Кирилловке и Варваровке неизвестно: здесь говорят *ted*, как и в литературном чешском языке).

Напротив, до сих пор еще довольно неплохо сохранившийся идиом, используемый в повседневном общении между собой как минимум пятью жителями Анастасиевки близ Туапсе, был практически сразу идентифицирован как (северо-)восточночешский. Это в целом согласуется с перечнем мест, откуда были родом первые обитатели Георгиевских хуторов, в книге Валечки. Современные жители Анастасиевки, впрочем, полагают, что их предки прибыли откуда-то из Моравии. Кажется, однако, что этот вывод основан на наблюдении одного информанта (примерно 60-летнего), который во время своей поездки в Чехию не договорился с продавщицей обуви в Праге: *řek sem štyri ... jak ů naz řikají štyrcet pruňi a ona nepojmulá* ‘я сказал «штыри...» – как у нас говорят, «штырцет пруни», а она не поняла’ (произнесенное таким образом числительное 41), тогда как в Брно *jak mluvime šěchno tady ... tak i tam mluvjej taki tak* ‘как мы тут говорим, так и там точно так же говорят’. Это, конечно же, иллюзия – тем не менее некоторые черты моравского типа, захватывающие краем также восточночешские диалекты, в анастасиевском говоре все же встретились: например, протетический *h-* во фразе *já sem to humila pjekně* ‘я все хорошо помыла’, ср. изоглоссу произношения *hud'it* – чеш. лит *udit* ‘коптить’, тянущуюся из Моравии до района г. Усти-над-Орлицы на востоке Чехии²⁰. По словам дочери той же информантки, последняя иногда говорит также *mět* вместо *mít* ‘иметь’²¹. Произношение *huzení* ‘копчености’ и инфинитив *mět* отмечены и в западносибирском чешском говоре, по происхождению однозначно северо-восточночешском, с которым анастасиевский идиом разделяет все отличительные признаки этой подгруппы чешских диалектов. В то же время в анастасиевском говоре наблюдается по меньшей мере одна специфическая особенность: флексия **-oj** здесь в дат. п. ед. ч. закреплена только за одушевленными существительными мужского рода (*d'edečkoj* ‘дедушке’, *sinøj* ‘сыну’ и т. д.), тогда как в местн. п. ед. ч. она распространяется и на неодушевленные существительные мужского и даже среднего рода: *na Kaukázøj, v Novoros'ijskoj, v M'inskoj, f tetom rokoj, v druhim domøj, ů klubøj, na házøj, ů másloj* (т. е. ‘на Кавказе’, ‘в Новороссийске’, ‘в Минске’, ‘в этом году’, ‘в другом доме’, ‘в клубе’,

¹⁹ Ср. BALHAR, 2005, s. 535–536.

²⁰ Ibid., s. 348–349, карта 241.

²¹ Ср. BALHAR, 2002, s. 508–509, карта 361.

‘на газе’, ‘в масле’). Это явление не находит параллелей ни в других чешских диалектных анклавах в России²², ни в говорах на территории Чехии.

И наконец, в 2017 году чешский северокавказский круг замкнулся: в исследование был включен также довольно хорошо сохранившийся чешский говор хутора²³ Мамацев Шовгеновского района Республики Адыгея, основанный в 1880 или 1889 г. В настоящее время здесь проживает 27 человек, декларирующих чешскую национальность; еще 12 таких лиц зарегистрировано в двух соседних населенных пунктах, с которыми Мамацев образует одну административную единицу. Старейший из них – 1927, а самый младший – 2005 (!) г. р. Впрочем, по-чешски, на диалекте, вполне бегло говорит лишь порядка пяти жителей Мамацева, а в соседних поселках уже никто. Так как в имеющейся литературе отсутствуют сведения о происхождении этой группы чешских колонистов на Северном Кавказе (хотя еще Ауэрган упоминал о существовании чешского поселения недалеко от Майкопа), а сами хуторянки со слов старших повторяют лишь, что их предки прибыли в эти края из кубанских станиц Васюринской и Новодмитриевской, однако не знают, как они в этих станицах оказались, приобретает тем большую значимость диалектологическое наблюдение, что и мамацевский идиом обнаруживает типичные северо-восточночешские особенности. Здесь не представлена «анастасиевская крайность» – флексия *-oj* в местн. п. ед. ч. неодушевленных существительных мужского и среднего рода, зато зафиксировано то же окончание в дат. п. ед. ч. существительного среднего рода *d'eckoj* – чеш. лит. *děcku* ‘ребенку’ и немало других черт, большей частью известных из анастасиевского и западносибирского идиомов.

Сходства и различия между анализируемыми сообществами, связанные с их общим иере, наоборот, не совпадающим генезисом, проявляются не только в говоре, но и в элементах традиционной народной культуры. Например, совершенно удивительно было услышать в Анастасиевке и Мамацевом ту же самую свадебную песню *Pod našim voknem roste doubek...*, которая до сих пор исполняется в чешских деревнях Западной

²² Аналогичные формы, однако, засвидетельствованы в генетически также северо-восточночешских говорах на Украине: *na svim chlebičkaj* ‘на своем хлебушке’, *mi sme po tai'inkaj* ‘мы (пошли) в папу’ в с. Николаевка Винницкой обл. (из эксерпций доц. К. Комарека, Университет им. Палацкого в Оломоуце); *na tim kursaj* ‘на том (языковом) курсе’ в с. Веселиновка Одесской обл. (из аудиозаписей М. Штрафелдовой, Чешское Радио, Прага).

²³ Это наименование, по-видимому, отражает первоначальный характер поселения. В наши дни данный населенный пункт по своему облику ничем не отличается от обычной деревни.

Сибири, или совпадающее у чехов в Мамацевом и в Омской области название картофельного блюда *пурук*²⁴, в то время как аналогичное блюдо под Новороссийском именуется словом *šterc*. Кроме того, для разных групп чешских поселений в двух обследованных российских регионах характерен неодинаковый набор фамилий старожилов, хотя некоторые из них повторяются. На Северном Кавказе такое повторение можно объяснить частыми браками между чехами, проживавшими порой в удаленных друг от друга населенных пунктах, однако по меньшей мере одна из «северокавказских» фамилий встречается и в Сибири. Это фамилия Трпкош (в русифицированном облике – Трипкош), известная в Мамацевом и Анастасиевке. Вероятно, в одном из этих сел и был в гостях у дальней родни молодой Александр Кад(е)рмас из Воскресенки в Омской области.

В собственно языковом отношении все чешские говоры в современной России, естественно, в значительной мере русифицированы. Это проявляется в первую очередь в лексике и синтаксисе, в меньшей степени в морфологии и в наименьшей – в фонетике, хотя и здесь кое в чем весьма отчетливо²⁵. Примечательно, что при всей генетической неоднородности этих говоров в том, что касается влияния русского языка, между ними почти нет различий, если не считать немногочисленных лексических регионализмов²⁶. Из фонетических явлений во всех чешских говорах в России распространяются русские мягкие заднеязычные и губные согласные, свистящие *s'*, *z'* и сонорные *r'*, *ʀ*, причем некоторые из них могут претендовать и на фонемный статус, ср. в записях из Кирилловки (*vňitai'i*) *ud'el'á* '(внимание) уделяет' × *ud'el'á* 'сделает'. В морфологии под влиянием русского языка, хотя не вполне по русской модели, во всех обследованных анклавах произошла практически полная утрата выражения одушевленности существительных во множе-

²⁴ Ср. *МАШЕК V*. Několik názvů jídel, vážných i posměšných // *Naše řeč* 29 (1945), č. 7–8. S. 156–157.

²⁵ При этом чаще всего речь идет о влиянии не «русского языка вообще», а той или иной региональной разновидности русского и – в прошлом – отчасти также украинского языка либо смешанного украинско-русского идиома, с каким сталкивались предки носителей всех чешских говоров на территории России. Например, фонетическим «украинизмом» считается произношение *šč* на месте чеш. *šř* также и в исконно чешских словах, таких как *ešče* – чеш. лит *ještě* (ср. *JANČÁKOVÁ J.*, *JANČÁK P.*, 2004, s. 119); аналогично можно было бы трактовать губно-губное произношение *v* в чешских говорах окрестностей Новороссийска и Анапы (см. примеч. 17).

²⁶ Например, в западносибирском чешском говоре *rosadník* 'огород' из рус. диал. *рассадник* (эта лексема в указанном значении зафиксирована в севернорусских и возводящихся к ним сибирских старожильческих говорах) или германизм *trašpanka* 'бричка' из нем. *Strabe* 'улица', 'дорога' и *Bank* 'скамья' – слово, некогда распространенное в народной речи по всей Сибири.

ственном числе. Формы им. п. мн. ч. с чередованием твердых согласных основы *Češi* (наряду с *Čechi*), *hoši* и *kluci* ‘парни’, *školáci* ‘школьники’, *bratři* ‘братья’, *kamarádi* ‘друзья’, *vlci* ‘волки’, *bejci* (наряду с *bejki*) ‘быки’, *medvjedi* ‘медведи’ сохраняют только отдельные имена, у которых, впрочем, та же основа выступает и в других падежах мн. ч., так что формы им. и вин. п. не различаются, ср. *mí bratři ... mňela sem dva bratři* ‘мои братья... я имела двоих братьев’ (Анастасиевка); *ja bila málínká a bejci dou ... i ůot ti bejci pomatuju* ‘я была маленькая, а быки идут... и вот этих быков я помню’ (Сибирь). Точно так же омонимичны формы им. и вин. п. мн. ч. тех существительных, у которых уже утрачены чередования согласных основы как показатель одушевленности, ср. *dva siní umřeli* ‘два сына умерли’ = *dva siní mňel* ‘двоих сыновей имел’; *sed’i babički, d’edečki* ‘сидят бабушки, дедушки’ = *d’edečki ja nepamatuju* ‘дедушек я не помню’ (Сибирь); *králíki sou ... chcete uvidet králíki?* ‘есть кролики... хотите увидеть кроликов?’ (Анапа). В целом же следует признать, что высказывания носителей всех чешских говоров на территории РФ настолько пронизаны русизмами на разных уровнях, что возникает вопрос, в какой мере их все еще можно считать разновидностями чешского языка.

Более ста лет назад Карел Хотек писал (вероятно, с некоторой долей преувеличения) о чехах в окрестностях Новороссийска: «Национальное самосознание у них живо. Между собой они говорят только по-чешски, причем, не считая некоторых русских слов, чисто и правильно; русскому языку как следует не научился, пожалуй, ни один из них, и лишь немногие объясняются с русскими на некоей смеси русского языка с чешским»²⁷. В настоящее время, после обследования всех до сих пор сохранившихся чешских говоров в России, приходится констатировать, что эта ситуация изменилась на противоположную: их носители также между собой общаются «на некоей смеси русского языка с чешским», и все чаще уже только по-русски. Тем не менее национальное самосознание у них по-прежнему живо, не исключая и молодых потомков чешских переселенцев, уже совсем не владеющих чешским языком. Впрочем, желающие могут его выучить – по крайней мере на Северном Кавказе. Для этого Чешская Республика с 2003 г. направляет в Новороссийск учителей, которые стараются продолжать традицию чешских начальных школ, какие существовали в Кирилловке и в других чешских поселениях на Черноморском побережье с начала XX в. вплоть до 1930-х гг. (в Сибири такой школы не было). Разумеется, в современных условиях чешский язык, изучаемый в кружках по выходным дням, не имеет диалектной опоры в семьях или в деревне. Ввиду этого такое обучение

²⁷ СНОТЕК, 1910, s. 202–203.

чешскому языку требует иной методики, нежели применялась местными учителями сто лет назад. Но это уже тема совершенно иной статьи.

Литература / References

- Мячина З. И.* Очерк языка чешского говора села Малая Зубовщина на Украине. Автореферат... канд. филол. наук. Ин-т языкознания АН БССР. Минск, 1974.
- Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 38 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. С. 40–54.
- Харламова М. А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2014.
- Auerhan J.* České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha: Nakl. Dr. Ant. Hajn, 1920.
- Balhar J.* (red.) Český jazykový atlas 3. Praha: ACADEMIA, 1999.
- Balhar J.* (red.) Český jazykový atlas 4. Praha: ACADEMIA, 2002.
- Balhar J.* (red.) Český jazykový atlas 5. Praha: ACADEMIA, 2005.
- Balhar J., Kloferová S., Šipková M.* Enkláva českého jazyka // Petr Karlík, Marek Nekula, Jana Pleskalová (eds.), CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: <https://www.czechency.org/slovník/ENKLÁVA%20ČESKÉHO%20JAZYKA> (дата обращения: 23. 1. 2020).
- Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha: SPN, 1972.
- Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha: Karolinum, 2004.
- Janečková, M.* Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // Sborník katedry českého jazyka jihočeského regionu IV. České Budějovice, 1995. S. 18–23.
- Chotek K.* Čechové na Kavkaze // Národopisný věstník československý V, 1910.
- Klíma S.* Čechové a Slováci za hranicemi. Praha: Nakladatelství J. Otto, 1925.
- Lamprecht A.* (red.) České nářeční texty. Praha: SPN, 1976.
- Machek V.* Několik názvů jídel, vážných i posměšných // Naše řeč 29 (1945), č. 7–8. S. 149–161.
- Valečka E.* Černomořský okruh Kavkazu. Ze zvláštní cesty tam konané. Praha: Nákladem kněhkupectví Mikuláše a Knappa, 1871.

ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕРДИАЛЕКТОВ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.А. Индыченко

FORMS OF PRESENTATION OF INTERDIALECTS OF THE CZECH LANGUAGE IN MEDIA SPACE AND IN POPULAR SCIENCE LITERATURE

A. A. Indychenko

ABSTRACT:

The article reviews various ways to describe and present the features of interdialects of the Czech language on the Internet, on the radio, and in popular science publications of recent years.

Key words: interdialect; dialect group; amateur lexicography; podcast; teach yourself book

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются различные способы описания и презентации особенностей интердиалектов чешского языка в сети Интернет, в радиоэфире и научно-популярных изданиях последних лет.

Ключевые слова: интердиалект; диалектная группа; любительская лексикография; подкаст; самоучитель

В современной богемистике при описании чешской языковой ситуации наряду с понятиями литературный язык (*spisovná čeština*) и диалект (*přířečí*) регулярно используется понятие интердиалект. Согласно “Новому энциклопедическому словарю чешского языка”, интердиалект есть “нестабилизованная формация национального языка, представляющая собой последнюю стадию развития традиционных территориальных диалектов”. Данная формация складывается в процессе сближения отдельных диалектов в процессе утраты ими своей специфики и отличительных особенностей, и, вместе с тем, сохранения в зоне употребления диалекта черт, распространенных на более обширной территории [NESČ 2020: Interdialekt].

Как интердиалект в работах исследователей описываются как обиходно-разговорный чешский язык (obecná čeština) – “наиболее сконсолидированный интердиалект” [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 22]), – сформировавшийся на основе говоров собственно чешской диалектной группы (центральночешские говоры) и имеющий тенденцию к функционированию в качестве субстандарта национального языка на всей территории распространения чешского языка [NESČ 2020: Obecná čeština], так и иные наддиалектные идиомы, в сформировавшиеся на основе иных диалектных групп чешского языка – центральноморавской (ганацкой), восточноморавской (моравско-словацкой) и североморавской (силезской, ляшской) [Čechová 2000: 25]. В рамках национального чешского языка перечисленные идиомы имеют особый статус, и их корреляция как с “первым” стандартом – литературным чешским языком, так и со “вторым стандартом” (субстандартом, обиходно-разговорным чешским языком), различна. В данной статье мы предложим обзор некоторых форм их презентации в медиaprостранстве, в первую очередь, в Интернете, а также в научно-популярной литературе последних лет.

Под презентацией в данном контексте мы понимаем представление широкой публике особенностей того или иного идиома (либо его отдельных уровней – например, лексики) с фокусом на сам идиом. Таким образом, за рамками предлагаемого обзора остаются факты отражения диалектов в художественной литературе, популярной музыке, кинематографе и пр., где использование диалектных черт нацелено на достижение определенного художественного эффекта, а не на презентацию самого идиома в более или менее систематическом плане.

Поскольку речь в большинстве случаев идет о рефлексии языковой ситуации, осуществляемой в среде непрофессионалов, принципиальное значение для описания форм презентации интердиалектов в медиaprостранстве и популярной литературе имеет вопрос об их наименованиях. Очевидно, что названия идиомов, описываемых вне рамок профессиональной лингвистики, не будут совпадать с терминологией, используемой лингвистами при описании регионального членения чешского языкового континуума.

Напомним, что при традиционном описании интердиалекты формируются на основе диалектных групп, в свою очередь состоящих из отдельных подгрупп. В рамках центральноморавской (ганацкой) группы принято выделять центральную и южную подгруппы, а также западный сегмент (чугацкий, коетинско-пршерровский, славковско-бучовицкий типы говоров); в рамках восточноморавской группы говоров - южную (словацкую) и северную (валашскую) подгруппы, а также западный сегмент говоров (границкий, келечский, долский и копаничаржский

типы говоров), в рамках североморавской группы (силезской, ляхской) группы говоров – силезскоморавские говоры (опавская, остравская и френштатская подгруппы) и силезскопольские (западнотешинская подгруппа и подгруппа переходных чешско-польских говоров) [Bělič 1972: 240-261, 262-284, 285-306]. Как мы видим, отдельные группы либо подгруппы говоров имеют характерные локальные наименования, в то время как иные характеризуются исходя из их положения относительно центра диалектной зоны (центральные, западные).

В свою очередь, вне контекста специализированного описания языка при описании диалектного членения чешского языкового континуума в обиходе зачастую употребляется целый ряд существительных-универбов с характерным для чешского языка суффиксом *-štin(a) / -čtin(a)* (см. [Karlík, Nekula, Rusínová 1995: 136, 139]), выступающих как синонимичные к словосочетаниям существительных с прилагательными для обозначения языка (*moravština – moravský jazyk*). К числу наиболее распространенных наименований указанного типа, использующихся вне контекста профессионально-лингвистического описания региональной вариативности национального чешского языка, относятся следующие (в скобках приводится индекс частотности из Чешского национального корпуса – число употреблений из расчета на миллион слов корпуса): *moravština* (0,07), *ostravština* (0,06), *hanáčtina* (0,05), *brněňština* (0,03). Менее распространены, однако также встречаются, наименования *valaština* и *lašština*.

Наиболее интересным в данном случае представляется номинация *moravština* (моравский язык), во многом определяющая специфику взгляда авторов всевозможных словарей и различных популярных пособий на объект их описания. Судя по всему, особый статус данной номинации объясняется желанием описать идиом, выступающий в Моравии противовесом обиходно-разговорному чешскому языку, ряд специфических черт которого воспринимается жителями Моравии и Силезии как «чужой», «пражский», либо даже создать особый литературный язык – моравский (об одной из подобных попыток см. [Stich 2000: 260-264]). Отметим, что академическая лингвистика к идее о существовании «обиходно-разговорного моравского языка» (и тем более возможности формирования литературного языка) относится крайне критически, не отрицая при этом наличие ряда «общеморавских» черт, но признавая их недостаточными для выделения особого идиома, статус которого выше, чем областной интердиалект [NESČ 2020: *Moravismus*; Скорвид 2005: 234-235].

Одним из любительских проектов, посвященных «моравскому языку», является «Первый моравско-чешский интернет-словарь» (www.morcevnik.cz), создававшийся начале 2000-х гг. в студенческой

среде. Примечательно, что у приводимых в нем лексем особым образом маркируется их региональная принадлежность к одной либо нескольким диалектным зонам (среди них выделяются следующие: Подлужье (Podluží), Моравская Словакия (Slovácko), Брно (Brno), Гана (Haná), Валашская область (Valašsko), Ляшская область и Северная Моравия (Lašsko a Severní Morava). Таким образом, охваченными оказываются все диалектные группы моравских и силезских говоров, а также специфическое городское арго г. Брно – т.н. «гантец» (brněnský hantec).

Многочисленные любительские лексикографические усилия с большей или меньшей степенью серьезности намерений, а также большей или меньшей репрезентативностью результата усилий – краткого словаря, предпринимаются энтузиастами и в отношении различных по статусу языковых формаций, которые в лингвистическом описании могут соответствовать как уровню областных интердиалектов чешского языка (Hanácký slovník: www.hanactina.cz), так и уровню подгрупп говоров (Valašský slovník: www.valassky.cz, Slovácký slovník: www.slovackocesky.slovník.estranky.cz) либо городских арго (Brněnský hantec: www.hantec.cz), «Остравский словарь» Д. Зарубы [Záruba 2013].

Наиболее полно «документирован» любительскими словарями центральноморавский (ганацкий) интердиалект: он представлен рядом созданных энтузиастами (зачастую анонимными либо скрывающимися за псевдонимами) словарей и онлайн-переводчиков, представляющих лексику интердиалекта и ее эквиваленты в литературном чешском языке: «Ганацкий словарь» П. Поспѣха, «Чешско-ганацкий и ганацко-чешский переводчик» на портале www.hanactina.cz, «Ганацко-чешско-английский словарь» с 2236 словами и выражениями на сайте www.hanaci.com (<http://www.hanaci.com/slovnicek.php>), «Ганацкий словарь из деревни Межице» (Hanácké slovník z Mezêc, www.naklo.cz). Разумеется, в данном случае речь не идет о сколько-нибудь точном описании лексики интердиалекта с соблюдением правил словарного описания: в кратких словарях как правило приводятся только те слова, которые отличают его от литературного языка, ссылки на источники сведений по понятным причинам отсутствуют. Вместе с тем, серьезность намерений авторов можно продемонстрировать хотя бы тем, что в ряде случаев в них отдельно описываются применяемые принципы графической фиксации региональной лексики (см. Hanácké slovník z Mezêc, с. 1-2). В определенном смысле подобные попытки фиксации диалектной лексики продолжают известную традицию описания особенностей отдельных диалектов непрофессионалами (врачами, учителями, региональными чиновниками) особенно характерную для XIX в. – начала XX в. Так, в отношении ганацкой группы говоров такую попытку принял в начале XX в. учитель гимназии Антонин Лакомый (1880-

1928), в 1910-1911 гг. издавший «Словарик ганацкого наречия из окрестностей деревни Сенице в районе Литовеля» [Lakomý 1910-1911].

Можно утверждать, что любительская лексикография является наиболее очевидной, простой и распространенной формой презентации областных интердиалектов чешского языка в Интернете и популярных изданиях, что вполне соответствует постулируемой для обыденного метаязыкового сознания основополагающей роли словаря при описании и изучении языка, основанной на «базовой мифологеме вещности слова» [Кашкин 2013: 36].

Иную, более сложную и современную форму презентации интердиалекта в медиальном пространстве представляют два проекта радиостанции «Гана» (Haná 92,3 FM). Первый из них представляет собой сборник аудиоподкастов под названием «Пепин из Ганы» (Pepín z Hané, <https://www.radiohana.cz/podcast/podcast-2>), где в качестве комментатора актуальных событий и рассказчика забавных историй выступает вымышленный персонаж Пепин, говорящий по-ганацки (на сайте радиостанции представлено 515 выпусков подкаста). Вторым, еще более интересным в лингвистическом плане проектом, является курс подкастов «Ганацкий словарь с Пепином» (Hanácké slovník s Pepínem, <https://www.radiohana.cz/podcast/podcast-1>). Каждый отдельный выпуск курса (1,5 - 2 минуты) посвящен одной диалектной лексеме, для которой приводится эквивалент из чешского литературного языка, а ее употребление демонстрируется на примере малого фольклорного жанра – присказки, стиха, загадки (также с переводом на литературный чешский) и пояснений, которые также даются на диалекте. В конце каждого выпуска и сама лексема, и стихок повторяется еще раз «для закрепления». В настоящий момент на сайте радиостанции имеется 420 выпусков. Примечательно, что выпуски последнего подкаста построены по принципу лексикона, т.е. постепенной презентации отдельных диалектных лексем, что в базовом смысле подхода к описанию интердиалекта объединяет данный способ описания с любительской лексикографией.

Еще одной формой популяризации региональных разновидностей чешского языка является создание учебных пособий, построенных по общей схеме учебника иностранного языка (тексты, диалоги, упражнения). Именно в такой форме предпринимают попытку трансляции ганацкого интердиалекта младшему поколению авторы «Учебника ганацкого языка для самых маленьких», созданного группой энтузиастов-непрофессионалов при участии учителей местной начальной школы пос. Накло (Оломоуцкий край) и изданного в 2018 г. при поддержке администрации поселка. В пособии представлены тексты, стихи и загадки, составленные с учетом специфических черт ганацких говоров, а также приводятся краткие «ганацко-чешские» словарики к текстам.

Значительно более амбициозное начинание, до настоящего момента остающееся для региональных разновидностей чешского языка единственным в своем роде, было предпринято автором учебника «Самоучитель опавского языка» Витом Скаличкой (см. рецензию [Изотов 2017]). Примечательно, что в данном случае автор (сам уроженец г. Праги, работающий врачом в пос. Штеборжице, расположенном в 6 км к западу от г. Опава) знакомит читателя с различными уровнями структуры рассматриваемого идиома, о статусе которого в функциональном плане можно вести споры, что, однако, не исключает возможности его систематического описания и последовательной презентации читателю отличий от чешского литературного языка, а также от чешского обиходно-разговорного языка. В предисловии автор отмечает, что осознает условность применения к описываемому идиому терминов «язык» и «микроязык», но сохраняет их для простоты описания опавского диалекта в формате учебника иностранного языка. В учебнике приводятся общая характеристика языковой ситуации в опавском регионе и ее динамике, сведения о фонетике (и об используемом в пособии способе графической передаче фонетических особенностей «опавского языка», а также североморавского интердиалекта в целом), морфологии и синтаксисе опавского диалекта, последовательно проводится сопоставление местной лексики с лексикой чешского литературного языка, представлены сведения о специфических словообразовательных особенностях идиома и словоизменительные парадигмы. Охват материала в самоучителе очевидно шире, чем набор привычно представленных в диалектологических пособиях явлений, характерных для западной (опавской) подгруппы североморавской группы говоров, в связи с чем он, с отдельными оговорками (и за неимением иных подобных изданий), может быть использован для знакомства с «североморавским интердиалектом» в целом.

Наряду с систематичностью описания самоучитель В. Скалички обладает всеми достоинствами научно-популярного издания: четкой и наглядной структурой, доступностью изложения материала, списком литературы для читателя, желающего глубже познакомиться с проблематикой, затронутой в пособии. В связи с этим не удивляет читательский успех проекта: по словам автора, первоначальные 1000 экземпляров издания 2016 г. были распроданы настолько быстро, что сразу же потребовался дополнительный тираж (2017) [Freiberg 2016].

Описанные разновидности презентации моравских и силезских интердиалектов в медиальном пространстве свидетельствуют о сохранении в чешском обществе, в том числе и в молодежной среде, интереса к региональным разновидностям национального языка, которые, в свою очередь, сохраняют достаточную степень витальности даже в эпоху

глобализации. Представляется, что именно проекты, созданные на основе разумного компромисса между лингвистической точностью описания и популярностью являются наиболее эффективным способом активизации подобного интереса в будущем.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* [Рец. на кн.:] Skalička V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matice slezská, 2017. 192 s. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, №3. 2019. С. 203-209.
2. *Кашкин В.Б.* Обыденные представления о языке и научная лингвистика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, №15. 2013. С.34-38.
3. *Скорвид С.С.* Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. Москва: Academia, 2005. С. 234-273.
3. *Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 344 с.
4. *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 463 s.
5. *Čechová M. a kol.* Čeština – řeč a jazyk. Praha: ISV nakladatelství, 2000. 408 s.
6. *Freiberg M.* Vít Skalička: Opavské nářečí jen tak nevyhyne. [Электронный ресурс.] URL: https://opavsky.denik.cz/zpravy_region/vit-skaliccka-opavstina-pro-samouky24122016.html. Дата последнего обращения 31.8.2020.
7. *Pospěch P.* Hanácký slovníček. Olomouc: Společnost přátel vesnice a malého města, 2008. 89 s.
8. Příruční mluvnice češtiny / *Karlík P., Nekula M., Rusinová Z.* (eds.). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1995. 801 s.
9. *Lakomý A.* Slovníček hanáckého nářečí z okolí vsi Senice na Litovelsku. Část I (A–O) // Třináctá výroční zpráva zemské vyšší reálky v Mor. Ostravě za školní rok 1909-1910. Moravská Ostrava: Nákladem zemské vyšší reálky, 1910. S. 7–30. Část II (P–Ž). Doplněk. Opravy. // Čtrnáctá výroční zpráva zemské vyšší reálky v Mor. Ostravě za školní rok 1910-1911. Moravská Ostrava: Nákladem zemské vyšší reálky, 1911. S. 2–30.
10. Nový encyklopedický slovník češtiny / *Karlík P., Nekula M., Pleskalová J.* (eds.). [Электронный ресурс.]. URL: <https://www.czechency.org>. Дата последнего обращения 7.9.2020.
11. Ůčebnice hanáčtĕně pro némenši / *Vogelová O., Králová I., Ošťádal M.* Litovel: Mikroregion Litovelsko, 2018. 64 s.
12. Skalička V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matice slezská, 2017. 192 s.
13. *Stich A.* O spisovné moravštině a jiných “malých” jazycích // Naše řeč. Ročník 83, №5. 2000. S. 260-264.
14. *Záruba D.* Ostravský slovník. Ostrava: Repronis, 2013. 63 s.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ БОГЕМИЗМЫ В СЛОВАЦКИХ ПЕРЕВОДАХ XVII В. СОЧИНЕНИЯ Я. А. КОМЕНСКОГО «ОТКРЫТЫЕ ЗЛАТЫЕ ВРАТА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА»

К.В. Лифанов

THE ORTHOGRAPHIC AND PHONETIC BOHEMISMS IN THE 17TH
CENTURY SLOVAK TRANSLATIONS OF COMENIUS' JANUA
LINGVAE LATINAE RESERATA AUREA

K. V. Lifanov

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of the orthographic and phonetic systems of two independent 17th century translations of the J.A. Comenius' paper into Slovak language. Analysis of the text revealed a close connection between the translation language and the Czech language. It presents a significant number of bohemisms and the degree of their use varies significantly, and some of them are even used absolutely consistently. At the same time, the translation language has an amazing similarity, although one of them is more conservative in terms of preserving elements of Czech origin.

Key words: Czech language, slovakization, grapheme, bohemism, old Czech spelling

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу орфографической и фонетической систем двух независимых переводов XVII в. одного из трудов Я. А. Коменского на словацкий язык. Анализ текста выявил тесную связь языка переводов с чешским языком. В нем представлено значительное количество богемизмов, степень употребления которых существенно варьируется, причем часть из них употребляется абсолютно последовательно. При этом язык переводов отличается удивительное сходство, хотя один из них является более консервативным в плане сохранения элементов чешского происхождения.

Ключевые слова: чешский язык, словакизация, графема, богемизм, старочешское правописание

Великий чешский мыслитель, философ и педагог, учитель народов Я. А. Коменский хорошо известен в Словакии. Словаки фактически воспринимают его как своего деятеля, принимая во внимание его происхождение, а родился он в моравской Словакии, и огромное влияние его трудов на словацкую общественную мысль и систему обучения. Не случайно университет в Братиславе носит его имя. Хотя в источниках первой половины XVII в. отсутствуют сведения о том, что Я. А. Коменский лично посещал протестантские общины на территории Словакии, он был с ними в контакте, встречаясь с их представителями и получая от них письма (Pšenač 1991-1992: 1). «Особой главой в отношении Коменского со Словакией является распространение и издание в XVII в. книг этого видного педагога, философа и религиозного мыслителя. Протестантское население узнало Коменского благодаря переработанному им тексту английского сочинения «Упражнения в набожности» (Praxis pietatis) Бейли, уже в 1633 г. изданному в словацком переводе в левочской типографии и распространявшемуся по всей Верхней Венгрии» (ibid). Я. А. Коменский был хорошо известен также благодаря своим учебникам, которые издавались в том числе и в Словакии. Издавались они, как правило, на латинском и венгерском языках, однако известны их переводы на словацкий язык, что подчеркивает их популярность в Словакии. В частности, известны словацкие переводы сочинения Я. А. Коменского «Открытые золотые врата латинского языка», которые введены в словакистику в научный оборот, хотя подробное изучение их языка не проводилось. В частности, об одном таком переводе, осуществленном в 1666 г. турчанским адвокатом Ф. Булёвским, писали Л. Новак, Э. Паулини (Paulíny 1983: 110) и Э. Йона (Jóna 1989), причем Л. Новак указывал на то, что существуют два переписанных текста этого перевода (Novák 1962). Интересно, что этот труд Я. А. Коменского был опубликован на латинском и венгерском языках, а его словацкий перевод содержится на полях книги. Полный текст оригинального перевода был опубликован во второй книге «Источники к истории словацкого языка» (Dvere 2002). М. Майтан сообщает также о существовании фрагментарного анонимного перевода этого сочинения. Оба перевода хранятся в Архиве словацкого языка и литературы в Матце словацкой в Мартине (Majtán 1992).

В 2009 г., однако, в Будапеште выходит факсимильное издание другого полного текста перевода этого сочинения, также записанного на полях книги. Данный перевод хранится в венгерской Национальной библиотеке им. Сечени. Интересно, что эти переводы осуществлены на страницах разных изданий сочинения Я. А. Коменского: издание, которое содержит перевод Ф. Булёвского, вышло в 1643 г., а второе — в тексте 1649 г.. Оба латинско-венгерских текста были изданы в Левочке

(Восточная Словакия). Издатель будапештского факсимильного издания И. Кефер сообщает, что латинско-венгерский оригинал текста в двух этих изданиях идентичен (Käfer 2009). В связи с этим чрезвычайный интерес представляет сопоставление переводов полных текстов двух изданий с целью выяснения, являются ли эти переводы самостоятельными и обнаруживаются ли в них закономерности употребления языковых элементов.

В словакистике распространенным является тезис о том, что с начала XVII в. словацкое общество делилось на две части в соответствии с языковыми предпочтениями. Если для католиков была характерна словакизация чешских текстов, которая с течением времени только усиливалась, то словацкие евангелики (лютеране) вернулись к нормам чешского литературного языка, которым они следовали вплоть до середины XIX в. В частности, В. Важный считал последней опубликованной евангелической книгой, язык которой содержал словакизмы, «Катехизис» 1634 г. (Vážný 1936: 152). Это представление выражено, например, в следующем утверждении Л. Н. Смирнова: «... в развитии языковой ситуации в Словакии в XVIII в. явно обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна была связано со стремлением сохранить в чистоте нормы чешского литературного языка в словацкой письменности, укрепить его позиции в литературно-письменной сфере, в культурной жизни словаков. Подобные стремления были наиболее типичны для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания. В их среде получило распространение представление о национально-этническом, языковом и культурном единстве словаков с чехами. В силу этого они воспринимали чешский литературный язык как свой "национальный" и, естественно, выступали за его культивирование» (Смирнов 1978: 93).

Однако еще Э. Паулини отмечал, что «... (в XVII в. – *К.Л.*) отчетливо вырисовываются две противоположные тенденции: в соответствии с первой чешский язык в евангелических текстах, созданных в Словакии, очевидно словакизируется, а в соответствии со второй осознанно сохраняется устойчивая преемственность и тождество литературного языка в Чехии и Словакии» (Pauliny 1971: 50). Примером словакизации чешских текстов в евангелической среде и являются два указанных перевода труда Я. А. Коменского «Открытые золотые врата латинского языка».

Исследователей языка текстов, возникших в Словакии, интересуют главным образом словакизмы, представленные в них, их принадлежность к тому или иному диалекту словацкого языка и закономерности или стихийность их проникновения в тексты. Нас же в данной статье, напротив, будут интересовать элементы чешского языка, сохраняемые в текстах, их устойчивость, конкуренция с языковыми элементами словацких диалектов, а также полное исчезновение из переводов.

Язык рассматриваемых переводов свидетельствует о том, что они были сделаны независимо друг от друга, т. е. один перевод не был просто переписан в другую книгу. На это указывают расхождения в самих переводах, относящиеся как к области лексики, так и грамматики, в отсутствии некоторых лексем или частей предложения, в слитном или раздельном написании предлогов и союзов. Ср, например:

4. *Celeho učenj zalozil grunt, kterj gmenowanj wecj prirodzenjch y misterskych dobre se winaučil* (179) — 4. *Wsswecke včeni grunt založil ten j ktery gmenowany wecy prirodzenich, y misterskich dobre se wynaučy* (1);¹ 59. *A tehdaš potjkanj se tepla ze zimu powzbuzuge hrmenj z hroznjm treskom* (181) — 59. *A/techdass potikani se tepla ze zimu powzbuzuge hrmeni z hroznim tryeskanim* (10); 35. *Wichod geho predchazy zore a switanj, kdy se rozwidnuwa a swita* (180) — 35. *Wychod ge[h]o predchazegj zore a/rozswitani, kdy se počina rozedniewat a/rozswitawat* (6); 36. *Zapad nasleduge mrak, kdi se zwečeruwat a znocuwa* (180) — 36. *Po Zapade nasleduge mrak, kdi se počina zwečeruwat* (6); 65. *Z podzemnych žriedel wiwyeragjce studne wiskakugj, odtud potoky a potuočky slzya* (182) — 65. *Z/podzemnich žryedel wiwieragjce a/wyprysstugicy studne wiskakugu, odtud potoky a potočky slzu* (11); 28. *A teto su tela sprosteho priodzenj, z kterych tela zložene (:neb zmjsslane:) bjwagj* (180) — 28. *A/tyeto gsau tela sproste[h]o priozenj, z/kterjch bywagj tela složene* (4).

Об оригинальности рассматриваемых переводов свидетельствуют многочисленные расхождения их языка на уровне орфографии и фонетики, которые будут приведены в данной статье по ходу изложения материала. Здесь же мы отметим еще только такую орфографическую особенность, как отсутствие закономерности при употреблении графем *i* и *u*, причем достаточно частотны случаи использования разных графем в одной и той же лексеме и словоформе. Ср. примеры:

23. *Predewssjm pak toto z matečne chaos podle stupnuw hustoty a ryedkosti na čtiry rozdilne bitnosti rozdělil* (180) — 23. *Predewssim pak to zmatečne chaos podle stupnůw hustosti a ridkosti na čtirj rozdilne bytnosti rozdělil...* (4); 68. *Močidla gsu pramene bez tečenj* (182) — 68. *Močydla sau pramene bez tečeni* (11); 66. *Z tjch se zberagj rieky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swimy otekagjce* (182) — 66. *Z/tych se zbyeragj ryeky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swimi otekagjce* (11); 33. *Mezy kterimj negwižssj g[es]t Mesjc, kterj podle toho, yako swu polowicu swetlu ukazuge, pribjwanj a ubjwanj trpiti se a obmesskowanjm swjm mesjme pusobja wywadczej* (180) — 33. *Mezi kterimi*

¹ Цифра перед примером соответствует номеру предложения в тексте Я. А. Коменского, а цифра после предложения указывает страницу, на которой находится пример; в переводе изданного перевода Ф. Булёвского страницы обозначены трехзначными цифрами, а в переводе, хранящемся в Будапеште, — однозначными или двузначными.

neywissy gest Mesic, který podle to[h]o gako swu polowjcu swetlu ukazuge, *prybiwani* a/ubywani trpeti se zda obmesskawanim pak swim Mesice *wiwazi* a pûsobj (5).

Язык рассматриваемых переводов отличает поразительное сходство в отражении соотношения генетически чешских и генетически словацких элементов, что демонстрирует неслучайность реализации тех или иных явлений, но при этом фиксируются и заметные отличия.

Основой орфографической системы рассматриваемых текстов является старочешское (чешско-братское) правописание (см. Kosek 2017), хотя и с ее значительной модификацией. Общей особенностью графики обоих переводов, обусловленной различием фонетических систем чешского и словацкого языков, является полное отсутствие в них графем ř и ě. Ср. примеры:

• 45. Nebo čeho se kolwek ohen chitj, to negprw tlye, potom *hory*, zatjm blčj a plapola, naposledy spalene w prach a w popel se obracy (181) — 45. Nebo čeho se neyprw ohen chitj, to tlige, potom *hory*, zatym blčy, plapola, na posledy spalene w/prach a w/popel se obracya (8); 48. Wlchkosti wodnye ustawične se *hore* znassegj (181) — 48. Wlchkosti wodne ustawične se *hore* znassegu (8); 66. Z tjch se zberagj *rieky* a potom welike tekuce wody, ustawične mezy *brehy* swimy otekagjce (182) — Z/tjch se zbyeragj *ryeky* a potom welike tekuce wody, ustawične mezy *brehy* swimi otekagjce (11);

• 67. Ale gestly *nekde* odtoku a *odbehu* nemagj, dugu se a do zatok se rozlyewagu (182) — 67. Ale gestli *niekde* od toku a/*od behu* nemagj, dugu se a do zatok se rozliewagu (11); 31. *Hwezdi* su gako lampasse na nebj *zawessene*, aby bez prestanj wukol se krutili a *swetlem* swjm tmj *oswecowaly*, *behem* pak časuw *progmenj odmeryawaly* (180) — 31. *Hwezdy* sau gako Lampasse na Nebj *zawessene*, aby bez prestani wukol se krutjce, *swetlem* swim tmj *oswecowali* *behem* pak časuw *promeny rozmeriawali* (5); 24. Negtenssj a *negsubtilnegssj* stranku učinil *swetlu* a teplu a nazwal ohne[m] aneb *swetlem* (180) — 24. Neytenssu a/*neysubtilnejssu* stranku učynil *swetlu* a/teplu, a nazwal ohnem, aneb *swetlom* (4).

Практически отсутствует и диграф ау, обозначающий дифтонг [ou], в соответствии с которым выступает словацкий долгий монофтонг [ú]². Диграф фиксируется только в форме 3 лица мн. числа глагола *být* / *byť* как отражение чешской письменной традиции, причем не всегда последовательно. Ср. примеры:

• 33. Mezy kterimj negwižšsj g[es]t Mesjc, kterj podle toho, gako swu polowicu swetlu ukazuge, pribjwanj a ubjwanj trpiti se a obmesskowanjm swjm mesjme pusobja wywadczj (180) — 33. Mezi kterimi neywissy gest Mesic, který podle to[h]o gako swu polowjcu swetlu ukazuge, *prybiwani* a/ubywani trpeti se zda obmesskawanim pak swim Mesice *wiwazi* a pûsobj

² Долготы в текстах данных переводов обозначаются лишь спорадически.

(5); 52. Tento gestly mezy dolu padanjm a kwapkanjm zmrzne, bywagj *krupy*, gestly se zahrjwa welmy ruda (:nebo rza:) (181) — 52. Tento gestli mezi padaním dolu zmrzne, bywagj *krupj*, gestli se rozhryewa welmi, ruda neb rza (9); 57. *Kruticy* wyetor a wjchor do kola se diwne *krutya* (181) — 57. *Kruticy* se wjtr a wjchor do kola se diwne *krutja* (10);

• 28. A teto *su* tela sprosteho priodzenj, z kterych tela složene (:neb zmjsslane:) bjwagj (180) — 28. A/tyeto *gsau* tela sprosteh[o] priozenj, z/kerjch bywagj tela složene (4); 69. Potoky z prjwaluw *gsau* wody deždowe, prudko dolu tekuce, od kterjch rozwodnenj a powodne biwagj (182) — 69. Potoky z/prywalůw *sau* wody deždowne, prudko dolu tekuce, od kterych rozwodneni a powodne biwagj (11).

Также sporадически в текстах данных переводов фиксируется графема ѱ, причем в переводе Ф. Булѣвского она представлена существенно чаще. Ср. примеры:

56. Driečne *gsau*: wjchodnj, polednj, zapadnj a puolnočnj. Pobočne *gsau*: wjter letnj a zimnj, mezy wjchodem a polednjm, witer affricky (:neb libskj:) mezy polednjm a/zapadem, wjter letnj mezy zapadem a *půlnocy* a wjter letnj mezy polnocy a wichodem, kterj mračna k sobe tyahne (181) — 56. Driečne [...] *sau*: wychodny, poledny, zapadny a polnočný; pobočne *sau*: wjtr letny a zimny, mezi wychodem a polednim, wjtr Africky, a Lybsky, mezi polednim a/zapadem, wjtr letny mezi *půlnocy* a wjtr letnj mezy polnocy a wichodem, který mračna k/sobe tahne (9); 23. Predewssjm pak toto z matečne chaos podle *stupnuw* hustoty a ryedkosti na čtiry rozdilne bitnosity rozdělil (180) — 23. Predewssim pak to zmátečne chaos podle *stupnúw* hustosti a ridkosti na čtírj rozdilne` bytnosti rozdělil... (4); 69. Potoky z *prjwaluw* *gsau* wody deždowe, prudko dolu tekuce, od kterjch rozwodnenj a powodne biwagj (182) — 69. Potoky z/*prywalůw* *sau* wody deždowne, prudko dolu tekuce, od kterych rozwodneni a powodne biwagj (11); 31. Hwezdi su gako lampasse na nebj zawessene, aby bez prestanj *wukol* se krutili a swetlem swjm tmj oswecowaly, behem pak *časuw* progmenj odmeryawaly (180) — 31. Hvezdy *sau* gako Lampasse na Nebj zawessene, aby bez prestani *wukol* se krutjce, swetlem swim tmj oswecowali behem pak *časůw* promeny rozmeriawali (5); 33. Mezy kterimj negwižsjsj g[es]t Mesjc, kterj podle toho, yako swu polowicu swetlu ukazuge, pribjwanj a ubjwanj trpiti se a obmesskowanjm swjm mesjme *pusobja* wywadcj (180) — 33. Mezi kterimi neywissy gest Mesic, který podle to[h]o gako swu polowjcu swetlu ukazuge, prybiwani a/ubywani trpeti se zda obmesskawanim pak swim Mesice wiwazi a *působj* (5).

Характерной особенностью старочешской орфографии является обозначение [i] графемой j, что мы и обнаруживаем в текстах обоих рассматриваемых переводов. При этом обозначения этой фонемы в конкретных словах и словоформах не совпадают, причем довольно часто

они являются неверными. Частотность данной графемы в тексте перевода Ф. Булёвского существенно выше, чем в переводе текста 1643 г. Ср. примеры:

28. A teto su tela sprosteho *prirodzenj*, z kterych tela zložene (:neb zmjsslane:) *bjwagj* (180) — 28. A/tyeto gsau tela sprosteho [*ho*] *prirozenj*, z/kerjch *bywagj* tela složene (4); 33. Mezy *kterimj negwižssj* g[es]t *Mesjc*, kterj podle toho, yako swu polowicu swetlu ukazuge, *pribjwanj* a *ubjwanj* trpiti se a *obmesskowanjm swjm mesjce* pusobja *wywadczj* (180); 33. Mezi kterimi *neywissy* gest *Mesic*, ktery podle to[h]o gako swu *polowjcu* swetlu ukazuge, *prybiwani* a/*ubywani* trpeti se zda *obmesskawanim* pak *swim* *Mesice* *wiwazi* a *působj* (5) — 23. *Predewssjm* pak toto z matečne chaos podle stupnuw hustoty a ryedkosti na čtiry rozdilne bitnosity rozdělil (180) — 23. *Predewssim* pak to zmatečne` chaos podle stupnůw hustoty a ridkosti na čtiry rozdilne bytnosti rozdělil... (4).

Фонему же [j] в соответствии со старочешской орфографией переводчики стремятся обозначать при помощи графемы g, хотя и в данном случае выявляются расхождения в фиксации конкретных слов. Ср. примеры:

64. *Ranj duha yako* y koleso okolo slunce a mesice *mračnj čas*, *wečernj gasnj wskazuge* (182) — 64. *Rany duha yako* y koleso okolo slunce a mesice *mračny čas*, *wečerny yasnj wskazuge oznamuge* (10); 65. *Z podzemnjch žriedel wiwyeragjce* studne *wiskakugj*, odtud potoky a potuočky *slzya* (182) — 65. *Z/podzemnich žryedel wiwieragjce a/wypryssstugicy* studne *wiskakugu*, odtud potoky a potočky *slzu* (11); 67. *Ale gestly* nekde odtoku a odbehu *nemagj*, *dugu se* a do *zatok se rozlyewagu* (182) — 67. *Ale gestli* niekde od toku a/od behu *nemagj*, *dugu se* a do *zatok se rozliewagu* (11).

К старочешской орфографии восходит также почти последовательное использование диграфа ss для обозначения фонемы [š]. Исключения имеют единичный характер. Ср. примеры:

33. Mezy *kterimj negwižssj* g[es]t *Mesjc*, kterj podle toho, yako swu polowicu swetlu ukazuge, *pribjwanj* a *ubjwanj* trpiti se a *obmesskowanjm swjm mesjme* pusobja *wywadczj* (180) — 33. Mezi kterimi *neywissy* gest *Mesic*, ktery podle to[h]o gako swu *polowjcu* swetlu ukazuge, *prybiwani* a/*ubywani* trpeti se zda *obmesskawanim* pak *swim* *Mesice* *wiwazi* a *působj* (5); 23. *Predewssjm* pak toto z matečne chaos podle stupnuw hustoty a ryedkosti na čtiry rozdilne bitnosity rozdělil (180) — 23. *Predewssim* pak to zmatečne chaos podle stupnůw hustoty a ridkosti na čtiry rozdilne bytnosti rozdělil... (4); 48. *Wlchкости* wodnye *ustawične* se hore *znassegj* (181) — 48. *Wlchкости* wodne *ustawične* se hore *znassegu* (8); 59. *A tehdaš* *potjkanj* se *tepla* ze *zimu* *powzbuzuge* *hrmenj* z *hroznjm treskom* (181) — 59. *A techdass* *potikani* se *tepla* ze *zimu* *powzbuzuge* *hrmeni* z *hroznim tryeskanim* (10).

Вокалическая система языка рассматриваемых переводов отличается крайней неустойчивостью, поскольку она сочетает в себе особенности чешского языка и среднесловацкого диалекта. При этом в некоторые явления в ней отражаются полностью в соответствии с чешским языком. Прежде всего к ним следует отнести гласный е как рефлекс ъ и в отдельных случаях ь. Ср. примеры:

82. Kamen podruzganj gest *piesek*, kterj gestly ge hrubssj, zowe se hrubj *pjesek* a ostrj *piesek* (182) — 82. Kamen podruzgany gest *Pysek*, který gestli ge hrubssy, zowe se hruby *Pieseck* a ostrý *Pyeseck* (13); 83. Skaly na zemy ležya, budto *wen* wistawene, budto dnu skrite gsau; wodnye skaly a špicate hornye skaly hore trčya, z/nichž mnohe su nepristupitedlne (182) — 83. Skaly na zemi ležya, budto *wen* wystawene, buďto dnu skrjte, wodnie skaly a/spjčate hornie skaly hore trčya, z/nichžto mnohe sau neprystupitedne (13); 110. Ze stromu listi opadu wagj a zase narostagj, krome smolowatjch, ktere se wđzicky zelenagj; gako busspan, komonica, tisa etc. (184) — 110. Ze Stromůw Lysty opadu wagu, a zase narostuwagu, krome smolowatych a/ligowatych, které ustawične wđzicky se zelenagj, yako Busspan, Komonica a Tysa (13); 129. Ale kterak to bjwa, že pssenica w rež cernu (:mlkwu rež:), ano w kukol (w/snet a w/stoklasu:) yačmen w/swerepecz, owes w mlkwy owes se obracy (185) — 129. Ale kterak to bywa, že Pssenica w Rež (не читается) cyernu a/w/mlkwu rež, ano w kukol a/w/snet_ neb w/stoklasu yačmen w swerepecz, Owes w mlkwy Owes se obracy (22-23). Отметим также в последнем примере чешскую огласовку лексемы rež, которая в среднесловацком диалекте звучит как raž или rož (Krajčovič 1988: 30). При этом, однако, в обоих переводах фиксируются формы причастий на -I глаголов с основной на согласный со вставным -o-, хотя вставные гласные, как правило, совпадают с рефлексами редупцированных в сильной позиции. Ср. примеры:

84. Ominagjcy kamenček, genž do strewice *wpadol*, g[es]tly se newinme, omina (182) — 84. Ominagicy kamenček genž do strewjc *wpadol*, gestli se newymne, omina (14); [194]³. Škudlatj medwed mumle a pazurmy hrabe, a co *wiliahol* oblezugjce, g[es]t werjme, widelawa (189) — 194. Kudlatj Medwed mumle a pazurmi hrabe, a/co *wyliahol* oblezugjce, gestli werjme wydelawa (38).

Вставное о фиксируется и в формах род. падежа мн. числа существительных жнского рода: 230. Od belčowa a *kolisok* prichazj se k/detinskemu woziku (:pri kterem se chodit učya:), kdežto we/dwuch rocyech nemluwnatko učy se chodit a mluwit, y dudlat počyna, sstrkotačmy, lutkamy a detinskymy čackamy [se] hragjce [190] — 230. Od Belčowa [aneb *Kolisok*] prychazi se k/detinskemu Woziku, kdežto we/dwuch rocyech nemluwniatko učy se

³ Данная цифра в указанном переводе отсутствует.

chodit a mluwit, y dudlat počyna, Štrkotačmi, lutkami a detinskymi čačkami hragjce [44].

В языке обоих переводов также достаточно хорошо сохраняются чешские перегласовки, выступающие, однако, в грамматикализованном виде. Иными словами, в одних позициях перегласовки в целом хорошо сохраняются, а в других подвергаются замене словацкими элементами. Так, абсолютно последовательно сохраняются перегласованные гласные в суффиксах причастий и деепричастий. Ср. примеры:

47. Djm *horjcy* gest plamen, *posaczegjcy se* do kochu neb *pridržyawagjcy se*, *sacze* (181) — 47. Dim *horicy* ge plamen, *pochazegjcy se* do kochu neb *pridržyawagice se*, *sacze* (8); 72. Bublinka bjwa od *kwapkağjceg* kropege (182) — 72. Bublinka bywa od *kwapkağiceg* kropege (12); 73. More kdy se rozihra (:wlny *zmjtagjce*:), slane gest gako ruosol (182) — 73. More kdi se rozyhra [wlny *zmjta*], slane gest gako ruosol (12); 76. Na polnočneg strane welike more g[es]t *zamrzugjce* neb pod polnočnu stranu *ležjce* (182) — 76. Na polnočneg strane welike more gest *zamrzugjce* a neb pod polnočnu stranu *ležyce* (12).

Также без исключений представлены результаты т. наз. регрессивной перегласовки, т. е. изменения *aj > ej*, например:

24. *Negtenssj* a *negsubitlnegssj* stranku učinil swetlu a teplu a nazwal ohne[m] aneb swetlem (180) — 24. *Neytenssu* a *neysubitlnejssu* stranku učinil swetlu a/teplu, a nazwal ohnem, aneb swetlom (4); 190. Slon mezi howadi diwimy *negwetssj*, kterj že hnaty nezhibuge, mnozj se ffalessne domnjwagy a y mluwya, rjčy a dluhjm swjm nosom potrawu pritahuge (188) — 190. Slon mezi diwimi howadi *negwetssy*, ktery že hnaty nezhibuge, mnozi se ffalessne domniwagj a mluwia, ričšy a/dlhjm swim nosom potrawu prytahuge a/prichwacuge (37); 211. Ale wetssj miss a pawuk mezy čtvernohj *negmenssj*, spižyerne prebehawagj a missačinci se zradczugj, mackam a pascam pod hodinu lupež biwa (189) — 211. Ale wetšia Miš, a Pawuk meczy čtvernohimi *neymenšy*, po (не читается) behagicy a Myssačincy se zrazugicy, Mačkam a Pascam pod hodinu lupež bywa (40); XXI. O tele a *negprw* o audech zewnitrnjch (191) — XXI. O Tele a *negprw* o Vdech zewnitrnjch (191).

Достаточно хорошо результаты прогрессивных перегласовок сохраняются в корнях слов, хотя в них представлено значительное количество примеров с заменами гласных. Ср.:

75. Wody gehu od *wnitrneho* wreny za ssest hodin se legu k brehom a opet spatki odtėkagj z hroznjm zwukem, zwasste mezy uskym morem (182) — 75. Wody gehu od *wnitrniho* wreni za ssest hodin se legu k/brehu a/opet spatkom od tekagj z hroznym zwukem, zwasste mezy uskym morem (12); 80. *Zeme treseny* bjwa od podzemnych wetruw, ktery gestly se wen withrawagj, prepadlyny biwagj (182) — 80. *Zeme treseni*

bywa od podzemnych wetrůw, ktery gestly se wen wytrhawagj, prepadliny bywagj (13); 78. Nekde rowna jako ssjre pole a rowina; nekde hory, dolyny, ubočiny, skaly, kopce, nižiny, rozpuklyny, skalnye dyery, podzemne *yaskyne* a dyery do zeme se spatrugj (182) — 78. Nekde rowna jako ssjre pole a rowyna; nekde horj, doliny, ubočiny, skaly, kopence, nižiny, rozpadliny, skalnie dierj, pod zemne *yaskyne* a/dyery do zeme se spatrugj (13).

В текстах обоих переводов представлена также, за редким исключением, чешская система слоговых; ср.:

87. *Alabastr* negbelssj mramor a čerwenj mramor ohniweg barwy gest (183) — 87. *Alabastr* negbelssj Mramor a čerwenj Mramor ohniweg barwi gest (183); 90. *Krewnj* kamen, kapunj kamen, žabecz, čerwenj karnol, temno swetly lazul, achat, granat a kjs podlegssye gsau (183) — 90. *Krewny* kamen, kapuni kamen, žabec, čerweny karnol, temno swetly lazul, achat, granat a/kiš podlegssie gsau (183); 190. Slon mezi howadi diwimy negwetssj, kterj že hnaty nezhibuge, mnozj se ffalessne domnjwagy a y mluwya, rjčy a *dluhjm* swjm nosom potrawu pritahuge (188) — 190. Slon mezi diwimi howadi negwetssy, ktery že hnaty nezhibuge, mnozi se ffalessne domniwagj a mluwia, ricšy a/*dlhjm* swim nosom potrawu prytahuge a/prichwacuge (37); 56. Driečne gsau: wjchodnj, polednj, zapadnj a puolnočnj. Pobočne gsau: *wjter* letnj a zimnj, mezy wjchodem a polednjm, *witer* affricky (:neb libskj:) mezy polednjm a/zapadem, *wjter* letnj mezy zapadem a půlnocy a *wjter* letnj mezy polnocy a wichodem, kterj mračna k sobe tyahne (181) — 56. Driečne [...] sau: wychodny, poledny, zapadny a polnočný; pobočne sau: *wjtr* letny a zimny, mezi wychodem a polednim, *wjtr* Africky, a Lybsky, mezi polednim a/zapadem, *wjtr* letny mezi půlnocy a *wjtr* letny mezy polnocy a wichodem, ktery mračna k/sobe tahne (9).

В отражении генетически чешских фонетических явлений в языке рассматриваемых переводов обнаруживаются и некоторые расхождения. Так, в переводе, хранящемся в Будапеште, полностью отсутствуют результат изменения $dj > dz$, представленного в словацком языке, на месте которого выступает чешский рефлекс z . Для перевода Ф. Булёвского, напротив, характерен именно словацкий рефлекс и лишь лексикализованно выступает богемизм. Ср. примеры:

28. A/tyeto gsau tela sprosteh[ho] *priozenj*, z/kterjch *bywagj* tela složene (4) — 28. A *teto* su tela sprosteho *priodzenj*, z kterych tela složene (:neb zmjsslane:) *bjwagj* (180); 14. Ted wic tot male dilce (2) — 14. Hle, *vidc* toto maličke dilce (179); 211. Ale wetssj miss a pawuk mezy čtvernohj negmenssj, spižyerne prebehawagj a missačinci *se zradczugj*, mackam a pascam pod hodinu lupež biwa (189) — 211. Ale wetšia Miš, a Pawuk meczy čtvernohimi neumenšy, po (не читается) behagicy a Myssačincy *se zrazugicy*, Mačkam a Pascam pod hodinu lupež bywa (40); 33. *Mezi*

kterimi neywissy gest Mesic, který podle to[h]o gako swu polowjcu swetlu ukazuge, prybiwani a/ubywani trpeti se zda obmesskawanim pak swim Mesice *wiwazi* a púsobj (5) — 33. *Mezy* kterimj negwižssj g[es]t Mesjc, kterj podle toho, yako swu polowicu swetlu ukazuge, pribjwanj a ubjwanj trpiti se a obmesskowanjm swjm mesjme pusobja *wywadcj* (180); 56. Driečne gsau: wjchodnj, polednj, zapadnj a puolnočnj. Pobočne gsau: wjter letnj a zimnj, *mezy* wjchodem a polednjm... (181) — 56. Driečne [...] sau: wychodny, poledny, zapadny a polnočný; pobočne sau: wjtr letny a zimny, *mezi* wychodem a polednim... (9).

Специфической особенностью языка обоих переводов, в целом не характерной для словацкой письменной традиции, является частая замена в нем чешских долгих монофтонгов преимущественно среднесловацкими восходящими дифтонгами. Кроме того, восходящие дифтонги в соответствии со среднесловацким диалектом могут быть представлены в некоторых позициях, в которых в чешском языке выступают краткие гласные. Данная особенность отличает некоторое количество евангелических текстов. Заметим, однако, что замена происходит непосредственно, причем опять большую степень сохранения богемизмов вновь демонстрирует язык перевода, хранящегося в Будапеште, поскольку в нем фиксируются дифтонги *ie* и *ia*, тогда как в переводе Ф. Булёвского — еще и дифтонг *uo*. Ср. примеры:

- 57. *Krutjcy wyetor* a wjchor do kola se diwne krutya (181) — 57. *Kruticy se wjtr* a wjchor do kola se diwne krutja (10); 29. *Nebo wssecky ostatnye z/tjchto gsu* (180) — 29. *Nebo wssecky ostatnie z/tich to sau* (5); 23. *Predewssjm pak toto z matečne chaos podle stupnuw hustoty a ryedkosti na čtiry rozdilne bitnosti rozdělil* (180) — 23. *Predewssim pak to zmatečne chaos podle stupnúw hustosti a ridkosti na čtirj rozdilne bytnosti rozdělil...* (4); 66. *Z tjch se zberagj rieky* a potom welike tekuce wody, ustawične *mezy* brehy swimy odtekağjce (182) — 66. *Z/tych se zbyeragj ryeky* a potom welike tekuce wody, ustawične *mezy* brehy swimy odtekağjce (11);

- 30. *Ponewadcž z tjch samjch se rodya*, s tjch se chowagj, do tjch se y rozpússtagj, kdi *se kazya* (180) — 30. *Ponewadč s/tych samich se rodja*, s/tych se chowaji, kdi *se kazja* (5); 31. *Hwezdi su gako lampasse na nebj zawessene*, aby bez prestanj wukol se krutili a swetlem swjm tmj oswecowaly, behem pak časuw progmenj *odmeryawaly* (180) — 31. *Hwezdy sau gako Lampasse na Nebj zawessene*, aby bez prestani wukol se krútjce, swetlem swim tmu oswecowali behem pak časúw promeny *rozmeriawali* (5); 47. *Djm horjcy gest plamen*, posaczegjcy se do kochu neb *pridržyawagjcy se*, sacze (181) — 47. *Dim horicy ge plamen*, pochazegjcy se do kochu neb *pridržyawagjce se*, sacze (8); 54. *Snehi siata prikřwagj*, aby od mrazu neb od ledu, kde mrzne, nezamrzlo (181) — 54. *Snehj syatia prykřwagj*, aby od mrazu ned od ledu, kde zmrzne, nezamrzlo (9);

• 65. Z podzemnych žriedel wiwyeragjce studne wiskakugj, odtud potoky a *potuočky* slzya (182) — 65. Z/podzemnych žryedel wiwieragjce a/wyprysstugicy studne wiskakugu, odtud potoky a *potočky* slzu (11); 56. Driečne gsau: wjchodnj, polednj, zapadnj a *puolnočnyj* (181) — 56. Driečne [...] sau: wychodny, poledny, zapadny a *polnočny...* (181); 73. More kdy se rozihra (:wlny zmjtagjce:), slane gest gako *ruosol* (182) — 73. More kdi se rozyhra [wlny zmita] slane gest gako *růsol* (12).

Итак, язык обоих переводов на словацкий язык сочинения Я. А. Коменского «Открытые золотые врата латинского языка» сохраняет тесную связь с чешским языком, что проявляется как на уровне орфографии, так и фонетики. Степень этой связи на уровне конкретных явлений является разной от абсолютного соответствия чешскому элементу до его полного вытеснения соответствующим словацким элементом, причем более консервативным является язык перевода, хранящегося в Национальной библиотеке Сечени в Будапеште.

Литература / References

1. *Смирнов Л. Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху Национального Возрождения // Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86-157.
2. *Comenii J. A.* Ianva lingvae latinae reserata aurea. Leutschovia, 1643. A tanulmányt írta Käfer István. Budapest 2009.
3. Dvere jazyku latinského odemknute zlate (1666) // Pramene k dejinám slovenčiny 2. Bratislava 2002. S. 179-233.
4. *Jóna E.* Preklady Komenského Orbisu a Januy a spisovný jazyk Slovákov // Studia Comeniana et historica, 19, 1989, č. 38. S. 188-194.
5. *Kosek P.* Bratrský pravopis // P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (eds.). Nový encyklopedický slovník češtiny, 2017. https://www.czechency.org/slovník/BRATRSKÝ_PRAVOPIS (доступ: 4. 2. 2020).
6. *Krajčovič R.* Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988.
7. *Majtán M.* Dielo J. A. Komenského vo vývine slovenčiny // Slovenská reč 57, 1992, č. 5. S. 257-263.
8. *Novák L.* Závažnosť turčianskeho slovníka prof. Vážneho pre slovenskú historickú lexikológiu // Jazykovedný časopis, 13, 1962. S. 127-137.
9. *Pauliny E.* Dejiny spisovnej slovenčiny. Od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983. 256 s.
10. *Pšenák J.* Jan Amos Komenský a Slovensko // Naša univerzita, XXXVIII, 1991-1992, č. 7. S. 1-3.
11. *Vážný V.* Spisovný jazyk slovenský // Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha, 1936. S. 145-215.

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (ЧЕШСКИЙ ГЛАГОЛ *mít* И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

В.Ф. Васильева, Н.В. Воробьева

ON THE PROBLEM OF INTERLANGUAGE ASYMMETRY OF RELATED LANGUAGES (CZECH VERB *mít* AND ITS RUSSIAN EQUIVALENTS)

V. F. Vasilyeva, N. V. Vorobyeva

ABSTRACT:

This article presents an interlanguage comparative analysis of the Czech verb *mít* and its equivalents in Russian. Functional and semantic similarities and differences of the verbs under consideration demonstrate both the commonality of the processes of historical development of closely related languages and the national specifics of each language, which explains the interlanguage structural and functional asymmetry in the analyzed area.

Key words: Czech language; Russian language; interlanguage asymmetry; national characteristics; functional-semantic equivalent

АННОТАЦИЯ:

В настоящей статье представлен межъязыковой сопоставительный анализ чешского глагола *mít* и его эквивалентов в русском языке. Функционально-семантические сходства и различия рассматриваемых глаголов демонстрируют как общность процессов исторического развития близкородственных языков, так и национальную специфику каждого языка, чем объясняется межъязыковая структурно-функциональная асимметрия в анализируемой области.

Ключевые слова: чешский язык; русский язык; межъязыковая асимметрия; национальные особенности; функционально-семантический эквивалент

Важность проблемы межъязыковой структурно-функциональной асимметрии чешского и русского языков состоит, прежде всего, в том, что её решение в значительной степени объясняет существующие между родственными языками различия.

Очевидной семантической особенностью чешского глагола *mít* является его широкозначность. Помимо значения «обладания»: *má chatu/auto/peníze* и т.п., которое можно считать примарным значением, он имеет целую палитру значений контекстных, в некоторой степени производных от примарного значения. Это простое экзистенциальное значение, т.е. значение наличия, существования: *zítra máme svátek, máme dnes hezky*; значение соотнесённости, связи с той или иной, часто абстрактной, реальностью: *má sestru, má úkol, má pravdu, má důvěru* и т.п. Глагол *mít* в составе синтагмы способен выражать характеризующее значение, репрезентируя физическое или душевное состояние: *má černé vlasy, má chřipku, má špatnou náladu* и т.п.; в сочетании с инфинитивом выполняет функцию модального глагола: *máme se včas vrátit, neměl to dělat*. Глагол *mít* входит в состав фразеологических сочетаний: *mám toho už dost, mám čest vám představit, mít něco po*. Глагол *mít* в сочетании со страдательными причастиями употребляется как часть составного сказуемого в категории результативного состояния: *mám uklizeno, máme vyhráno*. Приведённый, далеко не полный перечень значений глагола *mít* свидетельствует, с одной стороны, о широком семантическом объеме глагола *mít*, а с другой стороны, – о недифференцированном выражении иногда близких, а часто и обособленных смысловых значений и отношений.

В русском языке значения, выражаемые глаголом *mít*, имеют более последовательную структурно-семантическую дифференциацию. Системно-функциональным эквивалентом чешского глагола считается глагол *иметь*. Выражающий, как и глагол *mít*, значение «обладания», значение собственности: *Он имеет несколько участков земли/ресторан/спортивный комплекс*. С высокой степенью регулярности глагол *иметь* употребляется в случаях необходимости подчеркнуть особую значимость обладания чем-либо. Ср. строки народной песни: *Когда б имел золотые горы и реки полные вина, всё отдал бы...* Как и глагол *mít*, глагол *иметь* может выражать значение связи, отношения: *имеет детей/сторонников/помощников*. В составе устойчивых словосочетаний глагол *иметь*, подобно своему чешскому эквиваленту, может выполнять характеризующую функцию: *имеет право (т.е. вправе)/честь/совесть/мужество/влияние* и т.п. Однако сочетательные возможности глагола *mít* значительно превосходят сочетаемость его эквивалента в русском языке. По этой причине в качестве эквивалента чешского глагола в русском языке выступает множество узальных эквивалентов с языковой национальной окраской. Указанное различие наиболее часто проявляется, когда глагол *mít* употребляется в устойчивых предложных сочетаниях. Ср.: *mít na starosti – заботиться, mít na mysli –*

иметь в виду, *mít v úctě/mít úctu* – *питать уважение, mít za blázna* – *считать сумасшедшим* и многие другие.

В русском языке, в отличие от чешского, выстраивается целая шкала частных значений экзистенциальности, характеризующих значений, при выражении которых структурные эквиваленты глагола *mít*, прежде всего, глагол *иметь*, не употребляются. Весьма показательным в этом отношении является отсутствие глагола в русских предложениях при выражении постоянных признаков, качеств субъекта, психических и физических состояний. Ср.: *У неё карие глаза. У орла мощные крылья, Мне страшно. У него плохое настроение. У брата грипп. У нас радость.* Напомним, что в чешском языке в указанных и подобных случаях регулярно употребляется глагол *mít*.

В функционально-семантическую асимметрию рассматриваемых глаголов «вносит свой вклад» и глагол *быть*, конкретно его форма 3 л. ед. ч. настоящего времени *есть*, употребляющаяся в современном русском языке не только в значении 3 лица, но и в значении всех граммем категории лица. Глагол *быть* весьма регулярно конкурирует с глаголом *иметь* при ослаблении значения «обладания» и усилении экзистенциального значения, факта наличия чего-либо. Ср.: *Он имеет дачу./У него есть дача; Он имеет детей./У него есть дети; Он имеет желание./У него есть желание.* В чешском языке в указанных и подобных случаях отсутствует дифференцированное выражение значений «обладания» и экзистенциальности. Оба значения выражаются глаголом *mít*. Ср. дополнительно: *Byl jednou jeden král a ten měl tři syny. – Жил-был король, и было у него три сына.* К сказанному следует добавить, что между глаголами *иметь* и *быть* проявляются и стилистические различия. Так, глагол *иметь* может характеризовать высказывание, скорее, как официальное, а глагол *быть* – как неофициальное: *я имею время – у меня есть время; я имею желание – у меня есть желание; он имеет все условия – у него есть все условия* и т.п. Нужно также заметить, что в указанных и подобных случаях при отрицании в русском языке вместо глагольной формы *есть* употребляется отрицательная частица *нет*: *у меня нет желания, у меня нет времени, у него нет условий.* В отрицательных высказываниях опускается и глагол *иметь*, подобно глаголу *быть*. Ср.: *Он имеет друзей. Má přátele. – У него нет друзей. Nemá přátele. – Он имеет большой опыт. Má velké zkušenosti. – У него нет большого опыта. Nemá velké zkušenosti.* Таким образом, глагол *mít* оказывается функционально-семантическим эквивалентом не только глаголов *иметь* и *быть*, но также соотносится и с отрицательной частицей *нет*. Это служит ещё одним подтверждением того факта, что в чешском языке не имеют дифференцированного выражения те смысловые и стилистические оттенки, которые в русском языке получают дифференцированную

репрезентацию. Ср. в подтверждение сказанного употребление глаголов *mít* и *быть* в экзистенциальном значении: *У него есть надежда* (т.е. существует) – *Má naději* (т.е. дословно «обладает»). *Мне есть о ком заботиться* – *Mám o koho bych se staral*. *У тебя есть настроение идти в музей?* – *Máš chut' jít do muzea?* *У тебя есть деньги* (вопрос касается самого наличия денег)? – *Máš peníze?* Нельзя, однако, полагать, что глагол *mít* полностью берёт на себя функцию выражения экзистенциального значения. Для выражения этого значения в чешском языке часто употребляется глагол *být*, эквивалент русского *быть*. Ср. известные афоризмы: *být či nebýt – быть или не быть*; *myslím, tedy jsem – я думаю, следовательно, я существую* (т.е. дословно «я есть»). Можно отметить также случаи употребления глагола *být* при выражении значения «быть в чьем-либо распоряжении»: *moje pracovní je vám k dispozici – мой кабинет в вашем распоряжении*; *jsem vám kdykoli k dispozici – я всегда к вашим услугам*. Языковые данные свидетельствуют лишь о том, что в русском языке глаголы *иметь* и *быть* более последовательно выражают дифференциацию значений «обладания» и «существования».

Эквивалентность глагола *mít* с глаголами *иметь* и *быть* нарушается при выражении модальности. Русские глаголы не выражают модальных значений, в отличие от чешского глагола. Функциональными эквивалентами глагола *mít* при выражении модальности оказываются предикативы *нужно, должно* и имеющий то же значение глагол *следовать*. Ср.: *Má přijít – Ему нужно/следует придти. Kdy se má vrátit? – Когда я должен вернуться? Měl by sis odpočinout. – Тебе бы следовало отдохнуть*. Глагол *иметь* не является и частью составного сказуемого, в отличие от глагола *mít*. Ср.: *Máme vyhráno. – Мы выиграли. Mám to uděláno. – У меня это сделано. Mám úlohu napsanou. – У меня задание написано*.

Необходимо отметить, что употребление глагола *mít* и его русских эквивалентов является одним из самых значительных различий между русским и чешским языками, равным образом, с лингводидактической точки зрения, что вызывает определённые трудности как при освоении русского языка чехами [Adamec 1960: 191-213], так и наоборот. Как показывает наш опыт лингводидактической презентации глагола *mít* русскоязычным студентам, проблема в данном случае имеет не формальный, а коммуникативный характер. Родство двух языков способствует тому, что студенты переоценивают сходства и недооценивают, а то и игнорируют различия между русским и чешским языками, поэтому на начальном этапе предпочитают глагол *иметь* как единственный эквивалент глагола *mít*, а освоение в качестве основного русского эквивалента предложных конструкций с формой *есть*, отрицательной частицей *нет* или нулевой связкой приводит к пропуску ими глагола *mít* в

чешских высказываниях. Примечательно, что далее, овладев наиболее частотными конструкциями с глаголом *mít*, его функциональным потенциалом и русскими функционально-семантическими эквивалентами, студенты тем не менее при устном и письменном переводе в режиме контрольной работы под влиянием оригинала, как правило, при переводе с чешского языка образуют некорректные варианты с глаголом *иметь*, а при переводе с русского языка, ценой потери времени или же темпа, пытаются найти чешский эквивалент конкретного русского глагола, игнорируя глагол *mít* или конструкции с ним как узуальный эквивалент. При этом из таких синонимических пар, как *mít zájem/zajímat se*; *mít na starosti/starat se* и т.п., чаще выбирается вариант без глагола *mít*, всё это свидетельствует о сложностях с преодолением данного явления межъязыковой асимметрии в языковом сознании даже на продвинутом этапе.

Функционально-семантические сходства и различия анализируемых глаголов наглядно демонстрируют как общность процессов их исторического развития, так и национальную специфику каждого языка. Генетическое родство глаголов *mít* (из древнечешского *jímieti*) и *иметь* обеспечило им исходное семантическое тождество – значение «обладания», развившееся ранее из значений «брат», «захватывать», выразителем которых, по мнению исследователей, является индоевропейский корень *em [Черных 1994: 344]. Изначальная тождественность происхождения мотивировала и сходство последующих смысловых значений, как было показано выше. Вместе с тем, дальнейшая самостоятельность исторического развития обоих языков не могла не внести коррективы в дивергентном направлении. Наиболее яркой, как представляется, отличительной особенностью в данном случае является последовательное выражение вербальности в чешском языке и субстантивности – в русском, что имеет свои причины. Глагольная система чешского языка в типологическом отношении является в большей степени аналитической, чем аналогичная система русского языка. Это подтверждает, в частности, функционирование в чешском языке аналитических форм прошедшего времени, аналитических форм сослагательного наклонения, в состав которых непременно входят формы глагола *být*. На синтаксическом уровне можно назвать формы именного сказуемого, также с постоянным участием форм глагола *být* и *mít*, выполняющие связующую функцию. Ср. чешско-русские соответствия: *Dědeček je starý* – Дедушка старый. *Maminka je nemocná* – Мама больна. *Dítě je zdravé* – Ребёнок здоров. Употребление связочной формы глагола характерно для страдательного залога не только в формах прошедшего и будущего времени, как в русском языке (*Дом был построен*; *Дом будет построен*), но также и для форм страдательного залога настоящего времени (*dům je postaven*; *okna*

jsou umyta). Глагольность чешского предложения поддерживается и тем фактом, что глагольные формы берут на себя функцию сигнализации лица. В русском языке категория лица, несмотря на её выраженность глагольной формой, дополнительно выражается и формами личных местоимений: *Я туда не пойду. – Tam nepůjdu. Ты мне скажешь? – Řekneš mi to?* Можно полагать, что как аналитичность глагольных форм с непременным участием глаголов *mít* и *být* в чешском языке, так и их тесное взаимодействие с категорией лица способствуют последовательной регулярности, парадигматичности употребления глагольных форм в предложении, что оказывает влияние на структурную специфику чешского предложения и является одной из причин наличия межъязыковой структурной асимметрии семантически тождественных конструкций. Следствием системно-структурных различий между русским и чешским языками в анализируемой области является функциональная эквивалентность русских **именных** предложений и чешских предложений с **личными формами глаголов**, о чём указывалось выше. Приведём дополнительно несколько показательных примеров: *Vom тебе u Рождество. – Tady máš Vánoce. Всему своё время. – Všechno má svůj čas. У бабушки завтра день рождения. – Babička má zítra narozeniny. Завтра у нас премьера. – Zítra máme premiéru.* В приведённых примерах межъязыковая морфологическая асимметрия создаёт условия для проявления межъязыковой асимметрии синтаксической. Так, если в русских предложениях подлежащее обозначает логический объект, то в чешских предложениях подлежащее является логическим субъектом.

Суммируя вышеизложенные данные, следует заключить, что межъязыковая структурно-функциональная асимметрия рассмотренных случаев находит объяснение в характерологической концепции, предложенной в 30-ые годы В. Матезиусом [Матезиус 1989: 18-32]. Одним из важнейших её положений являются, как хорошо известно, причинно-следственные отношения между элементами и, шире, - уровнями языковой системы. При внутриязыковом (монолингвальном) исследовании эксплицитность/имплицитность, дифференциация/недифференциация языкового выражения объясняется обычно стилистическими целями, прагматическими установками. Однако даже весьма лаконичный межъязыковой сопоставительный анализ позволяет заключить, что межъязыковая структурно-функциональная асимметрия есть производное от структурно-системной специфики языка [Васильева 2009: 23-31] и объясняется национальными особенностями двух родственных языков, главными из которых, на наш взгляд, являются более широкий функциональный диапазон глаголов *mít* и *být* по сравнению с их русскими системными эквивалентами и асимметричное развитие семантических объёмов генетически родственных лексем.

Литература / References

1. *Васильева В.Ф.* Некоторые особенности функционирования морфологического динамического признака в русском и чешском языках // Славянский вестник. Вып. 3. М.: ООО "МАКС Пресс", 2009. С. 23-31
2. *Матезиус В.* О лингвистической характерологии на материале современного английского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Москва, 1989. С. 18-32.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва, 1994.
4. *Adamec P.* K ekvivalentům sloves *býti* a *míti* v ruštině // Rusko-české studie. Praha, 1960. S. 191-213.

СИНТАКСИС И ПРЕПОДАВАНИЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

С.А. Рылов

SYNTAX AND TEACHING OF CZECH AS A FOREIGN LANGUAGE: A COMPARATIVE APPROACH

S.A. Rylov

ABSTRACT:

The important constructive role of syntax in speech communication and university teaching of the Czech language is considered. The comparative aspect with reliance on the native language is of particular importance for philologists-Russianists. The practical application of the comparative approach in teaching Czech as a foreign language is the confrontational analysis of Russian and Czech syntactic constructions equivalent to them. Such an analysis contributes to the better development of structural, semantic and mental differences by students, the peculiarities of both their native and Czech languages. The typical Russian-Czech syntactic confrontments are given.

Key words: Czech as a foreign language; comparative approach; syntax; confrontational analysis; Russian-Czech syntactic confrontments

АННОТАЦИЯ:

Рассматривается важная конструктивная роль синтаксиса в речевой коммуникации и университетском преподавании чешского языка. Для филологов-русистов особое значение имеет сопоставительный аспект изучения с опорой на родной язык. Практическим применением сопоставительного подхода в преподавании чешского языка как иностранного является конфронтальный анализ русских и эквивалентных им чешских синтаксических конструкций. Такой анализ способствует лучшему освоению студентами структурно-семантических и ментальных различий, своеобразия как родного, так и чешского языка. Приводятся типичные русско-чешские синтаксические конфронтемы.

Ключевые слова: чешский язык как иностранный; сопоставительный подход; синтаксис; конфронтальный анализ; русско-чешские синтаксические конфронтемы.

В центре научных интересов доктора филологических наук профессора А.Г. Широковой постоянно были грамматические особенности современного чешского языка. При этом она уделяла огромное внимание *синтаксису*, который рассматривался ею в тесной связи с лексикой и морфологическими категориями — на основе системного и функционального подходов. Показательно, что А.Г. Широкову интересовали не только и не столько теоретические вопросы, но и их практическое применение в процессе обучения чешскому языку. Об этом свидетельствует материал учебника «Чешский язык» для студентов-филологов, написанного ею в сотрудничестве с коллективом советских и чехословацких авторов. Уже в первых уроках «Вводно-фонетического курса» даются основные сведения об особенностях построения чешского предложения и синтаксические упражнения [Широкова 1988: 12–13, 16–17, 26, 33–34].

Данный учебник используется нами в качестве базового в преподавании дисциплины «Практический курс современного чешского языка» в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). В течение нескольких десятилетий в ННГУ ведется подготовка бакалавров по направлению Филология (профиль «Отечественная филология») с углубленным знанием чешского языка, изучение которого осуществляется на базе Чешского центра образования и культуры (начальный курс чешского языка как иностранного — 124 час. ауд. занятий; углубленная подготовка — 196 час. ауд. занятий).

Разумеется, при обучении чешскому языку как иностранному (ЧКИ) ставится практическая цель: формирование и развитие у студентов языковой и коммуникативной компетенций. Исследователями неоднократно отмечалось, что большое значение в преподавании иностранного языка имеет **сопоставительный** подход, так как «без знания сходств и различий между языками нельзя построить эффективную методику преподавания языка как неродного» [Широкова 1998: 11]. Сопоставительный аспект изучения с опорой на родной (русский) язык имеет особое значение в университетском преподавании синтаксиса чешского языка. Именно сопоставление и понимание различий в структуре и семантике синтаксических явлений двух близкородственных языков (на фоне генетического сходства) способствуют более глубокому осознанию студентами особенностей как родного, так и иностранного языка. Опора на родной язык делает возможной такую подачу чешского синтаксиса, которая акцентирует внимание на многих специфических грамматических явлениях чешского языка. Кроме того, такая подача синтаксиса одновременно и более экономна, так как обнажает пересекающиеся грамматические системы двух языков.

Бесспорно, синтаксис занимает важное место в университетском преподавании ЧКИ. Мы основываемся при этом на отечественной лингвистической традиции, которая идет от работ акад. Л.В. Щербы. Он был сторонником практической, активной грамматики. Грамматика, в его понимании, является «объективной языковой действительностью, управляющей нашей речью (“parole”») [Щерба 1974: 48], это «сборник правил речевого поведения, <...> они должны руководить говорящими при составлении фраз в соответствии с теми мыслями, которые эти говорящие хотят выразить» [Щерба 1974: 47–48]. Синтаксис в преподавании ЧКИ — не самоцель, не какой-то набор формальных правил. Это **активный механизм** понимания, правильного построения речи, усвоения речевых навыков. Синтаксису принадлежит ведущая конструктивная роль в речевой коммуникации, так как именно синтаксис организует и скрепляет связную речь — в соответствии с синтаксическими правилами и моделями данного языка. Не случайно «собственно чешский термин синтаксиса — *skladba* (от глагола *skládat*, т. е. ‘складывать’, ‘укладывать’, ‘упаковывать’) — указывает на основную функцию синтаксиса — анализировать, как ‘складываются’ слова, воспроизводящие мысль. <...> Знание синтаксических правил помогает правильному построению предложения — целостной грамматической единицы, выполняющей функцию <...> оформления и сообщения мысли, функцию ‘оречевления’» [Васильева 2017: 360]. Отсюда следует, что синтаксис — приоритетная составная часть обучения ЧКИ.

Умения и навыки правильного построения чешских предложений необходимы с самого начала изучения чешского языка. Наш опыт преподавания ЧКИ в русскоязычной среде свидетельствует, что именно на начальном этапе приходится чаще всего сталкиваться с межъязыковой синтаксической интерференцией, негативно влияющей на освоение синтаксической компетенции. Так, типичный вид синтаксической интерференции у русскоговорящих — частое опущение в простом предложении глагола–связки *být*: *Otec už v důchodu. Tady naše fakulta. Má rodina nevelká*. При этом, как правило, наблюдается излишнее употребление личного местоимения–подлежащего: *Kde ty? Já Rus. My už na návštěvě*. Другим примером морфолого-синтаксической интерференции является произвольная замена чешских сложных форм прошедшего времени простыми без вспомогательного глагола *být*: *Já studovala dobře* (вместо: *Studovala jsem dobře*). Русские студенты часто стремятся неверно поставить энклитические формы вспомогательного глагола на первое место в структуре предложения: *Jsem narodila se v Moskvě*, переносят русские синтаксические связи в чешское предложение: *Mám zájem cizími jazyky. Rozumím vás*. Поэтому уже при первой встрече с обучающимися, когда закладываются основы чешской фонетики, мы даем эле-

ментарные синтаксические структуры простого предложения: *Jak se máte? Co to je? Kdo to je?* и др. Закрепляем их в речи, используя лингвистическую игру. Подача синтаксиса на этом уровне упрощенная, следует из ситуации, контекста. Преподавание синтаксиса здесь слабо грамматикализовано, направлено прежде всего на выработку умений «складывать слова» в предложения в речевой практике. Важно, чтобы студент постепенно осваивал чешские высокочастотные синтаксические конструкции, которые своеобразны и необходимы для успешной коммуникации, напр.: *Jsem rád(a). Mám + Ak.. Mám rád(a) + Ak.. Rád(a) + глагол в личной форме: Rád(a) cestuju* (в отличие от чешского в русском языке – конструкция с инфинитивом: *Я люблю путешествовать*). *Libí se mi + Nom.. Mám zájem O + Ak.* и др. В процессе дальнейшего обучения ЧКИ необходима «спиральная» подача материала синтаксиса, т. е. циклическое повторение специфических синтаксических моделей на новом лексическом и морфологическом материале.

Практическим применением сопоставительного подхода в преподавании синтаксиса ЧКИ является **конфронтальный анализ** синтаксических явлений чешского и русского языков [Рылов 2012: 302-303]. Этот анализ направлен на выявление чешско-русских синтаксических фронтен и установление **различий** в употреблении синтаксических конструкций (СК) двух языков, построении моделей предложения, порядка слов в чешском и русском языке.

Ключевое понятие фронтенного синтаксического анализа — чешско-русская синтаксическая фронтена. Это две синтаксические конструкции — чешская и русская, имеющие *закономерное соответствие*: на фоне сходства этих СК по какому-либо признаку (прежде всего логико-семантическому — в плане общности пропозиции) между ними обнаруживается различие (структурно-семантическое, ментальное). В процессе изучения ЧКИ студенты-филологи осваивают чешско-русские синтаксические фронтены практически — при работе с текстами. Эти фронтены разнообразны и могут касаться различий в построении СК, характере синтаксических моделей, а также различий структурных типов простого предложения, порядка слов, членения предложений и т.д. Особенно важно, что фронтенный синтаксический анализ состоит не только в констатации различий сопоставляемых СК, но и в объяснении этих различий. Интересно, что фронтенные различия между эквивалентными чешской и русской конструкциями могут быть во многих случаях интерпретированы с учетом типологических особенностей двух языков. Так, типичные для простого предложения русско-чешские фронтены репрезентируют:

а) СК со значением *'обладания чем-либо'*: *У меня есть новый компьютер. ~ Mám nový počítač.; У вас хорошее настроение. ~ Máte dobrou*

náladu. Такие конструкции подробно описал в научном плане Р. Мразек [Мразек 1990: 30-31], который показал существенные типологические различия между чешским (*habere-jazyk*) и русским (*esse-jazyk*);

б) Субъектно-объектные СК с первичным значением принадлежности: *Дорога в университет занимает у меня полчаса.* ~ *Cesta do univerzity mi trvá půl hodiny*; *У сестры родилась девочка.* ~ *Sestře se narodila holčička*. Типичные для чешского языка СК с субъектно-объектным **дательным** падежом всегда вызывают у русских студентов трудности, так как в соответствии с русской ментальностью субъект/объект выражается чаще всего иначе, а именно с помощью конструкции «**у+род.падеж**».

Большой дидактический интерес представляют СК, выражающие *личностный принцип*. Дело в том, что личностный принцип воспринимается и отражается в русском и чешском языках по-разному. В русском языке, в отличие от чешского, в таком случае доминирующее положение занимают односоставные безличные/инфинитивные предложения с субъектом в косвенном падеже. Развитая система структурно-семантических видов безличного предложения создает ярко выраженное национальное своеобразие русского языка и обуславливает значительные конфронтные различия между двумя языками. Данная дифференциация находит проявление в разнообразных русско-чешских конфронтмах. Так, весьма частотны синтаксические конфронтемы: русск. «**односоставное безличное/инфинитивное предложение**» ~ чеш. «**синтаксическая структура dvojčlenná (подлежащая)**», эквивалентные между собой в плане выражаемой пропозиции. Приведем примеры указанных конфронтем с учетом характера эквивалентных пропозиций:

А: пропозиция ‘носитель психического/физического состояния’: *Матери сегодня не спалось.* ~ *Matka dnes nemohla spát*; *Дочке ещё комнату убирать.* ~ *Dcerka musí ještě uklízet pokoj*; *Мне хочется сказать Вам добрые слова.* ~ *Rád bych Vám řekl laskavá slova*;

В: пропозиция ‘орудие, с помощью которого осуществляется стихийное действие’: *Ветром сорвало крышу.* ~ *Vítr strhl střechu*; *Дорогу занесло снегом.* ~ *Sníh zaval cestu*.

С: пропозиция ‘чувственное восприятие’: *В саду пахнут розами.* ~ *V zahradě voní růže*; *Подуло свежим ветром.* ~ *Zavál svěží vítr*;

Д: с пропозицией ‘объект действия/ субъект состояния’: *Берлиоза выбросило на рельсы.* ~ *Berlioz dopadl na koleje*; *Солдата убило.* ~ *Vojáka to zabilo*.

Наш опыт преподавания ЧКИ филологам-русистам свидетельствует, что синтаксис является неотъемлемой составной частью развития коммуникативной компетенции обучающегося. Конфронтный анализ

синтаксических конструкций русского и чешского языка с акцентом на их структурно-семантические и ментальные различия — это важное направление в овладении чешским языком. Такой анализ побуждает к углублению и совершенствованию профессионального образования студентов, способствует как лучшему освоению ими различий и своеобразия неродного языка (чешского), так и более глубокому пониманию структуры и специфики родного языка. Знание типичных чешско-русских синтаксических конформансов, приобретение навыков применения специфичных чешских СК в речевом общении необходимы, чтобы студенты достигали совершенства в изучении чешского языка.

Литература / References

1. *Васильева В.Ф.* Чешский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 480 с.
2. *Мразек Р.* Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J.E. Purkyně v Brně, 1990. 150 с.
3. *Рылов С.А.* Конфронтационный языковой анализ в преподавании чешского языка филологам-русистам // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международная научная конференция: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 302–303.
4. *Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Широкова А.Г., Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 10–99.
5. Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Высш.шк., 1988. — 544 с.
6. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 39–59.

ОМОНИМИЯ УНИВЕРБОВ (НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРБОВ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ) И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

O.A. Osipova

HOMONYMY OF UNIVERBS
(ON THE EXAMPLE OF UNIVERBS-NUMERALS)
AND PROBLEMS OF TEACHING CZECH UNIVERBS

O.A. Osipova

ABSTRACT:

This article deals with the problems of modern venacular Czech language related to word formation, in particular, to univerbation. The example of univerbs-numerals shows a high degree of polysemy of such formations, which leads to problems in understanding live speech and texts. The author provides a number of recommendations for students that will help them adequately understand texts with univerbs not only in terms of meaning, but also stylistic nuances.

Key words: univerbation; univerb; word-formation; stylistics; modern czech language; numerals

АННОТАЦИЯ:

Данная статья посвящена проблемам современного разговорного чешского языка, связанным со словообразованием, в частности с универбизацией. На примере универбов-числительных показана высокая степень многозначности подобных образований, которая приводит к проблемам в понимании живой речи и текстов. Автор приводит ряд рекомендаций для студентов, которые помогут адекватно понимать тексты с универбами не только с точки зрения смысла, но и стилистических нюансов.

Ключевые слова: универбизация; универб; словообразование; стилистика; современный чешский язык; числительные.

Одним из основных направлений научных интересов А.Г. Широковой являлось функционирование и соотношение различных вариантов и форм чешского языка, проблема соотношения литературного и обиходно-разговорного его вариантов.

Данная статья посвящена особенностям лексического значения чешских универбов, которые являются яркой особенностью обиходно-разговорного чешского языка (этот термин — обиходно-разговорный язык — вызывает массу возражений и обсуждений, см., например, [Изо-тов 2013: 69-72], но мы ограничимся принятой на данный момент терминологией, так как этот вопрос в нашей работе не является существенным, и обозначим устный вариант чешского языка как обиходно-разговорный).

Процесс универбизации в чешской речи проявляется весьма сильно. По данным чешского корпуса, количество употреблений универбов в устной речи в разы превышает их употребление в языке письменном. В процессе обучения учащиеся сталкиваются с трудностями в плане понимания текстов, как устных так и письменных. Эти трудности во многом обусловлены омонимией универбов:

sít'ovka	–	sít'ová taška <i>авоська</i> sít'ová jízdenka <i>сезонный проездной билет</i>
otvírák	–	otvírací nůž <i>нож-открывашка</i> otvírací článek <i>статья на первой полосе, передовица</i>

Особенно ярко проявляется омонимия у универбов, образованных от числительных. Разнообразие значений таких универбов удивляет. Проиллюстрируем это на примере универба *dvánáctka*, передающего некоторое значение, связанное с числом двенадцать. В интернете и чешском национальном корпусе мы можем найти несколько его значений, которые можно отнести в три большие группы:

1) универбы, обозначающие понятия, в которых число 12 является главным дифференцирующим признаком в ряду себе подобных, например такие как:

- двенадцатиградусное пиво (например *dvánáctka Pilsner*)
- трамвай номер двенадцать (*tramvaj číslo 12*)
- охотничий домик №12 (*lovecká chata číslo 12*)
- зарплата 12 тысяч (*Někteří tvrdí, že dělají dvánáctky a pak dostanou jen pět nebo šest tisíc měsíčně.*)

Список может быть продолжен — в разговорном языке это может быть практически все, чему присвоен номер 12.

2) В отдельную группу мы обособили слова с собирательным значением:

- спортивная команда из двенадцати спортсменов
- музыкальная запись из двенадцати песен (диск)

- документальный сериал, состоящий из 12 серий — *dvanáctka dokumentů*

- двенадцать финалистов (*Lípa na Samaritance nedaleko znojenského městské části Hradiště vybrali porotci do finálové dvanáctky stromů roku 2009 Lípa na Samaritance nepodaleku od znojemské městské části Hradiště výběrem členů žüri stala jednou z dvanácti dřevěv-finalistů 2009 roka.*)

Их особенность в том, что подобные универбы с собирательным значением часто встречаются в названиях и фиксируются в устойчивых словосочетаниях, например:

- *Česká dvanáctka nazvaná muzikálního hit-paráda z dvanácti píesek,*

- *Litomyšlská dvanáctka soutěžení v běhu na dvanáct kilometrů, prováděné v městě Litomyšl.*

- *Evropská dvanáctka 12 států, patřících do Evropské unie*

- *Třeboňská dvanáctka duchovního orchestru, složeného z dvanácti lidí;*

3) В третью группу вошли слова, по значению максимально приближенные к числительному двенадцать, взаимозаменяемые с ним. Для наглядности приведем пример со словом *dvanáctka* в контексте целого предложения:

- *Hlavním dosahem programu byla Závěrečná steeplechase na 4300 metrů s dvanáctkou koní. Hlavním dílem programu byla Závěrečná skákání s překážkami na 4300 metrů s dvanáctkou koní.*

Итак, в приведенных нами примерах насчитывается 13 значений универба *dvanáctka*.

В первой группе все универбы возникли из различных исходных многословных наименований, поэтому перед нами особый случай омонимии (мы бы сказали, полиомонимии) для любых понятий, где сема числа или номера является главным дифференциатором: как есть трамвай №12, так есть и трамвай №5 *pětka*, №22 *dvaadvacítka* и т. д. (Например: *Na náměstí Svobody jezdí tramvaje ve špičce v intervalu jedné minuty. Sviští tudy čtyřky, pětky, šestky, dvanáctky a třináctky.*)

Во второй группе не все *dvanáctky* можно причислить к универбам, так как не все из них появились на базе исходного многословного словосочетания. Так, нет его у *Třeboňská dvanáctka*, *Česká dvanáctka*. Здесь мы наблюдаем, что на базе тех же самых словообразовательных моделей могут возникать не только универбы, но и их близкие «собратья» конденсаты. Этот термин мы используем вслед за Т.Д. Соколовской,

которая впервые применила его в своей работе об универбах в русском языке [Соколовская 2004: 4] и которая называет конденсатами такие слова, когда «тип наименования представляет собой конденсат семантики описания реалии на основе основного признака», то есть это наименования, «образованные от прилагательных, не имеющие синонимичных вариантов наименований» (что является принципиальным условием для универба), но «имеющих мотивирующее слово-признак в толковании». Для универба *Litomyšlská dvanáctka* никогда не реализуется в речи или на письме его многословное толкование, так же как и для его собратьев типа *vánoční desítka* *рождественская десятка* или *Českobrodská padesátka* *Ческобродская пятидесятка* (виды соревнований на 10 и 50 километров).

Третья группа представляет слово *dvanáctka* максимально приближенным к числительному, практически идентичным с ним. Повидимому, замена числительного существительным происходит тогда, когда появляется значение большей определенности и обозначаемая группа предметов понимается как определенное целое, как полный, законченный объем, количество, например:

V klubu v Dubí zjistili , že jde o normální nevěstinec , kde majitel vydělával na prostituci. Dvanáctka žen, převážně z Ukrajiny, musela denně odevzdávat padesát až sto marek, které si vydělaly vlastním tělem. V klubu v Dubi oni objevili, что речь идет об обычном публичном доме, владелец которого зарабатывал на проституции. Двенадцать женщин, преимущественно с Украины, должны были ежедневно от пятидесяти до ста марок, которые зарабатывали собственным телом.

По нашему мнению, в данном примере использовано существительное вместо числительного, так как речь идет о всех женщинах, работающих в данном заведении.

То, что подобные формы могут работать на категорию определенности/неопределенности в чешском языке, подсказывают нам данные других языков, где именно показатели определенности способны указывать на полный объем: ср. англ. **The British** или болг. **Англичаните**.

Следует отметить, что в подобных контекстах нельзя говорить о чистой универбизации – нет исходного сложного наименования. Есть модель, степень стандартизации которой доведена в данном случае до механистичности.

Описанные нами 13 значений *dvanáctka* — это не все возможные случаи его порождения и использования в текстах, как устных так и письменных. Подобная полиомонимия универбов усложняет адекватное понимание текстов для учащихся. Этому способствуют и другие особенности универбов, такие как а) конденсация значения; б) однообразии

основных, самых продуктивных словообразовательных элементов, в) отсутствие конкретных сфер применения, где могли бы появляться универбы, их бытовая универсальность; д) образование универбов и конденсатов по одним и тем же словообразовательным моделям; е) возможность образования универбов и конденсатов от иноязычных основ (*hitovka* — *populární píseň* популярная песня, *xim*).

Эти факты следует учитывать в процессе обучения. На наш взгляд, при изучении чешского языка необходимо:

1) знакомить обучающихся с обоими вариантами: *česnečka* — *česnečková polévka* чесночный суп;

2) на продвинутом этапе знакомить изучающих язык не только с понятием универбизации, но и с другими словообразовательными процессами чешского языка, а именно:

- апокопами (*zemák* — *zeměpis* география, *Kačák* — *Kačerov* деревня и область Качеров, *agoška* — *agentura* агентство, *kreáč* — *kreatives* творческий, креативный человек). Надо заметить, что наряду с универбами, апокопы или усечения являются «специфически разговорным» словообразовательным средством, см. [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 120];

- конденсатами (*Kulařák* — *Vítězné náměstí* площадь победы, имеющая круглую (*kulatou*) форму);

- аббревиацией (*Cěčák* — *Centrum Černý Most* торговый центр Черный мост),

- сложениями основ (*nádrhol* - *nádraží Holešovice* вокзал Голешовице);

3) также следует знакомить изучающих чешский язык со стилистическими особенностями обиходного-разговорного языка, так как универбы обеспечивают его стилистическое разнообразие. Разграничение ситуаций общения позволяет объяснить сосуществование многословного наименования и его универба [Соколовская 2004: 35]. Так, мы можем отметить, что универб *Karlovka* является стилистически сниженным, сленговым образованием, характерным для речи молодежи; нейтральным вариантом будет *Karlova univerzita*, а в качестве официального названия выступает выражение *Univerzita Karlova*. Тем не менее, вариант *Karlovka* встречается в газетных изданиях, при этом сопровождается и другими разговорными элементами. Изучение различных контекстов и текстов с ми помогает понять, в какой степени является данное слово стилистически сниженным, а также помогает оценить характер его воздействия на читателя. Т.Д. Соколовская пишет: «При работе над текстом, для наиболее полного его понимания иностранными слушателями продвинутого типа необходимо указывать на функцию того или иного

маркированного сокращения в разного рода текстах» [Соколовская 2004: 129]. Хочется отметить, что отсутствие адекватного контекста делает универб непонятным не только для иностранных учащихся, но и для самих носителей.

Таким образом, преподавание чешского языка нуждается в новых методических рекомендациях и в дальнейших исследованиях в области универбизации и стилистики в целом, так как изучение разнообразных стилистических средств является одним из интереснейших направлений в обучении учащихся.

Литература / References

1. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., Наука, 1981.
2. *Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык – химера или реальность // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2013. – №12 (79). – С. 69-72.
3. *Соколовская Т.Д.* Активные процессы в современном русском языке (универбация, конденсация и другие сокращения). М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2004. 152 с.

UČEBNICE NA VĚČNÉ ČASY ИЛИ МИФ ОБ ИДЕАЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ

B.V. Белоусова

UČEBNICE NA VĚČNÉ ČASY OR
THE MYTH OF THE PERFECT TEXTBOOK

V.V. Belousova

ABSTRACT:

This article is about one of the most popular Czech textbooks. The main attention is paid to the way of presentation of language material, types of exercises and functional-stylistic differentiation of the Czech language. The article provides a brief description of several teaching techniques that help students develop and improve their level of speaking in Czech. The final part of the article is devoted to two new textbooks of the Czech language. The author concludes that an ideal textbook should focus on the students' native language and rely on a functional approach in the presentation of linguistic material.

Key words: Czech textbooks, functional approach, types of exercises, teaching techniques, functional-stylistic differentiation of the Czech language

АННОТАЦИЯ:

Эта статья посвящена одному из самых популярных учебников чешского языка. Основное внимание уделяется способу презентации языкового материала, типам упражнений и функционально-стилистической дифференциации чешского языка. В статье дается краткое описание нескольких приемов обучения, которые помогают учащимся развить и повысить уровень владения чешским языком. Заключительная часть статьи посвящена презентации двух новых учебников чешского языка. Автор приходит к выводу о том, что идеальный учебник должен ориентироваться на родной язык студентов и опираться на функциональный подход в представлении языкового материала

Ключевые слова: учебник чешского языка, функциональный подход, типы упражнений, приемы обучения, функционально-стилистическая дифференциация чешского языка

Подготовленный по инициативе и под редакцией Александры Григорьевны Широковой коллективный учебник чешского языка¹ является номером 1 в списке учебных материалов не только для российских студентов-богемистов, но и для широкого круга желающих приобщиться к культуре, языку, реалиям современной Чехии (ЧР). Почему написанный почти полвека назад учебник до сих пор востребован и не сдает своих позиций, несмотря на многочисленные современные пособия из серии «чешский язык для иностранцев»? Как можно работать с материалами, содержащими «социалистические реалии» в глобально изменившемся мире? Что заставляет молодых преподавателей, критикующих «старый» учебник, вновь и вновь обращаться к нему и рекомендовать своим ученикам? Попробуем раскрыть секрет этой книги, научившей чешскому языку не одно поколение богемистов и, несомненно, ставшей «классикой жанра».

Интересно отметить, что первое издание (1973 г.) относится к началу, а второе (1988 г.) – к окончанию «периода нормализации». Оставим за рамками статьи политические реалии того времени, остановимся на лингводидактическом контексте 70-х – 80-х гг. XX века. „Období formování komunikačního přístupu k vyučování druhého jazyka od sedmdesátých let 20. století charakterizuje celá řada globálních faktorů prohloubeného moderního vývoje výuky druhého jazyka. Kolem roku 1980 měla oblast jazykového vzdělávání za sebou zásadní proměnu a to, co známe jako komunikační přístup, se ustálilo jako dominantní paradigma“ [Valková 2014: 13]. Противопоставление «прямого» и «грамматико-переводного» методов сменилось признаваемым большинством преподавателей иностранных языков коммуникативным подходом, который определялся как «попытка избежать формальных (или традиционных) подходов, состоящих из грамматики и переводов, и перейти к подходам, при которых студент употребляет язык как средство общения» [Philips 1988: 94], т.е. предполагалась «речевая направленность учебного процесса, которая заключается не столь в том, что преследуется речевая практическая цель, сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языком» [Пассов 2011: 78].

Учебник А.Г. Широковой, предназначенный «для студентов гуманитарных факультетов университетов, пединституты, институты иностранных языков и для вузов общественно-политического профиля», изначально был ориентирован на тех, для кого чешский язык становился и средством общения (nástroj komunikace), и объектом исследования (předmět studia). Именно поэтому в основу концепции была положена

¹ Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р.Роговская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1988. – 544 с.

идея функциональности², когда язык рассматривался как система, связанная с реальностью и используемая для достижения определенных целей.

В учебнике, созданном «коллективом советских и чехословацких авторов»³, последовательно проводился принцип опоры на родной (русский) язык, что способствовало лучшему пониманию системно-структурных связей изучаемого (чешского) языка, прочному усвоению лексических единиц и грамматических конструкций и позволяло снизить риск негативной языковой интерференции, используя при этом все плюсы близости двух родственных славянских языков.

Задачи учебника – «научить изучающих чешский язык читать художественную, общественно-политическую и периодическую литературу, владеть устной разговорной речью и навыками двустороннего устного и письменного перевода» и время, отводимое на усвоение материала – «два-три года обучения (примерно на 350–400 часов)» соответствуют достижению уровня В1 по Европейской шкале (без включения аспекта перевода).

Изменения во втором издании коснулись не только актуализации лексического материала («были частично заменены тексты уроков; включены новые диалоги; переработаны отдельные словарики к текстам»), но и формы подачи грамматики («подверглись сокращению и некоторой переработке лексико-грамматические пояснения к урокам и грамматические примечания»), предполагалось также, что учебник может использоваться для самостоятельного изучения чешского языка.

Таковы основные характеристики вышедшего в 1988 году учебника чешского языка.

Прошло сорок лет, учебник по-прежнему востребован. Что же делает его конкурентоспособным в ряду учебных материалов XXI века?

«Три кита» современной лингводидактики – коммуникативный метод, Общеευропейские компетенции владения иностранным языком (SERR), принципы отбора языкового материала и способы его презентации. Сегодня учебники чешского языка создаются с учетом необходимости формирования коммуникативной компетенции с помощью определенных стратегий и ориентируются на потребителей, уже привыкших к стандартам англоязычных учебников, поскольку „osvojení centrálních, významných jazyků přijímalo změny mnohem rychleji než vyučování jazyků okrajových či “malých“ (myšleno co do počtu uživatelů a

² В традиции Пражской лингвистической школы функция понималась как цель, ради которой употребляются языковые единицы, что предвосхищало базовые положения будущей лингвистической прагматики.

³ С советской стороны – профессор МГУ имени М.В. Ломоносова доктор филологических наук А.Г. Широкова и доцент МГИМО Е.Р. Роговская, с чешской стороны – доцент (впоследствии профессор) П. Адамец и профессор Й. Влчек (Карлов университет в Праге).

objemu popřítavky po studiu), přičemž do druhé skupiny počítáme český jazyk“ [Valková 2014: 65]. Новые учебники, написанные носителями языка «для иностранцев» без учета их национальной принадлежности, имеют похожее оформление, структуру, типы заданий и принципиально отличаются только соотношением элементов прямого и непрямого методов обучения (опора на интуитивное или сознательное овладение языком)⁴.

Уникальность учебника А.Г. Широковой заключается в том, что он представляет не только методические достижения своего времени, но и превосходит некоторые требования, сформулированные позже в SERR (рекомендованном к использованию в 2001 году). И если сравнить «Чешский язык» 1988 г. с аутентичными учебниками последнего времени по ключевым параметрам (коммуникативная направленность, презентация грамматики, языковой материал, типы упражнений, формирование навыков автономного обучения), то в ряде случаев его преимущества очевидны.

Остановимся на некоторых особенностях функционального принципа презентации языкового материала в учебнике А.Г. Широковой.

1. **Комплексный подход** реализуется с первых уроков – вводно-фонетический курс, целью которого традиционно является постановка правильного произношения звуков иностранного языка и овладение основными интонационными конструкциями, содержит также сведения о закономерностях звукового строя чешского языка, основы правописания и «необходимые элементы грамматики». При этом задания формулируются таким образом, что в фонетических упражнениях

- многократное повторение становится не просто механической отработкой «образцов», а мотивирует студента на смысловое использование языка, активизируя словарный запас и грамматические формы (в приведенном ниже примере – окончания имен прилагательных, винительный падеж, глаголы *mit*, *dát*)

Ответьте на вопросы с помощью слов, которые вы уже знаете:

Jaká je ta káva? - Jaká je ta voda? - Jaká je ta mapa? - Jaká je ta cesta? - Jaká je ta zpráva? - Jaká je ta váza? - Jaká je ta socha? - Co má Jarka? - Co má Marta? - Co má Ivan? - Co má pan Novák? - Co má Dana Krátká? - Co nám dá máma? - Co nám dá táta? - Co nám dá Ruda? - Co nám dá pan Vorák? - Co nám dá Zuzka Nová? (упр. 9, стр. 11)

⁴ Ve sledovaných současných učebnicích češtiny pro nerodilé mluvčí jsme identifikovali význačné působení pokračující tradice gramaticko-překladové metody spolu s vlivem postupů obvyklých v komunikačním přístupu. Při určitém zobecnění můžeme rozlišit: 1) konsistentní uplatnění obvyklých postupů gramaticko-překladové metody *Do You Want to Speak Czech?*; 2) uplatnění postupů a component obvyklých v rámci tradice komunikačního přístupu *Čeština Expres 1*; 3) kombinace přímých a nepřímých postupů v jediné práci *Basic Czech I, Czech for Foreigners a Easy Czech Elementary* [Valková 2014: 126-127]

- фонетическое подобие слов используется для иллюстрации фонетических соответствий в русском и чешском языках

Прочитайте и переведите на русский язык следующие чешские слова. Сопоставьте звуковой вид чешских и русских слов, пользуясь таблицей №1:

listí, kamení, koření, učení, psaní, veselí, poznání, kouření, mučení, pití, čtení, šití, bytí, mytí, bití, žití, koupání (упр. 9, стр. 30)

- перевод помогает закрепить фонетические закономерности, что впоследствии облегчает усвоение грамматического материала (окончания имен существительных мягкой разновидности, чередование ů/о в корне слов, формы притяжательных прилагательных и т.п.)

Переведите следующие слова и предложения, сопоставляя звуковой вид чешских слов с соответствующими русскими словами:

a) otec - отец, čaj - чай, kraj - крае, nůž - ноже, kůň - конě, pokoj – pokoje

b) lidé, kožich, štika, jih, jitro

c) Naše ulice je široká. - Vaše ulice je úzká. - Znáš naši ulici? Kdo je to? To je moje sestra. - Co je to? To je vaše tužka. - Kde je vaše babička? Naše babička je doma. - Co dělají vaše sestry? Šijí šaty. - Co dělají naši studenti? Kupují slovníky. - Máš dnes práci? Dnes práci nemám. - Máš klíče? Klíče nemám. (упр. 9, стр. 24)

2. **Эксплицитная презентация грамматики**, не свойственная коммуникативно-ориентированным учебникам, с одной стороны, полностью отвечает задачам обучения студентов-филологов, которые должны научиться распознавать и понимать определенную грамматическую модель, а с другой – помогает тем, кто стремится глубже осознать логику языка, не ограничиваясь «коммуникативными образцами». Грамматика играет ключевую роль как в формировании всех языковых навыков (аудирование, говорение, чтение, письмо) в процессе изучения языка, так и в решении коммуникативных задач в ситуациях учебного и реального общения. В практическом смысле эксплицитное знание, понимаемое как «осознанное знание грамматических правил, изучаемых через формальное обучение на занятиях в рамках контролируемого процесса» [Филипович 2014: 85], ускоряет и улучшает восприятие и точное использование языка, что особенно актуально для родственных славянских языков. Приведем два примера:

- Парадигмы склонений имен существительных могут испугать своим разнообразием – во всех трех родах есть твердый *žena, byt, student, město* и мягкий *růže, stroj, muž, pole* типы склонения

ния, в мужском роде различаются одушевленный *student*, *muž* /неодушевленный *byt*, *stroj*, в женском выделяются типы на согласные *píseň*, *kost*, а в мужском и среднем – на гласные *předse-da*, *soudce*, *stavení* – и это не считая заимствованных существительных *museum*, *socialismus*, *kosmos*, *drama*, «особых» типов склонения *děvče*, *kamen* и исключений из правил. Однако для носителя русского языка, знакомого с падежной системой, значительно проще последовательно овладеть парадигмой каждого типа склонения, нежели бесконечно упражняться в запоминании смешанного набора окончаний в отдельных падежах – „Dril⁵ může být velmi výhodným postupem při zvládnání jazykových jevů, u nichž je třeba dosáhnout plně automatisace na funkčním základě, jako je tomu např. u českých pádových koncovek“ [Valková 2014: 53]. Степень усвоения материала и выработанный автоматизм употребления правильных окончаний быстро проверяется в упражнении, представляющем собой набор отдельных предложений, содержащих слова, относящиеся к разным типам склонения:

Раскройте скобки, слова в скобках поставьте в соответствующем падеже (повторительное упражнение): Do (Moskva) pojedu za (týden). - Dostala jako dárek několik (krásné růže). - Do (restaurace) šli oba. Večer je skoro ve všech (restaurace) plno. - S (přátelé) z (podnik) (pracovat) už mnoho let. - V (prostorný a světlý pokoj) bylo velmi útulně. - Rád ležel na (pohovka) a četl. - Před (měsíc) odjel na dovolenou. - (Zkouška) musím složit do (pátek). - Do (pokoj) vstoupil neznámý muž. - V létě pojedu k (moře). - Seděl na (břeh) a chytal ryby. - Bez (přátelé) tam nepůjdu. - Trávil jsem čas u (dobrý kamarád). - Nemám nic proti (soudružka Bosáková). - Děti si hrály za (dům). - O (prázdniny) navštívím (svá stará babička). (упр. 7, стр. 99)

- Глаголы движения в русском и чешском языках при всей схожести семантических и морфологических характеристик имеют определенные различия в употреблении, на которые стоит обратить внимание студентов до того, как они начнут использовать их в речи, делая ошибки под влиянием родного языка. В учебнике все различия представлены в пяти правилах и проиллюстрированы многочисленными примерами (стр. 146-148). Отмечаются несовпадения в употреблении лексем из группы

⁵ Pojmu dril, kterého se držíme v této práci, je užíváno pro označení cvičení zaměřeného na specifický jazykový prostředek s posíleným prvkem opakování

глаголов движения *Autobus tam nejede* – Автобус туда не идет; использование глаголов из других семантических групп *Včera я ходил в кино* – *Včera jsem byl v kině*; замена синтаксической конструкции *Бабушка ездila лечиться в Крым* – *Babička se byla léčit na Krytu*; ограничения в словообразовании *Я хочу поехать на трамвае* – *Chci jet tramvají*; семантические сдвиги (неодушевленность/ одушевленность) в паре *plout* – *plavat* /плыть – плавать *Po moři pluje loď* – По морю плывет корабль. *Delfíni plavali k lodi* – Дельфины плыли к кораблю.

Дедуктивный подход в данном случае оправдан не столько с точки зрения экономии времени⁶, он позволяет глубже понять специфику функционирования этой небольшой, но очень важной группы глаголов и избежать неточностей в устной и письменной коммуникации (в т.ч. и при переводе).

3. **Языковой материал**, представленный в учебнике, достаточно разнообразен. Каждый урок содержит текст, диалог, словарь и «лексические пояснения, указывающие на особые случаи глагольного и предложного управления и содержащие чешскую фразеологию и идиоматику». Тексты в первой и второй части принципиально отличаются: в уроках 1-17 это тексты на бытовые темы, составленные авторами учебника, в уроках 22-23 страноведческие тексты, которые знакомят студентов с политической, экономической и культурной жизнью страны, в остальных уроках – короткие рассказы или отрывки из произведений чешских писателей. Существуют разные точки зрения на то, в какой фазе обучения или на каком уровне знания языка следует знакомить студентов с функциональной стилистикой. Так, М. Чехова полагает, что не-носитель языка до определенного момента предпочитает использовать некий универсальный код: „Až po nejvyšší stadium osvojování češtiny u cizince by měl rodilý Čech akceptovat nerovné postavení nečeského mluvčího vůči sobě, tedy i to, že Nečech až téměř do osvojení si češtiny do této úrovně užívá jakýsi univerzální kód, tedy češtiny bez její funkčněstylové diference nebo že tuto diferenciaci si neuvědomuje nebo jí využívá neadekvátně. [Čechová 2012: 234].

⁶ „Deduktivní způsob, směřující od předložení pravidla k jeho uplatnění, znamená pro studující a vyučující výhodu ve formě výrazné úspory času a aktivního úsilí v počáteční fázi seznamování s novým jevem. Prosté předložení pravidel či apriorní objasnění problému představuje téměř vždy hladší a rychlejší řešení než práce s úkoly vedoucími studenty k samostatnému objevování zákonitosti fungování jazyka a následní konsolidace pravidel za pomoci učitele“ [Valková 2014: 84-85]

- «учебные тексты», специально написанные носителями языка, выполняют важную функцию – знакомят русских студентов с явлениями, которые для чехов не представляют сложности ни в восприятии, ни в понимании (полисемия, коннотации), и тем самым способствуют формированию корректного нейтрального немаркированного стиля речи.

Velmi jsem se letos na dovolenou těšil, protože jsem v Tatrách ještě nikdy nebyl. Mám rád koupání, a proto jsem dříve jezdíval k vodě, někam k řece nebo na přehradu. Loni jsem byl o dovolené u moře.

Однако в диалогах уже встречаются элементы разговорной речи:

P.: Ahoj, kluci. No tak už máme zas po prázdninách (po dovolené).

Z.: Škoda. Letos jsem strávil prázdniny opravdu hezky. No ale když je to pěkné, tak to utíká strašně rychle.

P.: A kdes vlastně byl? (JAK JSEM TRÁVIL SVOU DOVOLENOU, стр. 77)

- аутентичные образцы художественной прозы появляются на этапе, когда студенты уже овладели основами грамматики, приобрели базовый словарный запас и не только готовы анализировать текст, но и способны понять авторскую интенцию – „ve vyučování by se obsahově-estetická stránka literárních děl neměla oddělovat a probírat izolovaně od jazykově-stylové stránky, neboť právě jejím prostřednictvím dílo na čtenáře působí.“ [Čechová – Styblík 1998: 214].

Ona totiž ta historie s Archimedesem nebyla docela tak, jak se píše, je sice pravda, že byl zabit, když Římané dobyli Syrakusy¹, ale není správné, že do jednoho domu vnikl římský voják, aby plenil, a že Archimedes, ponořený do rýsování nějaké geometrické konstrukce, na něho mrzutě zavrčel... „Neruš mi mé kruhy!“ Předně Archimedes nebyl žádný roztržitý profesor, který neví, co se kolem něho děje, naopak byl od nатуры² pravý voják, který vymýšlel pro Syrakusy válečné stroje, za druhé pak ten římský vojíček nebyl žádný kořistník, nýbrž vzdělaný a ctižádostivý štábní setník Lucius, který věděl, s kým má tu čest³, a nepřišel plenit, nýbrž vzdal na prahu vojenský salut a řekl: „Buď zdrav, Archimede“. (SMRT ARCHIMEDOVA Karel Čapek, стр. 233)

- фразеологизмы⁷ сгруппированы по тематическому принципу (*O pravdě, Vztahy k lidem, Podobnost, Malomyslnost, beznaděje, Některá úsloví se slovem „čert“ aj.*), что позволяет развивать лексический запас студентов и знакомить их с особенностями чешского менталитета с помощью лингвострановедческого и культурологического комментария – как, например, в уроке о государственном устройстве (Лексе 23), где приводятся высказывания известных исторических личностей:

O PRAVDĚ

Pravda vítězí.

Kdo zlu neubrání, dobru škodí (Tomáš ze Štítného).

Hledej pravdu, slyš pravdu, uč se pravdě, miluj pravdu, drž pravdu, braň pravdu až do smrti (Mistr Jan Hus).

Pravda ve vodě neutone a v ohni neshoří (Fr. Lad. Čelakovský).

Pro pravdu se lidé nejvíc hněvají (Lidové přísloví).

- обecná čeština развернуто представлена в последнем уроке (стр. 339-345): подробно описаны фонетические, морфологические и синтаксические особенности, а также приведены примеры употребления специфических частиц и междометий – это обусловлено тем, что «различия между кодифицированным литературным чешским языком (spisovná čeština) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (obecná čeština) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках» [Изотов 2008: 64]. Чтобы знакомство студентов с функциональной дифференциацией чешского языка не ограничивалось только теоретическими знаниями и навыком чтения текстов, в учебнике А.Г.Широковой есть разнотипные упражнения на использование элементов обиходно-разговорного чешского языка:

Převeďte do spisovné češtiny:

Kup mi prosím tě vosum vobyčejnejch vobálek. - V takovým votrhaným vobleku nemůžu jít na ulici. - Minulej tejděn sme měli dobrej vejdělek. -

⁷ Под фразеологизмами понимаются устойчивые словосочетания, обладающие воспроизводимостью и переносным значением – к ним также относятся пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения. Frazém neboli frazeologismus je ustálené spojení slovních tvarů slov s vlastním významem. Jedná se například o sousloví, rčení, pořekadlo, přirovnání či přísloví apod. Frazeologismy většinou výrazně posunují původní význam slov směrem ke zcela jinému smyslu sdělení.

Přemejšlels už vo tom zejtrejším vejletě? - To je jasný, že takový jednání není správný. - Vo ničem jiným sme nemluvili, než vo tý nový metodě. - Podle mýho názoru Novákovi mají moc hezký a poslušný děti. (упр.1, стр. 345)

K odpovědi využijte vhodných výrazů v závorkách:

(bodejt'; jak by ne; no bodejt'; to víš že jo; no jéje; ba jo (ano); no jó)
Mami, šla bys se mnou v sobotu do kina? ... , když jsi se tak hezky celý týden učila. - Neměli bychom si zaskočít aspoň do bufetu? ... , já osobně mám ukrutný hlad. - Chovali se k ní po celou dobu velmi pěkně. ... , vždyť je to hodná žena. (упр.4, стр. 346)

4. **Типы упражнений** определяются концепцией учебника. „Ровага задání odkazuje k obecnějšimu metodologickému zaměření učebnice; od cíle v podobě lingvistické kompetence v gramaticko-překladové metodě až po pragmaticky definované cíle, jakým je např. dosahování komunikační kompetence v komunikačním přístupu“ [Valková 2014: 100]. Противопоставляя формальные «манипуляции элементами языка безотносительно к возможностям их употребления» и коммуникативно ориентированные упражнения, методисты выделяют три признака в формулировке задания, свидетельствующие о его ориентации на форму, а не на содержание:

а) использование лингвистических терминов – *Образуйте страдательный залог при помощи описательного пассива; následující věty převed'te do kondicionálu minulého;*

б) указание на «правильность» (správnost, vhodnost) – *Вместо точек вставьте правильные формы местоимений jeho, její, jejich; Slova v závorkách dejte do správných pádů;*

в) наличие образца – *Измените предложения по образцу, употребляя глаголы совершенного вида: Právě píšu ten dopis. - Myslel jsem, že jsi ho už napsal dopoledne. Doplňte vhodná substantiva podle vzoru: Tomu, kdo je slepý říkáme... (slepec)*

Все примеры формулировок взяты из учебника А.Г. Широковой, но тем и отличается функциональный подход, что любое упражнение содержит «коммуникативный потенциал», раскрыть который – задача преподавателя:

Reagujte otázkou na uvedené věty podle vzoru. Pozor na vid! Koupím si lístky do kina. - Proč bych si je kupoval?

Přečtete si tu knihu. - Vezmeš si to? - Chceš si poslechnout ten koncert? - Zapsal sis to do sešitu? - Prohlédl sis toto město? - Naříkat si nemůžeš. (упр.7, стр. 273)

Pracujte ve dvojicích. První žák řekne větu, druhý na ni reaguje otázkou a první na tuto otázku odpoví. Vzor: A.: Pracuji s Vládou. B.: A jak se

ti (vám) s ním pracuje? A.: Pracuje se mi s ním dobře (špatně, výborně, nádherně, atd).

Bydlím u svého přítele. - Ležel jsem na trávě pod stromem. - Spolupracuji s Mirkem a Petrem. - Jednal jsem včera se členy komise. - Cvičíme teď na zahradě. - Koupali jsme se v rybníku. - V zimě jsme lyžovali ve Vysokých Tatrách. (упр.10, стр. 287)

Uslyšená tvrzení odmítejte podle vzoru: Existuje mnoho jiných možností. - To není pravda, neexistuje žádná jiná možnost.

Na té výstavě bylo hodně zajímavých obrazů. - Řečník uvedl řadu přesvědčivých důkazů. Existovala celá řada jiných řešení. - Vladimír napsal několik článků. (упр.15, стр. 287)

Reagujte výrazem nedůvěry podle vzoru: Petr se učí. - Petr a učít se? Lžeš. - Já a lhát? Vlasta v něčem pomůže. - Zdeněk něco vymyslí. - Vymýšlíš si. - Ublížíte mi. - Marta spraví vysavač. - Jiří uklidí byt. - Přeháníš. - Karel něco pochopí. - Lžete. - Pavel něco zařídí. (упр.6, стр. 298)

Отдельного внимания заслуживают упражнения на перевод, занимающие финальную позицию в структуре каждого урока. Обновленные требования CEFR [Developing illustrative descriptors of aspects of mediation for the Common European Framework of Reference, 2016] содержат положения о необходимости формирования навыков лингвокультурной медиации, а оценить уровень их сформированности позволяет в первую очередь перевод, поскольку существуют достаточно четкие критерии для оценки его качества⁸. В случае учебного перевода отсутствует коммуникативная ситуация, требующая учета прагматических факторов; менее важным также можно считать и ограниченный репертуар переводческих приемов. Таким образом, акценты смещаются от функционально-коммуникативного подхода в сторону традиционного, позволяющего оценить уровень сформированности лингвистической компетенции. Следует отметить, что на начальном этапе в первую очередь проверяется умение правильно использовать новые языковые средства:

Переведите следующие сочетания на чешский язык и вставьте в предложения: зубную щетку, на гитаре, совет, стиральный порошок, в замок Карлштейн, на дерево, о своем обещании, в гости, на две недели, о его словах. Milan si vylezl ... a natrhal si hrušky. - Nezapomeň si vzít s sebou - To není od tebe hezké, že jsi zapomněl - Jirka se teď učí hrát na ... - Zítřa chceme jít ... ke svým novým známým. - V létě pojedeme ... do Československa. - Zeptej se ... sou-druha profesora. - Zítřa budeme přát, kup v obchodě - Stále musím myslet ... - Pojedme v neděli ...! (упр.11, стр. 107)

⁸ В чешской традиции используется холистический подход в оценке учебных переводов (сделанных студентами языковых специальностей и будущими переводчиками). Для того чтобы избежать субъективности предлагаются разные способы формализации, в частности, присуждение определенного «весового коэффициента» выделенным ошибкам.

Переведите на русский язык: Myslím, že ten vlak má přijet za pět minut tři čtvrtě na devět. - Mezi půl pátou a čtvrt na šest asi nebudu doma. - Koncem září nebo začátkem října se chystám jet do Prahy. - Když jsem šel včera domů, bylo hrozné počasí: blýskalo se, hřmělo a lilo jako z konve. - Ta věta je na tři sta osmapadesáté stránce, čtyřiaadvacátý řádek. - Je šest hodin a sedm minut. - Je čtvrt na deset. - Je půl osmé. - Je půl jedenácté a pět minut. - Už je po dvanácté. - Už je dvanáct pryč. - Vrátil se po desáté. - Čas budu mít až po páté hodině. (упр.5, стр. 123)

Однако в дальнейшем начинает учитываться и прагматическая адекватность (ориентация на потенциального адресата, цель перевода, соответствующий регистр):

Přeložte do ruštiny. Pozor na stylistické zabarvení českých vět: To je dnes ale zima! - Tak už pojd', prosím tě. - On si ten Jirka pořád něco vymýšlí. - Člověče, to ti byla krása! - Já vám řeknu, ono to lyžování není tak jednoduché. - Náhodou já myslím, že on má pravdu. - Máš ty ale z pekla štěstí! - Já vám řeknu, to ale byla dřina! - Jen aby se nám to podařilo! - Copak tys to nevěděl? - To ti byla podívaná! - To sluníčko dnes ale pěkně hřeje. - Ona vám s ním nebyla žádná řeč. - Abyš věděl, tak to já tedy náhodou dobře vím. - Ona ta Věra vám pořád s něčím není spokojená. - Lidičky, to je něco úžasného. - To byl ale hloupý film! - Ona ta hovorová čeština je dost složitá. (упр.7, стр. 346)

И все отработанные на отдельных предложениях навыки, в конечном счете, должны быть применены в переводе связного текста с использованием соответствующей лексики и соблюдением синтаксических правил и стилистических норм:

Přeložte do češtiny: Близилось рождество. Что же отец на этот раз подарит Блажене? Уже давно она мечтает о велосипеде, который выставлен в витрине магазина. Ее внимание не привлекали красивые платья и пальто, хотя ее зимнее пальто было настолько потрепано, что в нем нельзя было выходить на улицу. Нет, больше всего она хотела иметь этот весь сверкающий, никелированный, новый велосипед. Попросить отца купить ей велосипед она не решалась, а он молчал. Она все время тянула его именно к этой большой витрине. Казалось, что отец ее не понимает, но он все понимал и про себя улыбался. «Как мне заработать или сэкономить деньги, чтобы я могла сама себе купить велосипед?» - думала Блажена. Наступил сочельник. Блажена безо всякого интереса (задора) накрывала на стол. «Какой бы ты, Блаженка, хотела подарок?» - спросил отец. Не успела Блаженка открыть рот, как кто-то постучал в дверь. Отец вышел и сделал вид, что с кем-то разговаривает. Через минуту он вернулся в комнату. Рядом с ним стоял тот самый желанный велосипед, светящийся новизной. Ее радости не было конца. Этот день был самым счастливым в жизни Блажены. (упр.13, стр. 320)

5. Формирование навыков автономного обучения. В настоящее время лингводидактика стремится освободиться от «всепроникающего

деспотизма системности», вследствие чего в качестве лидирующей утверждается так называемая антропоцентрическая парадигма [Орлова 2013], предполагающая активное вовлечение студентов в процесс овладения языковым материалом, развитие у них самостоятельности и мотивации к дальнейшему самообразованию. Несмотря на то, что учебник А.Г. Широковой создавался еще тогда, когда студент считался не субъектом своего обучения, а объектом, на который направлена деятельность преподавателя, он содержит материалы, которые можно эффективно использовать для самостоятельной работы. «Маленькие юморески, шутки, а также поговорки и пословицы» приводятся в уроках второй части без заданий, но тематически они идеально вписываются в общий контекст лекции и служат дополнительным источником информации, развивая у студентов навыки критического мышления.

Рассмотрим конкретный пример – Лексе 19:

Основной текст NURINISA GULAMOVÁ JEDE NA OSLU (Podle Julia Fučíka) повествует о переменах в жизни женщин Востока – „najednou všichni pochopili, že to nebyla jen slavnostní výjimka, že Gulam tu prorazil poslední předsudek, poslední starý zvyk, který připomínal dávnou minulost východní ženy-trokyň“.

В дополнительной части предлагаются:

- история о муже, превратившемся в заложника технического прогресса и вынужденного выполнять всю домашнюю работу

OBĚT TECHNIKY Když jsme se vzali, předsevzal jsem si, že budu pozorným manželem. Zatímco manželka bude vařit a uklízet, budu jí čist nahlas. Abych ženě ulehčil práci, koupil jsem jí chladničku. Chladničku teď pravidelně čistím. Později do naší domácnosti přibyla pračka... a já jsem se naučil práť. Pak jsem se naučil pracovat s vysavačem. Brzy přišly do prodeje leštiče parket. Chtěl jsem nechat ženě aspoň vaření. Naši domácnost však doplnil kuchyňský robot a já ho uvádím do provozu: škrábu brambory, šlehám krém, melu kávu. Dělá to pravidelně každý den bez nároku na svátky a pracovní volno. Kromě toho ještě opravuji televizor a rádio, štipuji na stroji punčochy a ponožky. Vozím také v kočarku naše mrně, poněvadž manželka zastává názor, že je to dopravní prostředek a to prý je mužská záležitost. Manželka je taková dobrá duše, že mi v tu dobu čte noviny.

- анекдоты о ленивых мужчинах, спящих даже на работе в офисе

1. Manžel se vrací domů. „Prosím tě, člověče, co jdeš tak pozdě z práce?“ - „Nezlob se, Růženko, já jsem zaspal.“

2. Přišel pozdě do kanceláře a omlouval se: „Zaspal jsem...“ — „Co že? Vy spíte i doma?“

3. Seděl u snídaň nezvykle dlouho a četl noviny. Manželka se ho konečně zeptala, jestli miní jít vůbec do kanceláře. „Hrome, já myslel že už tam jsem...“

4. „Kamaráde, teď jsem něco vynalezl, co zastane kancelářskou práci padesáti mužů.“ - „Prosím tě, co to je?“ - „Čtyřicet ženskéjch!“

- передающие народную мудрость пословицы и поговорки о труде и лени

Dovede proflákat celý den (=nic nedělat). Nechal práci plavat (=nedokončil práci). Ten by se jen flákal (=nic nedělal). Hledá včerejší den (=nic pořádného nedělá). Práce mu jde pěkně od ruky (=práce se mu daří). Dře jako kůň (=pracuje těžce nebo mnoho).

Bez práce nejsou koláče. Хочешь есть калачи, не лежи на печи.

Pečení holubi sami nelítají do huby. Без труда не выудишь и рыбку из пруда.

Komu se nelení, tomu se zelení. Кто рано встает, тому бог подает.

Такие материалы (rozšiřující učivo pro nadané žáky) не только мотивируют студента на дальнейшие поиски актуальной информации по конкретной теме (гендерное равноправие, распределение обязанностей в современной семье, отношение к работе и т.д.), но и способствуют формированию когнитивной компетентности, представляющей собой «интегральное качество личности, обеспечивающее её стремление и готовность реализовать свой потенциал (знание технологии учебной деятельности, умение применять эти знания в практике, наличие опыта самостоятельной учебной деятельности) при успешном решении проблемных задач в процессе учебной и других видов деятельности» [Осипова 2008: 9].

Несколько поколений филологов-богемистов свои первые шаги в лингвистике связывают именно с «освоением» учебника «Чешский язык» в его ранней или поздней редакции. А сегодня, продолжая традиции советско-российской богемистики, заложенные Александрой Григорьевной Широковой, ее бывшие ученики пишут и издают свои учебники, следуя основным принципам функционального подхода и учитывая достижения современной лингводидактики – яркими примерами могут служить две великолепные книги, демонстрирующие разные способы презентации чешского языка: «Чешский язык» В.Ф. Васильевой⁹ и «Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2» А.И.Изотова¹⁰.

«Учебник В.Ф. Васильевой блестяще выполняет поставленные автором задачи: служит учебным пособием и справочником для филологов-богемистов и преподавателей чешского языка, в доступной форме объясняет структуру и практическое применение современного чешского языка для всех желающих изучить чешский язык даже самостоятельно, а также может использоваться как учебное пособие по курсу введения в языкознание на основе чешского языка. Замечательной особенностью

⁹ Васильева В.Ф. Чешский язык. М.: Издательство «Дикси Пресс», 2014. 512 с.

¹⁰ Изотов А.И. Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. М.: Филоматис, 2016. 424 с.

учебника является то, что весь материал подается в сопоставлении с русским языком, с предварительным экскурсом в языковые особенности не только чешского, но и русского языка, с акцентом на сходстве двух языков и их отличии друг от друга» [Новоселова – из Предисловия к учебнику]

«Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2» А.И. Изотова является уникальным в своем роде изданием, в котором авторская концепция свела воедино доступно изложенную грамматику чешского языка, большой массив аутентичных текстов, интересный социокультурный комментарий, объемный двуязычный словарь и блок упражнений, призванных сформировать умение конструировать грамматически и синтаксически правильные формы, без знания которых невозможно решить коммуникативные задачи. Чешский язык подается в виде диалогов и микродиалогов, имитирующих реальные ситуации повседневного общения; при этом все отобранные автором единицы прошли проверку в чешском национальном корпусе на частотность употребления и вариативность функционирования в речи, а их последовательная презентация в текстах/репликах микродиалогов явилась своеобразным know how и стала той «изюминкой», которая выгодно отличает это пособие от других.

Следует отметить, что несмотря на разные подходы (теоретический у В.Ф. Васильевой и прагматический у А.И. Изотова), общей чертой и учебника, и самоучителя является постоянное привлечение внимания к сходству или отличию чешского грамматического феномена от системно ему соответствующего русского.

Если рассматривать «идеальный» учебник как некую совокупность отдельных компонентов, взаимно дополняющих друг друга так, что они выполняют все функции учебного материала и при этом учитывают особенности личности студента¹¹, то придется признать нереальность создания такого учебника, поскольку *osobnost žáka, kterému je učebnice určena* – величина переменная. Возможно, именно поэтому многочисленные учебники из серии „Čeština pro cizince“, нивелирующие языко-

¹¹ Učebnici můžeme nazvat edukačním konstruktem, neboť představuje složitý celek několika komponent, které mají být pokud možno v rovnováze. Textové komponenty by měly být vhodně doplněny komponentami obrazovými a obě tyto komponenty by měly zároveň respektovat nejen všechny výše uvedené funkce učebnice, ale i osobnost žáka, kterému je učebnice určena především. Dobrá učebnice nejen že může být důležitým a nezastupitelným prostředkem pro vzdělávání a sebevzdělávání žáků, ale měla by také usnadnit a zpříjemnit práci učitelům. Prostřednictvím učebnice lze u žáků zvýšit motivaci ke studiu, pokud je psaná z jejich pohledu poutavým a srozumitelným textem, doplněným vhodně zvoleným obrazovým materiálem (který má především didaktickou funkci, nikoliv pouze funkci ozdobnou). Pokud dále učebnice obsahuje například rozšiřující učivo pro nadané žáky, nabízí svým charakterem k využití různých výukových metod a je případně doplněna moderně zpracovanou metodickou příručkou, stane se bezpochyby i vítaným pomocníkem pro učitele.

вые и культурные различия обучаемых, иногда подвергаются жесткой критике¹² – профессор Йельского университета (Yale University, USA) пишет: „Z vlastní zkušenosti: zatím jsem nenarazila na atraktivně vybavenou a zajímavě zpracovanou učebnici českého jazyka pro cizince, která by nabídla učení se použitelnému českému jazykům, jenž je organicky spjat s aktuální realitou České republiky“ [Karen von Kunes 2019].

Учебники, создаваемые для носителей определенного языка (в нашем случае русского), позволяют максимально использовать возможности его положительного влияния, снижая при этом уровень негативной интерференции, а также более точно акцентировать внимание на социокультурных различиях.

И если при этом в учебнике:

- используется комплексный подход, ускоряющий и улучшающий восприятие и более точное использование изучаемого языка;

- система содержащих «коммуникативный потенциал» упражнений ориентирована на формирование лингвистической и переводческой компетенции;

- представлена функционально-стилистическая дифференциация изучаемого языка;

- дополнительные материалы мотивируют к самостоятельной работе и развивают критическое мышление,

то, может, «идеальный учебник» все-таки не миф? И секрет долголетия и востребованности учебника А.Г. Широковой в том, что сегодня он представляет собой идеальную матрицу, которую хороший преподаватель всегда сумеет наполнить актуальным контентом с учетом специфики целевой аудитории.

Литература / References

1. *Васильева В.Ф.* Чешский язык. М.: Издательство «Дикси Пресс», 2014. 512 с.
2. *Изотов А.И.* Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. М.: Филоматис, 2016. 424 с.
3. *Изотов А.И.* Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 36 / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: ООО "МАКС Пресс", 2008. – С. 64-69
4. *Орлова Е.С.* Современные парадигмы лингводидактики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. №4(2). С. 366-372.
5. *Осипова Л.А.* Информационно-образовательные проекты как средство формирования у студентов когнитивной компетентности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2008. – 25с.
6. *Пасов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 2011. – 223 с.
7. *Филипович И.И.* Подходы к обучению грамматике иностранного языка // Научный вестник ЮИМ, 2014. №4. С. 84-87.

¹² Proč učebnice češtiny více děsí než těší americké studenty / Britské listy, 20. 8. 2019.

8. Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская.* – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1988. – 544 с.
9. *Čechová M.* Řeč o řeči. Praha: Academia, 2012. – 311 s.
10. *Čechová M., Štyblík V.* Čeština a její vyučování. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1998. – 264 s.
11. *Karen von Kunes.* Proč učebnice češtiny více děsí než těší americké studenty [Электронный ресурс.] URL: [www.https://blisty.cz/art/96664-proc-ucebnice-cestiny-vice-desi-nez-tesi-americke-studenty.html](https://blisty.cz/art/96664-proc-ucebnice-cestiny-vice-desi-nez-tesi-americke-studenty.html) Дата последнего обращения 20. 8. 2019.
12. *Maňák J., Knecht P.* (eds.) Hodnocení učebnic. Brno: Paido, 2007. – 142 s.
13. *Philips D.* Language in Schools. From Complacency to Conviction // CILT 1988. – 12p.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИДЕАЛЬНОМ И НЕИДЕАЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ

А.И. Изотов

ONCE AGAIN ABOUT THE PERFECT AND IMPERFECT TEXTBOOK

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The article considers the possibilities of using authentic material in the teaching of the Czech language. The new textbook presents an attempt to maximize the use of such authentic language material. However, the textbook maintains a consistent reliance on the principles of comparison of the Czech language with the Russian language and on the system-functional principle of presenting language material, as it is in the classic textbook, written by a team of authors edited by Professor A. G. Shirokova.

Key words: Czech textbooks; system-functional approach; authentic language material; Standard Czech; Common Czech

АННОТАЦИЯ:

Эта статья попытке максимального использования аутентичного языкового материала в новом учебнике автора статьи, пытавшегося, тем не менее, при этом опираться на принципы последовательного сопоставления изучаемого языка с родным и на системно-функциональный принцип подачи языкового материала, характерные для классического учебника чешского языка для носителей русского языка, написанный коллективом авторов под редакцией профессора А.Г. Широковой.

Ключевые слова: учебник чешского языка, системно-функциональный подход, аутентичный языковой материал, литературный чешский язык; обиходно-разговорное чешское койне

Прекрасно осознавая то обстоятельство, что рядом с шедевром А.Г. Широковой и её коллег любой другой учебник чешского языка будет выгладеть, скорее всего, жалкой поделкой, автор настоящих строк многие годы отвергал предложения различных издательств написать нечто в этом роде. Однако 12 лет назад, находясь в эйфории после за-

щиты докторской диссертации, он дал себя уговорить, имея в виду, что речь идет о принципиально ином типе учебника.

Дело в том, что [Чешский язык 1988], как и большинство отечественных учебников того времени, рассчитан на тех, кому соответствующий иностранный язык нужен профессионально, то есть для той самой деятельности, с помощью которой он зарабатывает (или рассчитывает зарабатывать) на свой кусок хлеба с маслом. Совсем не обязательно это филолог, это может быть историк, журналист, экономист, врач, инженер, офицер и т.д. Человек с такой серьезной мотивацией будет старательно осваивать грамматический и лексический материал, выубирать скучные исключения из правил и вообще будет делать много того, для чего je zapotřebí leb ocelová a zádek olověný (по выражению ссылающегося на Я.А. Коменского профессора из популярного фильма Jak básníci přicházejí o iluze). Да и способности к освоению нового материала у человека, натренированного старославянским, сопрааматом, функциональным анализом или анатомией, будут, пожалуй, повыше, чем у тех, кому долбить гранит учения (это наше развитие метафоры Коменского со стальным лбом) не приходилось.

Сейчас же основной потребитель всевозможных пособий по иностранным языкам, на которого и ориентируются книгоиздатели, это имеющий много свободного времени любопытствующий субъект, которому вдруг пришло в голову: «А не поучить ли мне чешский/лхасский/клингонский¹/... язык? Будет прикольно» и которого надо подманить блестящей обложкой и разноцветными картинками. Например, в первом уроке «русской версии» учебника чешского языка для иностранцев [Holá 2016], на пособия которой, насколько мы можем судить, ориентируются в основном многочисленные центры преподавания чешского языка иностранцам в Чехии, да отчасти и за её пределами, содержится более 40 (!) цветных фотографий.

Поэтому для упомянутого в предыдущей статье «профессора² Йельского университета» (имеющей дело, судя по всему, именно с подобны-

¹ **Клингонский язык** – искусственный язык, полученный в результате «скрещивания» ряда языков индейцев Северной Америки с санскритом по заказу Paramount Studios для сериала Star Trek. Клингонский язык имеет детально разработанную грамматику, синтаксис и словарь, а также регулирующую организацию – Институт клингонского языка (<https://web.archive.org/web/20101113055831/http://www.kli.org/>), публикующий переводы классических литературных произведений на клингонский язык и научный журнал, развивающий язык. В интернете можно найти видео, где загримированный под динозавроподобное существо актер с выражением читает на клингонском языке монолог Гамлета. О своем владении клингонским языком сообщает персонаж комедии Snached (2017) двадцатипятилетний (?) Джеффри Мидлтон.

² Вернее, ст. лектора, см. <https://slavic.yale.edu/people/karen-von-kunes/> В Интернете можно найти целую серию её интервью каналу Britské listy, где эта дама говорит вообще много интересного, см. https://www.youtube.com/channel/UC_RP1qKbFCxsFpOgC_v1ocA

ми учениками из числа гармонично развитых американских студентов, всерьез занимающихся какой-нибудь медициной или программированием, а для развлечения – чешским или клингонским) недостатком блестящей, по нашему мнению, серии пособий Й. Цвейновой является недостаточно белая бумага и небрежно сделанные рисунки. Страшно подумать, что эта дама сказала бы о [Чешский язык 1988], знай она о его существовании!

Этого потенциального покупателя ни в коем случае нельзя пугать даже намеком на трудности, ср. *Никакого стресса. 30 мин/день*: <https://www.escc.ru/skachat-probnjy-urok?recl=82899&courseid=83&yclid=5762661914336069670>).

Этому покупателю можно пообещать, что он выучит даже очень трудный иностранный язык за месяц, ср. соответствующую серию «реальных самоучителей» издательства Восток-Запад <https://www.livelib.ru/book/1000166767-cheshskij-yazyk-za-odin-mesyats-samouchitel-razgovornogo-yazyka-a-gorohova>.

А еще лучше – за неделю, ср. <https://speakasap.com/ru/cz-ru/seven/>.

Всё равно никто дальше второго-третьего урока не продвинется, главное, чтобы книжку купил (записался на курс).

И так далее, и тому подобное.

В очередной раз объясняя «эффективным менеджерам» очередного издательства, что учебник иностранного языка совсем без грамматики и с исключительно аутентичными текстами – вещь труднопредставимая по целому ряду причин, мы задумались о принципиальной возможности собрать во вводной части самоучителя весь тот грамматический и лексический материал, которого может быть достаточно для того, чтобы последующий материал студент мог просто «подбирать» („to acquire“), не обращая особого внимания на грамматику и лексику. Ведь если мы ориентируемся не на абстрактного иностранца, а на носителя близкородственного русского языка, то нам не надо мучительно объяснять сущность и значения падежей, совершенного и несовершенного видов, различия «тыканья» и «выканья» и т.п. Что же касается требования аутентичности, то объемы современных электронных корпусов позволяют подобрать для упражнений конструкции и высказывания, простота и эффективность которых не уступает классическим неаутентичным типа *Маша мыла раму*, идеальным для начального обучения. Кроме того, общий объем действительно аутентичных текстов можно значительно увеличить за счет юмористических микродиалогов – анекдотов, а также аутентичных медальонов о том или ином значимом для чешской лингвокультуре феномене. В результате получился «Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2», изданный в 2016 году московским издательством «Филоматис». Забавно, что по настоянию редакторов изда-

тельства, первоначально требовавших изгнать грамматику как класс, в данный самоучитель были включены как более подробные, чем это планировалось первоначально, грамматические пассажи, так и упражнения к ним. К сожалению, вот уже несколько лет сотрудники издательства не реагируют ни на звонки, ни на запросы по электронной почте, хотя сайт <http://www.filomatis.com/> по-прежнему висит в Интернете. Так что мы, выждав предусмотренное договором время, издали основную часть данного самоучителя в издательстве МАКС Пресс в 2019 году.

Переход от формата страницы А4 к формату А5 потребовал определенного переформатирования), однако основная структура издания 2016 года была сохранена.

Так, начало вводной части (сразу после чешского алфавита) выглядит следующим образом:

ПРАВИЛА ПРОИЗНОШЕНИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

Ударение

Ударение в чешском языке всегда падает на первый слог, а у слов с предлогом – на предлог, при этом **ударные** и **безударные** гласные звуки произносятся **одинаково отчётливо**.

🔊 **Упражнение 1. Прослушайте и повторите за диктором следующие слова.**

ruka, oko, ucho, kompas, forma, barva, karta, cesta, kapka, maso, matka, sama, kočka, kapsa, pokus, jaro, guma, koza, mapa, sako, chata, karas, socha, bajka, obrok, kakao, akrobat, aktovka, bačkora, opora, balada, kapusta, pokazat, baleтка, omakat, maraton, masopust, balalajka, na mapu, na kartu, na kočku.

Краткие и долгие гласные

Гласные звуки в чешском языке могут быть **краткими** и **долгими**, при этом долгота гласного на письме **всегда обозначается** – в большинстве случаев значком, похожим на русский знак ударения (**á, ó, ú, í, ý, é**), а в случае с долгим [ū] также маленьким кружком над буквой (**ů**). Запомните, что буквы **ů** и **ú** обозначают один и тот же звук! Долгие гласные приблизительно в два раза длиннее кратких. Надо следить за правильным произношением долгих и кратких гласных, потому что от того, долгий или краткий гласный мы произнесли, может зависеть значение слова, например:

sár 'лоськут'	car 'царь'
lák 'рассол, маринад'	lak 'лак'
pás 'пояс'	pas 'загранпаспорт'
rudá 'красная'	ruda 'руда'
plochá 'плоская'	plocha 'поверхность'

děkují ‘они благодарят’	děkuji ‘я благодарю’	
pátá ‘пятая’	pata ‘пятка’	
drahá ‘дорогая’	dráha ‘дорога’	
vratká ‘неустойчивая’	vrátka ‘калитка’	vratka ‘экон. возвращаемая сумма’

⚠ Внимание!

Нельзя путать русский знак ударения и чешский знак долготы гласного!

Чешское ударение на письме не обозначается!

🗣 **Упражнение 2.** Прослушайте и повторите за диктором следующие слова и словосочетания, обращая внимание на ударение, а также на произношение долгих и кратких гласных.

Bůh, pás, sát, spát, stát, trám, káva, máma, táta, nástroj, lákat, pára, látka, právo, průchod, průkaz, únik, průvoz, půdorys, únava, úprava, kabát, randál, tabák, rukáv, voják, samá, brokát, naráz, prorůst, cukárna, kaviár, manuál, uragán, umačkávat, rámovat, párátko, úniková cesta, krátká zpráva, krásná váza, dobrá rada, stará brána.

Произношение согласных перед буквой ě

Чешские буквы **e** и **ě** обозначают один и тот же звук – краткий [e]. Разница состоит в том, что некоторые буквы перед ними читаются неодинаково:

ne, te, de – приблизительно как русское **нэ, тэ, дэ**

ně, tě, dě – приблизительно как русское **не, те, де**

pe, be, ve, fe, me – приблизительно как русское **пэ, бэ, вэ, фэ, мэ**

pě, bě, vě, fě, mě – приблизительно как русское **пье, бье, вье, фье, мие**.

⚠ Внимание!

Сочетание **mě** может читаться как **мье** только в Южной Чехии и в Моравии. Большинство чехов произносит это сочетание как **мие**!

Сразу же надо отметить, что если чешский твердый звук [t] очень похож на русский **т** (при его произнесении кончик языка касается зубов), при произнесении чешских твердых [d] и [n] кончик языка касается не зубов, как в русском, а альвеол, как в английском.

Чешские мягкие звуки [nʷ], [tʷ], [dʷ] произносятся ещё мягче, чем русские **нь, ть, дь**, при этом надо стараться, чтобы при произнесении [tʷ], [dʷ] не возникал свистящий призвук³.

☛ **Cvičení 3. Vyslechněte a opakujte slova a slovní spojení.**

nemá, nemá, krásně, stejně, báječně, vůně, banálně, barevně k němu, dej, děj, děd, děti, děvčata, dělat, vděčně, beznadějně, anděl, pozdě, po pravdě, ve vodě, sedět, těsto, ještě, deště, po cestě, v celém světě, pět, pěna, pět, zpěv, čpět, pěkně, nazpět, o lampě, oběd, běžně, běžet, po sobě, nevěsta, květ, věc, věta, v hlavě, člověk, zvědavost, o katastrofě, město, měna, odměna, umět, směnka, změna, úsměv.

Далее подобным же образом говорится о произношении согласных перед *i* (*i*) и *y* (*y*); об употреблении букв *Ň* (*ň*), *Ť* (*t*), *Ď* (*d*), согласных *š*, *ž*, *č*; о дифтонгах *au*, *eu*, *ou*; о согласном *l* и слогаобразующих *l* и *r*; букве *ř*; о букве *h* и диграфе *ch*; о букве *g*; о сочетаниях *ji* и *ji*; о не обозначаемом на письме согласном [j] в словах типа *rádio*; о буквах *q*, *w*, *x*; о сочетаниях *sh*, *nk* и *ng*; о придыхании перед начальным гласным, о произношении иностранных имен типа *Shakespeare*, *Feuchtwanger*, *Wałęsa*, *Grünewald*, включая имена с буквами, отсутствующими в чешском алфавите, о правилах чтения графически не освоенных заимствований типа *airbag* или *notebook*.

Далее описываются некоторые регулярные графические и фонетические соответствия между чешским и русским языками, например, чешское *h* – русское *г* (*host* - *гость*), чешское *ř* – русское мягкое *р* (*řeka* - *река*), чешские *e*, *i* после мягких согласных – русские *a*, *y* (*naše ulice* - *наша улица*, *řekl otci* - *сказал отцу*), чешское *ů* – русское *о* (*sůl* - *соль*), чешское *ou* – русское *у* (*moucha* - *муха*) и приводятся некоторые чешско-русские «ложные друзья переводчика»:

<i>rodina</i>	семья	<i>rodina</i>	<i>vlast</i>
<i>vlast</i>	родина	<i>vlast</i>	<i>moc</i>
<i>život</i>	жизнь	<i>život</i>	<i>břicho</i>
<i>pozor</i>	внимание	<i>pozor</i>	<i>hanba</i>
<i>vůně</i>	аромат	<i>vůně</i>	<i>zápach</i>
<i>krásný</i>	красивый	<i>krásný</i>	<i>červený</i>
<i>chudý</i>	бедный	<i>chudý</i>	<i>hubený</i>
<i>žádný</i>	никакой	<i>žádný</i>	<i>lačný</i>
<i>čerstvý</i>	свежий	<i>čerstvý</i>	<i>tvrdý</i>
<i>lakomý</i>	скупой	<i>lakomý</i>	<i>mlsný</i>

³ В русских словах типа *тихо* или *темнота* этот призвук не такой сильный, как в белорусском или, тем более, польском, однако чехи его слышат.

После графики и фонетики приходит черед глаголов *být* ‘быть’ и *mít* ‘иметь’ включая устойчивые сочетания типа *mám hlad, mám strach, mám obavy, mám pravdu, mám se dobře*, а также этикетных слов и выражений типа *Dobrý den! Dobrý večer! Na shledanou (zítra)! Ahoj! Nazdar! Čau!*, способов обращения к собеседнику типа *Pane!/Mladý pane! Paní!/Mladá paní! Slečno! Chlapče! Hochu!* включая правила употребления фемининных вариантов названий лиц по профессии (*Pane inženýre! > Paní inženýrko! Pane doktore! > Paní doktorko! Pane řediteli! > Paní ředitelko! Pane profesore! > Paní profesorko! Pane docente! > Paní docentko! Pane učiteli! > Paní učitelko! Pane poslanče! > Paní poslankyně! Pane ministře! > Paní ministryně!*) а также деминутивов от наиболее распространенных чешских имен (*Josef > Josefe! > Pepík! Pepičku! Jan > Jane! > Honzo! Honzíku! Honzíčku! Václav > Václave! > Vencle! Vašku! Karel > Karle! > Kájo! Bedřich > Bedřichu! > Bědo!*).

Включение во вводную часть описания спряжения основных типов чешских глаголов было обусловлено как важностью предикации для формирования высказывания, так и относительной простотой чешского глагольного словоизменения в сравнении, например, с чешским именным словоизменением или даже с польским глагольным словоизменением, ср.:

Настоящее и будущее время глагола

В чешском языке, как и в русском, формы **настоящего** времени образуются от глаголов несовершенного вида, а формы **будущего** времени **с теми же окончаниями** – от глаголов совершенного вида, например: *nesu – přinesu, несу – принесу*.

Запомните формы настоящего времени глаголов **nést** ‘нести’, **psát** ‘писать’, **pracovat** ‘работать’, **dělat** ‘делать’, **prosit** ‘просить’, **umět** ‘уметь’:

	nést	psát	pracovat	dělat	prosit	umět
já	nes <u>u</u>	pí <u>š</u> u	prac <u>u</u> jí	dě <u>l</u> ám	pros <u>í</u> m	um <u>í</u> m
ty	nese <u>š</u>	pí <u>še</u> š	prac <u>u</u> je <u>š</u>	dě <u>l</u> á <u>š</u>	pros <u>í</u> š	um <u>í</u> š
on,	nese	pí <u>še</u>	prac <u>u</u> je	dě <u>l</u> á	pros <u>í</u>	um <u>í</u>
ona,						
ono						
my	nes <u>e</u> me	pí <u>še</u> me	prac <u>u</u> j <u>e</u> me	dě <u>l</u> á <u>e</u> me	pros <u>í</u> me	um <u>í</u> me
vy	nes <u>e</u> te	pí <u>še</u> te	prac <u>u</u> j <u>e</u> te	dě <u>l</u> á <u>e</u> te	pros <u>í</u> te	um <u>í</u> te
oni,	nes <u>o</u>	pí <u>šo</u>	prac <u>u</u> j <u>í</u>	dě <u>l</u> á <u>jí</u>	pros <u>í</u>	um <u>í</u> <u>jí</u>
ony,						
ona						

Как мы видим, многие чешские формы очень похожи на русские, например: **nesu** – *несу*, **neseš** – *несешь*, **nesete** – *несете*, **píšu** – *пишу*, **píšeš** – *пишешь*, **píšete** – *пишете* и т.д.

Кроме того, из приведенной таблицы видно, что различия между чешскими окончаниями разных глаголов касаются в основном формы 1 лица ед. числа, поэтому она и отмечается обычно в словарях дополнительно к неопределенной форме глагола, например:

nést, nesu *nedok.* нести
psát, píšu *nedok.* работать
umět, umím *nedok. s inf.* уметь *s inf.*
prac|lovat, -uji *nedok.* работать
pros|lit, -ím *nedok. koho o čem, u koho čeho*

→ Упражнение 32. Трансформируйте данные предложения по образцу:

Čtu knihu. ‘Я читаю книгу.’ → **Čteme knihu** ‘Мы читаем книгу.’

Studuji na univerzitě. ‘Я учусь в университете.’

Studuji každý den. ‘Я учусь каждый день.’

<...>

↪ **Внимание!**

В разговорной речи вместо форм 1 лица ед. числа типа **žij[í]**, **pracuj[í]** вы можете услышать формы типа **žij[ú]**, **pracuj[ú]**,

а вместо форм 3 лица мн. числа типа **žij[í]**, **pracuj[í]** – **žij[ou]**, **pracuj[ou]**.

Как и в русском языке, **будущее время от глаголов несовершенного вида** образуется сочетанием формы будущего времени глагола **být** ‘быть’ и инфинитива смыслового глагола:

já	budu dělat
ty	budeš dělat
on, ona, ono	bude dělat
my	budeme dělat
vy	budete dělat
oni, ony, ona	budou dělat

→ Упражнение 36. Переведите на чешский язык следующие предложения:

Я буду жить в Москве. Мы будем жить в Москве. Моя сестра будет жить в Москве. Они тоже будут жить в Москве. А вы будете жить в Москве?

<...>

☞ Внимание!

В отличие от русского, в чешском языке **возвратная частица se** или **si** не только пишется **отдельно от глагола**, но также может стоять **и до, и после** него, а также отделяться от соответствующего глагола другими словами.

Эти частицы стремятся занять место как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Vrátím se domů večer. – Я вернусь домой вечером.

Večer se vrátím domů. – Вечером я вернусь домой.

Čemu se směješ? – Ты чему смеешься?

Čemu se zase směješ? – Ты чему опять смеешься?

Чешская возвратная частица **se**, как и русская возвратная частица **-ся**, была когда-то формой *винительного* падежа возвратного местоимения, сравним, например, чешское **muji se** и **muji sebe** или русское **моюсь** и **мою себя**. Чешская возвратная частица **si** была формой *дательного* падежа того же местоимения, поэтому она и сейчас может выражать значение ‘для себя, в своих интересах’, например: **Kupuji si košili** ‘Я **покупаю (для себя) рубашку**’.

Обе чешские частицы (**se** и **si**) могут выражать взаимно-возвратное значение, например:

Kde se sejdeme? ‘Где мы встретимся?’

Večer si popovídáme ‘Вечером мы поговорим (друг с другом)’

Впрочем, иногда возвратная частица **se** или **si** не выражает никаких особых оттенков значений и употреблена лишь потому, что соответствующий глагол без неё не употребляется, например:

dívat se ‘смотреть’

přát se ‘спрашивать’

myslet si ‘думать’

přát si ‘желать’

Прошедшее время глагола

В отличие от русского языка, в котором прошедшее время состоит из простой «эловой» формы (например: *был, была, было, были, пришел, пришла, пришли*), в чешском языке к такой «эловой» форме смыслового глагола в первом и втором лице присоединяется соответствующая форма глагола **být** настоящего времени. В третьем лице прошедшее время

образуется, как и в русском, чистой «эловой» формой смыслового глагола:

	dělat	prosit	psát	umět	pracovat	být
já	dělal jsem	prosil jsem	psal jsem	uměl jsem	pracoval jsem	byl jsem
ty	dělal jsi	prosil jsi	psal jsi	uměl jsi	pracoval jsi	byl jsi
on	dělal	prosil	psal	uměl	pracoval	byl
my	dělali jme	prosili jme	psali jme	uměli jme	pracova- li jsme	byli jsme
vy	dělali jste	prosili jste	psali jste	uměli jste	pracova- li jste	byli jste
oni	dělali	prosili	psali	uměli	pracova- li	byli

Когда формы глагола **být** используются **в составе прошедшего времени**, на них никогда не падает ударение и они, подобно возвратным частицам **se** и **si**, располагаются как можно ближе к началу предложения, однако не в самом начале, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’

Včera jsem pracoval. ‘Вчера я работал.’

Včera jsem celý den pracoval. ‘Вчера я целый день работал.’

Včera jsem pracoval celý den. ‘Вчера я работал целый день.’

Já jsem pracoval. ‘Я работал.’

Já jsem včera pracoval. ‘Я вчера работал.’

Já jsem včera celý den pracoval. ‘Я вчера целый день работал.’

Já jsem včera pracoval celý den. ‘Я вчера работал целый день.’

Образование некоторых форм прошедшего времени у возвратных глаголов имеет свои особенности. Если в позицию второго лица единственного числа прошедшего времени попадает глагол с возвратной частицей **se** или **si**, эта возвратная частица сливается с вспомогательной формой **jsi**:

jsi se → **ses**

jsi si → **sis**

Kdy ses vrátil? ‘Когда ты вернулся?’ (**vrátit se** ‘вернуться’)

Na co ses ptal? ‘О чём ты спрашивал?’ (**ptát se** ‘спрашивать’)

No co sis myslel? ‘О чём ты думал?’ (**myslet si** ‘думать’, ‘полагать’)

Co sis koupil? ‘Что ты себе купил?’ (**koupit si** ‘купить себе’)

Как и в русском языке, «эловые» формы различаются по роду, например:

Pracoval jsem. ‘Я работал.’

Pracovala jsem. ‘Я работала.’

При этом, в отличие от русских, чешские «эловые» формы различаются по роду также и во множественном числе (хотя в случае с формами типа **pracovali** и **pracovaly** речь идет только о правописании, ведь произносятся они, как мы помним, одинаково):

Muži pracovali.

‘Мужчины работали’

Ženy pracovaly.

‘Женщины работали’

Děvčata pracovala.

‘Девушки работали’ (чешское слово **děvče** – среднего рода)

☛ Упражнение 37. Прослушайте и повторите за диктором следующие вопросы и ответы, обращая внимание на интонацию.

Co jsi dělal včera? ‘Что ты делал вчера?’ – **Včera jsem byl doma.**
‘Вчера я был дома.’

<...>

☛ Внимание!

В отличие от русского языка, чешская «вежливая» форма в прошедшем времени образуется сочетанием **множественного** числа глагола **být** и **единственного** числа смыслового глагола:

Co jste dělal včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнику на «Вы»)

Co jste dělala včera? Что Вы делали вчера? (обращение к собеседнице на «Вы»)

Co jsi dělal včera? Что ты делал вчера? (обращение к собеседнику на «Ты»)

Co jsi dělala včera? Что ты делала вчера? (обращение к собеседнице на «Ты»)

Co jste dělali včera? Что вы делали вчера? (обращение к нескольким людям)

☛ Упражнение 40. Переформулируйте вопросы из упражнений 37 и 38 так, как если бы собеседники были между собой «на Вы»:

Co jsi dělal včera? → **Co jste dělal včera?**

Co jsi dělala včera? → **Co jste dělala včera?**

Как мы видим, имеющие широкое хождение нелитературные формы в самоучителе отмечаются (в примечаниях), однако основное внимание уделяется именно литературному языку в силу причин, замечательно изложенных в [Hrdlička 2010: 74 след.].

Подробно основные особенности собственно чешского обиходно-разговорного койне (*obecná čeština*) описываются в последней главе основной части самоучителя на с. 337-342.

В вводной части рассматриваются и чешские модальные глаголы, потому что конструкции с ними являются основным средством выражения модальных значений в чешском языке (в отличие от языка русского, где функционально нагруженными оказываются прежде всего неглагольные модальные квалификаторы. Завершается вводная часть таблицей с названиями чешских и русских падежей, а также сообщением, что в чешском языке, как и в русском, существительные бывают мужского, женского и среднего рода, причем прилагательные, а также некоторые местоимения и числительные могут совпадать с тем или иным существительным в роде, числе и падеже.

Ну а чтобы обучаемый при изучении всей этой грамматики не уснул, каждый или почти каждый параграф (как во вводной части, так и в части основной) иллюстрируется юмористическим мини-диалогом или несколькими мини-диалогами – анекдотами, которые были отобраны из приблизительно пяти тысяч анекдотов из чешского интернета, из фильмов, из художественной литературы и т.д. С их помощью, в частности, выполнялось изначальное требование издательства максимально-го использования аутентичных текстов. Мы браковали анекдоты неприличные, а также чересчур сложные содержательно либо по форме, так что в результате была использована где-то десятая часть общего массива. Каждый анекдот снабжен русским переводом с максимальным сохранением внутренней структуры исходного текста, поскольку они приводились не в качестве упражнений на понимание, а для того, чтобы помочь запомнить ту или иную грамматическую или лексическую деталь, ср.:

[Произношение иностранных имен]

Babička se ptá lékaře:
„Pane doktore, jak se jmenuje
ten Němec, co mi pořád schovává
moje věci?“
„Alzheimer, babi, Alzheimer!“

Бабушка спрашивает у врача:
«Господин доктор, как зовут того
немца, который всё время прячет
мои вещи?»
«Альцгеймер, бабуля, Альцгей-
мер».

[Обращение к собеседнику]

„Pane Nováku, má ten váš pit-bull rád děti?“ «Господин Новак, ваш питбуль любит детей?»
„Ten žere všechno, paní.“ «Он жрет всё, мадам!»

[Диминутивы]

„Tak co, Honzíku, jak dopadlo vysvědčení?“ chce vědět maminka. «Ну что, Гонзик, как там табель успеваемости?» – интересуется мама.
„Ale mami, hlavně že jsme zdraví!“ «Мама, главное, что мы живы и здоровы!»

[Ложные друзья переводчика]

Ptá se Pepíček tatínka: «Пепичек спрашивает у отца:
„Tatí, co je to čestný titul?“ «Папа, что такое почетный титул?»
„To je něco podobného, jako když maminka řekne, že jsem hlava rodiny.“ «Это что-то вроде того, когда мама говорит, что я глава семьи».

[Прошедшее время]

„Četl jsi o škodlivosti alkoholu?“ «Ты читал о вреде алкоголя?»
„Ano.“ «Да».
„A přestal jsi pít?“ «И ты перестал пить?»
„Ne, číst.“ «Нет, читать».

[Модальные глаголы]

„Vstávej, v kuchyni je zloděj a jí ten salát, co jsem udělala na zítřek!“ «Вставай, на кухне вор, он ест салат, который я приготовила на завтра!»
„A mám volat policii nebo záchranku?“ «А мне звонить в полицию или в скорую помощь?»
Víte, co musíte udělat, když potkáte hladového medvěda v Tatrách? Знаете, что вы должны сделать, если встретите в Татрах голодного медведя?
Nemusíte dělat nic, medvěd udělá všechno za vás. Вам не придется ничего делать, медведь всё сделает за вас.

Основную часть самоучителя составляют семь глав, посвященных соответственно темам «Семья», «В городе», «Покупки», «В ресторане», «Путешествие», «Погода» + «Здоровье», «Чешская республика», построенных по одной схеме.

Каждую такую главу открывает диалог, в который автор попытался дать как можно больше лексем из соответствующего тематического круга, ср. начало подобного диалога из первой главы:

Jaroslav: Nazdar, Alenko! Kam tak spěcháš?

Alena: Ahoj, Jardo. To víš, k té svatbě musíme obstarat spoustu věcí.

Jaroslav: Gratuluji, ale já jsem vůbec nevěděl, že se hodláš vdávat.

Alena: Uklidni se, já se zatím nev dávám. Snoubenkou je moje sestra Eva.

Jaroslav: To se mi ulevilo. Ale taky jsem nevěděl, že máš nějakou sestru. Myslel jsem, že máš jenom mladšího bratra Emanu.

Alena: No, je to trochu složité. Eva je totiž má nevlastní sestra. Je dcerou mého otce z prvního manželství. Ale jinak mám více příbuzných. Třeba mám v Brně strýce Ludvu a tetu Emu – jsou to bratr a švagrová mé matky. Ti mají pět dětí – dvě dcery a tři syny, takže mám ještě dvě sestřenice a tři bratrance. Pak v Brně žijí rodiče strýce Ludvy – totiž moje babička a můj dědeček, kdyžto rodiče tety Emy žijí na venkově a mají příbuzné snad v celém okolí.

Jaroslav: No, na Moravě vždycky měli početné rodiny.

Alena: To není všechno. Můj otec má v Ostravě neteř a synovce – jsou to děti jeho starší sestry a švagra. Ten jeho synovec ještě chodí do gymnázia, ale moje sestřenice je už vdaná a má dceru. To snad je moje neteř nebo co?

<...>

Словарик в конце каждого такого диалога включает **все** содержащиеся в нем полно-знаменательные слова, а не только новую лексику, что, во-первых, существенно облегчает жизнь студента, который вполне может забыть то или иное пройденное на предыдущих занятиях слово, а во-вторых, позволяет проходить данные главы в произвольном порядке. Ср. начало словарика к диалогу, начало которого приводилось выше:

a и

absolv||ovat, -uji *сов.* окончить; **absolvovat techniku** окончить технический вуз

ahoj! привет!

ale но, однако

babičk||a, -u *ж* бабушка

Berlín, -a *м* Берлин

běž||et, -ím *несов.* бежать; **už musím běžet** мне уже пора

blahopř||át, -eji *несов.* *kому к čemu* поздравлять кого с чем; **~át k narozeninám** *kому* поздравлять с днём рождения кого

bratr, -a м брат м; **vlastní** ~ родной брат; **nevlastní** ~ сводный брат
bratran|ec, -ce т двоюродный брат

Brn|a, -a м Брно

budoucí будущий

cel|ý весь, целый; **v celém okolí** во всей округе

co что

čím чем; **Čím je?** Кем он/она работает?

dále, dál дальше, далее; **a tak dále** и так далее

dcer|a, -y ж дочь

dědeč|ek, -ka м дедушка

dě|at, -ám несов. **1.** работать; **~at inženýra** работать инженером. **2.** со
делая что

<...>

Сопровождающие диалог простые упражнения вынуждают вновь и вновь повторять содержащуюся в данном диалоге лексику, например:

↪ **Упражнение 1.** Пользуясь материалом диалога, переведите на чешский язык следующие предложения:

1. Привет, Аленка! Куда это ты так торопишься?
2. Мы должны сделать кучу вещей к свадьбе.
3. Поздравляю, но я не знал, что ты собираешься замуж.

<...>

↪ **Упражнение 2.** Пользуясь материалом диалога, ответьте по-чешски на следующие вопросы:

1. Jak se jmenuje dívka, s kterou Jaroslav právě mluví? / Как зовут девушку, с которой Ярослав в данный момент разговаривает?
2. Jak tu dívku Jaroslav oslovuje? / Как Ярослав обращается к этой девушке?
3. Jak Alena oslovuje Jaroslava? / Как Алена обращается к Ярославу?
4. Kam tak spěchá Alena? / Куда так Алена торопится?

<...>

↪ **Упражнение 3.** Ориентируясь на текст диалога, вставьте вместо многоточий пропущенные предлоги k, z (ze), v (ve), na, do, s, o:

1. To víš, ... té svatbě musíme obstarat spoustu věcí.
2. Je dcerou mého otce ... prvního manželství.
3. Mám ... Brně strýce Ludvu a tetu Emu.
4. Rodiče tety Emy žijí ... venkově.

<...>

Интегральную часть пособия составляют разделы «Полезные слова и выражения», которые автор позаимствовал из собственного чешско-русского разговорника [Изотов 1997] (первое издание вышло в 1997

průmyslovku
Maturoval jsem v roce 2010

техникум
Я получил аттестат зрелости в
2010

Взятые из чешского сектора Интернеты и иллюстрированные цветными фотографиями краткие тексты культурологического характера (Národní muzeum, Pražský orloj, Staroměstská radnice – всего 61 текст), игравшие в самоучителе (2016) достаточно важную роль (ведь речь также шла об аутентичных текстах), в издание 2019-го года по техническим причинам не вошли. По тем же техническим причинам туда не вошел и словарь в конце пособия, включает в себя около 3 000 словарных статей в чешско-русской части и около 2 000 – в русско-чешской части (в качестве замены им можно воспользоваться нашими словарями, изданными в 2012 году, см. Литература / References)

Электронную версию учебника 2019 года мы разместили в свободном доступе на странице «Учебные материалы» кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud/smile.html>). Туда же ведут гиперссылки из РИНЦ (<https://elibrary.ru/item.asp?id=39146112>) и DOI: [10.29003/m663.978-5-317-06190-6](https://doi.org/10.29003/m663.978-5-317-06190-6)

Мы надеемся, что представленный там материал может быть полезным для всех, кто изучает или преподает чешский язык по [Чешский язык 1988] или по любому другому учебнику.

Таким образом, подготовленный коллективом авторов под редакцией А.Г. Широковой учебник [Чешский язык 1988] мы продолжаем рассматривать в качестве идеального учебника для тех носителей русского языка, которым надо освоить чешский язык не только «для жизни», но и для того, чтобы на эту жизнь успешно зарабатывать (не обязательно переводчиком или преподавателем). При этом тем, кому нужны еще и сертификаты так называемых общеевропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR), в качестве дополнительного (!) учебного материала весьма пригодились бы пособия из соответствующей серии Цвейновой, структура и материал которых нацелены на подготовку к соответствующему экзамену.

Для тех же, кому чешский язык нужен разве что для того, чтобы произвести впечатление на официанта в ресторане или суметь воспользоваться электронным переводчиком в телефоне, подойдет (или не подойдет) любой из существующих или из еще только запланированных к опубликованию/написанию учебников чешского языка.

Что же касается вынесенной в заглавие статьи дихотомии, то мы вспоминаем слова, сказанные 22 века назад легендарным Цинь Шиху-

анди и повторенные уже в почти наше время Великим кормчим:
百花齐放, 百家争鸣 – Пусть расцветают сто цветов, пусть соперни-
чают сто учений!

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Русско-чешский разговорник. М.: Филология, 1997. – 296 с.
2. *Изотов А.И.* Русско-чешский разговорник. М.: Дрофа, 2008. – 320 с.
3. *Изотов А.И.* Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. - М.: Филоматис, 2012. - 832 с.
4. *Изотов А.И.* Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. - М.: Дрофа, 2012. - 1024 с.
5. *Изотов А.И.* Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. - №3(15). – С. 115-126.
6. *Изотов А.И.* Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. М.: Филоматис, 2016. 424 с.
7. *Изотов А.И.* [рец. на:] Holá I. Česky krok za krokem I. Praha: Akropolis, 2016. 204 с // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. - 2016. - № 4. - С. 201–210.
8. *Изотов А.И.* Чешский язык с улыбкой : учебное пособие. – М.: ООО "МАКС Пресс", 2019. – 416 с.
9. Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. вузов / *А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская.* – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1988. – 544 с.
10. *Svejnová J.* Česky, prosím I. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2008. – 216 s.
11. *Svejnová J.* Česky, prosím II. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2012. – 320 s.
12. *Svejnová J.* Česky, prosím III. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2016. – 304 s.
13. *Holá L.* Česky krok za krokem I. – Praha: Akropolis, 2016.
14. *Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. – Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010.

АВТОРЫ СБОРНИКА / AUTHORS

Белоусова Валентина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: valentbel@rambler.ru

Васильева Валерия Федоровна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: slavlang.msu@gmail.com

Воробьева Нина Викторовна – старший преподаватель филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: ninavorobjova@yandex.ru

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Индыченко Артем Андреевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: aaindychenko@gmail.com

Лифанов Константин Васильевич – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: lifanov@hotmail.com

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского университета
e-mail: i.kukushkina@spbu.ru

Осипова Ольга Андреевна – преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: fl_slavic@ffl.msu.ru

Петрухина Елена Васильевна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Рылов Станислав Александрович – кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
e-mail: standap46@mail.ru

Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, Государственный политический университет Чжэнчжи (Тайвань, г. Тайбэй)
e-mail: savchenko75@mail.ru

Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета; старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания, сотрудник Центра славяно-германских исследований Института славяноведения РАН
e-mail: sergej.skorvid@gmail.com

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского университета
e-mail: chmelevskij@mail.ru

Черчук Ольга Игоревна Викторович – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru

Czech Linguistics in Russia in the new Millennium : Collection of articles dedicated to the memory of the honoured professor of the Lomonosov Moscow State University Alexandra Grigoryevna Shirokova / Ed. by A.I. Izotov, N.V. Vorobyova. – Moscow : MAKS Press, 2020. – 152 p.

ISBN 978-5-317-06484-6

<https://doi.org/10.29003/m1490.978-5-317-06484-6>

The book contains articles written by students and colleagues of the leading Russian bohemist of the last century, honoured Professor of the Lomonosov Moscow state University Alexandra Grigoryevna Shirokova (1918–2003) and is devoted to various aspects of the Czech language in all the variety of its idioms. The collection is intended for specialists in the Czech language – academics and scholars.

Key words: A.G. Shirokova, Czech studies, Czech language, Standard language, koine, slang, dialect, phraseology.

Научное издание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БОГЕМИСТИКА
В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

*Сборник научных статей,
посвященный памяти заслуженного профессора
МГУ имени М.В. Ломоносова
Александры Григорьевны Широковой*

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: Е.М. Бугачева

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 20.10.2020 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 9,5.
Тираж 100 экз. Заказ 158.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/93. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр.13

